

Игорь Зимин

ЦАРСКАЯ РАБОТА

XIX — начало XX века
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Игорь Викторович Зимин
Царская работа. XIX – начало XX в.
Серия «Повседневная жизнь Российского
императорского двора», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645455

*Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. :
Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02855-6*

Аннотация

Автор представляет четвертую книгу из серии «Повседневная жизнь Российского императорского двора». В ней рассказывается о внешней стороне жизни царственных семей, о том, что предназначалось для посторонних взоров, – об интерьерах и рабочих кабинетах монархов, о придворных церемониалах, о личной охране императоров, а также о такой крайне любопытной теме, как императорская кухня.

Содержание

Необходимое пояснение	4
Распорядок дня и рабочие кабинеты российских монархов	5
Распорядок дня Николая I	6
Распорядок дня Александра II	13
Рабочий день Александра III	17
Рабочий день Николая II	24
Рабочий график императрицы Александры Федоровны	34
Рабочие кабинеты императоров	41
Секретари российских императоров	94
Церемониалы российского Императорского двора	109
Дворцовые приемы	114
Дворцовые выходы	117
Церемония у Иордани	125
Представления императорам	127
О манере работы Николая II и его эмоциональном складе	131
Присяга цесаревичей	135
Завещания и похороны монархов	140
За какие воинские заслуги награждались российские императоры орденом Св. Георгия	147
Георгиевский крест Александра I	151
Георгиевский крест Николая I	154
Георгиевский крест Александра II	156
Георгиевский крест Александра III	158
Орденский день 26 ноября	161
Георгиевский крест Николая II	165
От парадно-боевых подразделений – до спецслужб	171
III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии	173
Отдельный корпус жандармов	180
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Игорь Викторович Зимин

Царская работа. XIX – начало XX в.

Необходимое пояснение

В книге рассказывается о внешней стороне жизни царственных семей, о том, что предназначалось для взоров посторонних, – об интерьерах и расположении рабочих кабинетов монархов, о придворных церемониалах, о личной охране императоров, а также о такой крайней любопытной теме, как Императорская кухня.

Совершенно разнородные материалы объединены под общим названием «Царская работа». Правомерно ли это? Ведь очевидно, подлинно царская работа – это выработка решений, обеспечивающих процветание и безопасность государства и подданных; поддержание достойного международного престижа своей страны, сохранение внутренней стабильности в государстве при соблюдении разумного баланса интересов всех слоев общества и разрешение прочих основополагающих проблем.

В предлагаемом издании обо всем этом нет ни слова, но в названии не содержится ни явной, ни скрытой иронии.

Обязанность царственных особ практически постоянно пребывать «на виду» тоже своего рода работа. «Не терять лица» в любых ситуациях престолонаследников обучали с детских лет. Подспорьем сохранения властной харизмы монархов служило строгое соблюдение традиционных церемониалов, начиная от дворцовых «выходов» до коронаций, похорон и даже трапез, как парадных, так и будничных.

Преемственность в соблюдении традиций (подчас нелепых на современных взгляд) символизировала стабильность системы управления империей.

Большое внимание в книге уделено истории совершенствования структуры и форм личной охраны российских императоров, тому, как терроризм диктовал «правила игры» тем, кто обеспечивал безопасность государей.

Императорская кухня – одно из важнейших подразделений Министерства Императорского двора, во многом определявшее повседневную жизнь царской семьи. Непосредственно организацией питания занималась Гофмейстерская часть министерства. Эта структура в числе прочего отвечала за безупречное «довольствие» императорской семьи и ее окружения. В деятельности Императорской кухни пересекались интересы различных ведомств, лиц и «особ». Придворные медики контролировали ежедневное меню российских самодержцев и санитарное состояние кухонь. Не обходили кухню своим вниманием и дворцовые спецслужбы. Личные гастрономические пристрастия не только определяли повседневное меню, но и подчас способствовали «гастрономическим прорывам», формировавшим кулинарную моду эпохи.

Фраза «не царское это дело» и в рабочих, и в житейских ситуациях ныне стала расхожей. Надеюсь, предложенные вниманию читателей малоизвестные сведения в какой-то степени помогут понять буквальный смысл «царского дела» и удовлетворят интерес к повседневной жизни Российского Императорского двора во всей ее полноте.

Распорядок дня и рабочие кабинеты российских монархов

Распорядок дня российских венценосцев был строго регламентирован и расписан по минутам. Только так можно было успешно управлять огромной империей, которую во все времена тяготили внутренние и внешние проблемы. Если в жизни монархов и слу – «спокойные» годы, то вслед за ними в их жизнь или жизнь их преемников приходили годы жестоких потрясений и революционных бурь.

Вместе с тем отношение к своим обязанностям глав огромной империи не было одинаковым на протяжении XIX в. Российские самодержцы были людьми разными по интеллекту и темпераменту, и их отношение к «профессии» несколько отличалось. Если Николай I совершенно справедливо называл себя «каторжником Зимнего дворца», то его сын, Александр II, мог позволить себе периодически впадать в депрессию, передоверяя решение важнейших вопросов своему окружению. Александр III, не блиставший особыми государственными талантами, во многом напоминал деда по своему отношению к «семейному делу». Он добросовестно взвалил груз ответственности на свои плечи, принимая важнейшие решения. Блестяще образованный Николай II был крайне пунктуален и добросовестен в выполнении царских обязанностей, но многие решаемые им вопросы оставляли царя совершенно равнодушным, а равнодушие к «семейному делу» приводило подчас к трагическим результатам.

Жесткая необходимость ежедневно «разгрести» бесконечное множество дел, выполнять бесчисленные представительские обязанности, поздравлять множество людей с юбилеями характерна и для сегодняшних власть имущих лиц. «Шапка Мономаха» легкой никогда не была. И многие из современников, наблюдая этот бесконечный «бег по кругу», с большой долей сочувствия писали о российских монархах: «Никогда не имеют они возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Часы бьют, – им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце»¹.

Таким образом, мы можем констатировать, что именно *личное отношение к делу*, осознание своей *личной ответственности* перед Россией, предками и потомками фактически и определяло плотность и эффективность рабочего графика российских венценосцев.

Распорядок дня Николая I

О распорядке рабочего дня Николая I сохранилось множество мемуарных свидетельств. Если коротко охарактеризовать его рабочий график, то можно сказать, что Николай I «вкалывал» десятилетиями буквально как «каторжный». Эта «каторжность» в работе во многом связана с особенностями его характера. Император отличался недоверчивостью, и у него имелись для этого веские основания. Поэтому он замкнул управление империей лично на себя, без устали проверяя и контролируя выполнение принятых им решений. Эта властно-административная схема была весьма спорной, поскольку дала мощный толчок развитию малоэффективной российской бюрократии. Да и дела, которые подчас лично (и с удовольствием) решал Николай Павлович, часто оказывались совершенно «не царского уровня».

Как и у всех людей, в рабочем «графике» российских императоров были «зимние», «летние» и «возрастные» подвижки. Один график – зимний, когда семья жила в С. – Петербурге, и другой – когда летом переезжали «на дачу» в Царское Село или Петергоф.

Мемуаристы в один голос утверждают, что вставал Николай I рано: «затемно», «на рассвете», «между 7 и 8 часами утра»². Летом царь вставал в 7 часов утра, иногда раньше.

После того как он приводил себя в порядок после сна, Николай Павлович «кушал чай» и около 8 часов утра уже принимал первые доклады³. Кстати говоря, именно перед чаем дворцовые медики проводили ежедневный контроль состояния здоровья императора. Летом доклады могли начинаться и раньше. Самые ранние зафиксированные приемы императора начинались в 7 часов утра.

После двух-, трехчасовой работы с министрами следовала прогулка по Дворцовой набережной или по Летнему саду. Николай I гулял с 9 до 10 утра один и без охраны. В простой шинели император вполне демократично раскланивался со встречающимися знакомыми.

А.И. Гебенс. Император Николай I в мундире лейб-гвардии Уланского полка. 1852 г.

Затем он вновь включался в «рабочий график» до обеда. В это время царь в основном работал «с документами». Все пометки Николая I, сделанные карандашом, тщательно сохранялись. Для этого они покрывались лаком, чтобы не стерлись⁴. Работали с документами российские императоры преимущественно с карандашом в руках. Говоря о характере «работы с документами», можно привести слова царя, обращенные к одному из его сановников: «Вы, кажется, забыли, что я привык читать, а не просматривать присылаемые бумаги»⁵.

Перед обедом, примерно с половины второго до половины четвертого, вновь повторялась прогулка продолжительностью от 50 минут до полутора часов. Прогулка, как правило, совмещалась с различными «инспекциями». Царь выезжал в город летом в коляске или кабриолете, зимой – в санях, зорко поглядывая по сторонам и отмечая для себя малейший беспорядок. Ежедневные прогулки-инспекции императора держали городские власти в постоянном тонусе, поскольку малейший беспорядок, замеченный императором, мог стать основанием для серьезнейших карьерных оргвыводов.

После прогулки следовал обед, который при Николае I подавали в 16 часов. После обеда Николай I два-три часа вновь работал в кабинете. Примерно в 19 часов император заканчивал рабочий день. В 19.30 он пил чай с семьей. После чего начиналась «светская жизнь».

М. Зичи. Николай I на строительных работах. 1853 г.

Николай I мог отправиться на прогулку или в театр, посетить маскарад, заехать в гости или на бал к сановникам. Продолжительность светских мероприятий не лимитировалась. Семья могла вернуться из театра домой около 11 часов вечера, а иногда придворные балы и маскарады заканчивались и около часа ночи.

Работа для царя не прекращалась и во время светских развлечений. Менялся только антураж. Об «объемах» этой работы свидетельствует французский живописец О. Берне, в одном из писем он упомянул, что «на вчерашнем балу я больше двух часов разговаривал с императором». Император и живописец обсуждали не только сюжеты картин, которые предстояло написать художнику, но и места для них он должен был найти в Зимнем дворце «вместе с Его Величеством»⁶. В другом письме художник вновь пишет, что у него на «императорском балу» состоялся «долгий разговор с государем об Исаакиевской церкви»⁷.

Поскольку считалось, что царь в это время отдыхает, то после светского «отдыха» Николай I положил себе за правило еще 1–3 часа ночной работы, она могла продолжаться до двух или даже до трех часов ночи. По свидетельству современников, Николай I от переутомления порой засыпал перед киотом за молитвой.

В этом контексте особенно любопытны описания рабочего дня Николая I, сделанные им самим. В одном из писем к старшему сыну Николай I писал: «Поработав с Чернышевым⁸ и Бенкендорфом⁹, оделся и отправился с М.П.¹⁰ экзергауз смотреть отправляющуюся команды Образцового кавалерийского полка в пешем строю и нашел их в образцовом порядке, в особенности гусар, которые отлично хороши... Погулял прекрасным утром, поработал прежде один; потом с Нессельродом¹¹, Волконским и Вилламовым¹², потом был у меня генерал Готман¹³, который приносил мне план Московской части, мы вместе улаживали проект парка, налево не доезжая до ворот; кажется, будет очень хорошо... Работал до 1-го часу и поехал с Захаржевским¹⁴ осматривать работы; делается много, но и остается много еще сделать»¹⁵.

К.К. Пиратский. Николай среди конногвардейцев. 1847 г.

Приведенный рабочий график царя – не догма. Об этом свидетельствует упоминание весьма авторитетного биографа Николая I о том, что царь мог лечь спать и «в 10 часу вечера»¹⁶. Конечно, император был обычным человеком, несмотря на довольно успешные попытки сформировать у современников образ «железного императора».

А. Ладюрнер. Николай I, принимающий рапорт генерал-адъютанта князя А.Я. Лобанова-Ростовского

Дочь царя Ольга Николаевна приводит в своих записках «летнее расписание» Николая I, относящееся к 1831 г.: «Папа вставал летом в семь часов утра и, в то время как одевался, пил свой стакан мариенбадской воды, потом шел гулять с верным пуделем... в Монплезир, чтобы выпить там свой второй стакан минеральной воды. После этого он садился в экипаж и с Эрдером, своим любимым садовником, осматривал работы в парке. Ровно в девять часов он уже был в Петергофском дворце, на докладе министров. Это длилось до обеда: затем следовали до двух часов осмотр караулов, парады или же представление чиновников»¹⁷. Затем следовали светские обязанности и летние семейные развлечения. Таким образом, при Николае I складывается традиция, сохранявшаяся вплоть до Николая II: все утренние часы отводились для личных докладов министров.

Как относился император к своей работе? Он прекрасно понимал, что работать ему предстоит, «как медному котелку», без всякой смены, буквально до гробовой доски. У психологов есть определение, связанное с профессиональной деятельностью, – «выгорание». Конечно, все тяжелые мысли Николай I держал при себе, но иногда и у этого «железного» императора прорывалось. Прорывалось тогда, когда становилось буквально невмоготу.

В декабре 1832 г. Николай Павлович писал И.Ф. Паскевичу: «Все сии дни меня замучили бумагами, и я насилу отделался.

Всякий как бы нарочно ищет свалить с плеч на меня»¹⁸. Эти реплики мелькают в письмах царя на протяжении десятилетий. В феврале 1844 г. в письме к И.Ф. Паскевичу Николай Павлович обронил: «Я уморился от этой суетной жизни»¹⁹. Одна из бывших фрейлин императрицы упоминает о примечательном разговоре, состоявшемся у нее с Николаем I в 1845 г.:

«Государь сказал мне: «Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я, смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал...». Я хотела продолжить разговор, но он повернул на старые шутки. Пусть не мое перо их передает: я его слишком люблю»²⁰.

Имелся свой рабочий график и у императрицы Александры Федоровны. Конечно, он не был перегружен и включал в себя преимущественно представительские обязанности и курирование деятельности учебных и благотворительных заведений. Александра Федоровна регулярно принимала «представлявшихся», но интересы императрицы совершенно не выходили за рамки узкого мирка императорских резиденций, который и был для нее зримым, но весьма условным олицетворением бескрайней России.

Великая княгиня Ольга Николаевна упоминает, что «распределение дня для Мама не было регулярным из-за ее многочисленных обязанностей и различных визитов, которые она должна была принимать. По воскресеньям, после обеда, мужчины, по вечерам – дамы... их бывало от 40 до 50 чел. Это были утомительные обязанности. Мама была освобождена от них только после того, как сдало ее здоровье»²¹.

К. Рейхель. Императрица Александра Федоровна

Одной из главных «рабочих» задач императрицы было «блестяще выглядеть». Это желание, конечно, имеет каждая женщина, особенно с «возможностями». Однако это «блестяще выглядеть», Николай I также считал важной частью семейной «профессии» и безжалостно вмешивался, если ему казалось, что что-то в туалете жены не соответствует ситуации.

Дочь писала об отце, что он «любил видеть ее нарядно одетой и заботился даже о мелочах ее туалета. Бывали случаи, что, несмотря на все ее прелести, ей приходилось сменить наряд, потому что он ему не нравился. Это, правда, вызывало слезы, но никогда не переходило в сцену, т. к. Мама сейчас же соглашалась с ним»²².

Это приносило свои плоды. Большая часть населения Российской империи действительно обожала монарха и его семью, и надо признать, что Николай Павлович системно работал над поддержанием высокого «рейтинга» императорской фамилии в глазах подданных. Только небольшая группа фрондирующей интеллигенции, не менее системно, пыталась противостоять этой популярности, и ей удалось добиться многого, но только после смерти Николая I и наступления иных, либеральных времен периода правления Александра II.

Распорядок дня Александра II

Сын Николая I император Александр II во многом сохранил график рабочего дня своего отца, но работал без его фанатизма. Это был слабый царь и слабый работник, хотя, конечно, в уме и видении стратегической перспективы ему отказать нельзя. Однако ему не хватало властной харизмы и внутренней убежденности в правоте своего дела.

Блестяще образованный и годами готовившийся отцом к государственной деятельности Александр Николаевич заметно проигрывал отцу, у которого были серьезные пробелы в образовании. Школа, образование, конечно, очень важны, однако в профессии «топ-менеджера» Российской империи не меньшее значение имеют харизма, сила личности, политическая воля, а уже затем следуют интеллект и уровень образования. Следует признать, что Александр II достойно ответил на вызовы времени, проведя свои знаменитые реформы, придавшие новый импульс развитию России. Проводя реформы, которые по определению тонули в массе спорных, подчас взаимоисключающих мнений, Александр II ставил жесткие сроки подготовки «окончательных» документов, сохраняя высокий темп преобразований. Часто на стол царю в начале 1860-х гг. ложились объемистые пакеты документов, системно менявших структуру власти. Например, так было при подготовке и принятии знаменитой судебной реформы.

Неизвестный художник. Портрет императора Александра II. ГМЗ «Петергоф»

Деловые качества молодого императора не вдруг появились на пустом месте. Его отец, император Николай I, начал постепенно подключать к работе Александра Николаевича после его совершеннолетия. Именно тогда, в 1835 г., был сформирован штат «Двора Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, Великого Князя Александра Николаевича», в который вошло 35 человек²³. Когда император покидал Петербург, отправляясь в свои многочисленные командировки, то в столице «на хозяйстве» он оставлял своего подраставшего сына. Конечно, в окружении и под присмотром опытных соратников.

В целом распорядок дня Александра II воспроизводил рабочий график его отца. Однако утренние доклады у царя начинались не ранее 10 часов утра. Эти доклады не прерывались даже в праздничные дни. Так, 1 января 1874 г. военный министр Д.А. Милютин записал в дневнике: «По заведенному порядку, отправляясь в 10 ч. утра к докладу в Зимний дворец, я взял с собою целый чемодан с подробным отчетом по военному министерству за 1872 год и с планами крепостей»²⁴. Отметим, что 1 января был для императора обычным рабочим днем, с несколько большим кругом представительских обязанностей.

Работал император и во время поездок по стране. На эту работу накладывались обязательные представительские мероприятия, отнимавшие много сил и времени. Тот же Д.А. Милютин, ключевой министр в правительстве Александра II, свидетельствует: «В Варшаве Государь пробыл пять дней, в продолжение которых не было буквально ни одного часа отдыха. С утра до вечера смотры, учения войск, приемы, визиты, посещение разных местных учреждений, парадные обеды, а по вечерам – театр и работа до поздней ночи с бумагами, привозимыми ежедневно фельдъегерями из Петербурга»²⁵. Работал император и на отдыхе в Ливадии, куда фельдъегеря три раза в неделю привозили почту из Петербурга²⁶. Такой рабочий график с трудом выдерживали и более молодые соратники.

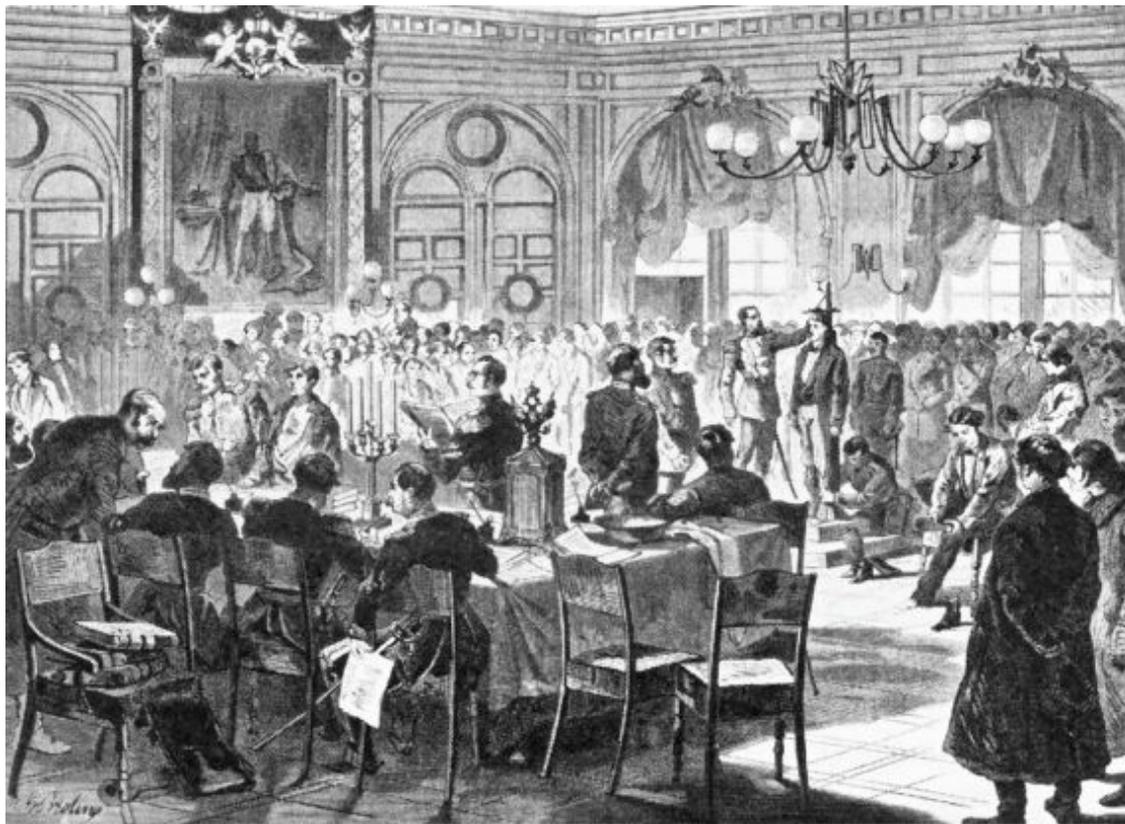

Д.А. Милютин

Говоря о манере работы Александра II, следует отметить его железное спокойствие в острых политических ситуациях. Он, конечно, особенно в 1870-х гг., пытался лавировать между различными политическими лагерями, но представлять его совсем уж слабым человеком и политиком было бы неверно. Хотя в обыденных, житейских ситуациях он часто демонстрировал слабость и инертность. Так, его верный соратник Д.А. Милютин, вспоминая годы, которые он «отработал» с царем, подчеркивал, что «припоминая теперь ту эпоху, я должен сознаться, что мне приходили не раз черные мысли на счет ожидавшей нас развязки тогдашних политических осложнений; но вообще можно сказать, что мы пережили этот критический момент с бодрым духом и какой-то фантастической надеждой на «русского Бога». В особенности, сам Государь высказывал замечательное спокойствие; он сохранял без малейшего отступления свой привычный образ жизни...»²⁷. Эти наши неистребимые «авось» и «небось». Авось выйдет... Не вышло?... Небось проживем.

Однако, в распорядке дня кое-что изменилось. Например, время обеда было передвинуто на более поздние часы. При Александре II обед начинался уже в 18 часов вечера.

Именно на это время рассчитывал народоволец Степан Халтурин, поджигая бикфордов шнур, ведущий к 50-килограммовому фугасу в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

Измерение роста поступающих на военную службу в Зимнем дворце

Характерно, что Александр II стал первым российским императором, четко разделившим свой день на «рабочее время» и приватные часы. Конечно, это не всегда получалось, однако если в гостиной Николая I было нормой «в свободное время» продолжать обсуждать «рабочие вопросы», то при Александре II «государство, перестав быть предметом разговора в гостиной, изолировалось только в его кабинете и в разговорах с министрами и государственными людьми»²⁸.

Несмотря на довольно плотный рабочий график, Александр II позволял себе заниматься традиционной забавой Романовых – распределять рекрутов по гвардейским полкам, а это было «сложное» дело, поскольку рекрутов распределяли «по мастям». В Преображенский полк определяли самых высоких, в Павловский – маленьких и курносых, таких же, как и их высочайший шеф – Павел I, в Семеновский – мордатых блондинов. Военный министр Д.А. Милютин, хорошо представлявший объем и уровень повседневных проблем, стоящих перед императором, недоумевал по поводу столь, на его взгляд, бессмысленного времяпровождения. В марте 1874 г. он записал в дневнике: «В одной из зал Зимнего дворца государь занимался распределением рекрут по гвардейским полкам. Это уже четвертая или пятая смена приводимых во дворец рекрут, представляемых Его Величеству, по мере прибытия в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклоняться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть самодержца 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным делом»²⁹. Это действительно «ничтожное» дело было своеобразной формой отдыха императора, способ на пару часов отстраниться от необходимости принимать подчас очень трудные решения.

Рабочий день Александра III

В молодые годы будущий император рисовался родственникам «крепким середнячком». Малоспособный и ленивый «по возрасту», он не обещал много в будущем. Это не особенно заботило царственное семейство, ведь трон должен был унаследовать его старший брат, Николай Александрович. Впрочем, последний высоко ценил своего младшего брата за его душевные качества. Со временем Александр Александрович «выровнялся» и, по свидетельству современника, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «был вне упреков и добросовестно исполнял свои нелегкие обязанности; в этот период проявились особенные черты его характера – спокойствие, медлительная вдумчивость, твердость воли и отсутствие интриг»³⁰. Тот же мемуарист фактически повторяет эту характеристику царя, относя ее к началу царствования Александра III: «Медлительный в делах и на словах, не принимавший быстрых решений, добросовестный исполнитель своего долга, враг интриг, откровенный до резкости, иногда грубоватой, но ценной по искренности»³¹. Все эти качества и определяли отношение императора к своей работе.

На деловых бумагах Александра III осталось множество резолюций, выходящих за стандартные рамки. Подчас они были очень резкими, резкими настолько, что некоторые из них нельзя приводить по этическим соображениям. Некоторые из резолюций и «деловых» реплик царя вышли за рамки специальных исследований и стали широко известны. Например, после инспирированной англичанами агрессии афганских племен в 1885 г. Александр III приказал их «выгнать и проучить как следует!». Потери афганцев составили 500 человек против 9 русских казаков. Начальника Туркестанского пограничного отряда генерала А.В. Комарова наградили орденом Св. Георгия III степени.

И. Крамской. Портрет Александра III. 1886 г.

Оценивая действия русских войск в районе Кушки, император решительно заявил: «Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию». А когда англичане начали готовить свой флот к походу на Балтику, Александр III, не поддавшись на дипломатический шантаж, сказал: «Нечего больше с ними переговаривать» и отдал приказ мобилизовать Балтийский флот. Свою принципиальную позицию в конфликте 1885 г. он обозначил словами: «Честь моего народа есть вопрос его жизни; если денег не хватит у казны, я все свои деньги, деньги своего сына отдам, и я твердо уверен, что я не один сделаю это в России».

Столкнувшись с твердой позицией России, Англия отступила, что она не так уж часто делала в XIX в. Все эти и другие события послужили поводом для широко известного тоста Александра III: «Во всем мире у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся на нас». Эти слова императора часто повторяют сегодняшние политики. И слава Богу, что они помнят эти слова.

Рабочий график Александра III во многом воспроизводил график его деда, когда рабочий день разбивался на три неравные части: утренние часы, дообеденные часы (обед начинался в 20 часов) и ночные часы. Много времени занимали различные совершенно обязательные традиционные мероприятия, «представления» и светские обязанности. Личного секретаря и вообще какого-либо аппарата помощников у царя фактически не было, и массу «бумажных» дел ему приходилось «разгребать» самому.

В Гатчине, где Александр III проводил осень, зиму и весну, его рабочий день начинался с 8 утра, когда после краткой прогулки до завтрака он принимал представлявшихся и доклады министров.

Гатчинский дворец со стороны Серебряного озера

Чиновники приезжали в назначенные дни или по вызову. Утренняя часть рабочего дня продолжалась до завтрака, который по традиции начинался в 13 часов. «После завтрака Его Величество до 3 ч. занимался у Себя в кабинете, а с 3 до 5 ч. прогуливался в саду с Государыней императрицей и семейством во всякую погоду; затем Его Величество обыкновенно отдыхал от 15–20 мин., в 8 ч. отправлялся за обеденный стол, а с 9 ч. снова занимался в кабинете до глубокой ночи (до 2 и даже до 3 ч.); в эти часы Его Величество изредка отправлялся на рыбную ловлю острогой в озерах дворцового сада»³². Так описывал мемуарист стандартный рабочий день императора.

Сам же император Александр III описывал свой «гатчинский график» следующим образом: «С утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумаги. В пять часов иду пить чай к жене, это единственное время, когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а потом бумаги до третьего часу»³³. Царь имел в виду «до третьего часу» ночи.

Летом в петергофском Коттедже этот распорядок дня в целом сохранялся без особых изменений. Императрица Мария Федоровна описывала свой режим дня и занятия мужа следующим образом: «До обеда³⁴ я всегда сижу наверху у Саши с чтением и письмом до 1 часу, когда мы завтракаем все вместе... затем ездим кататься или гуляем с детьми, что доставляет им такое удовольствие, что они умоляют всегда гулять с ними и могут делать большие прогулки.

И.Е. Ретин. Прием императором Александром III волостных старшин. 1885–1886 г.

Затем в 5 часов пьем чай у Саши и, пока он отдыхает немного перед обедом, я большей частью читаю что-нибудь интересное... После обеда мы ездим верхом, или катаемся, или ездим на лодке, как придется и в $1/2$ 10 пьем все вместе чай и идем спать раньше 12»³⁵.

Фельдъегери регулярно доставляли почту и за границу, если император находился в поездке. Примечательно, что в Дании, на родине жены, для императора Александра III был приобретен небольшой «собственный» домик близ замка Fredensborg, который местные жители немедленно прозвали «Кайзер-виллой». Там он работал, с буржуазной тщательностью оплачивая все счета по хозяйству этого домика³⁶. Очень может быть, что решение о приобретении «собственного» домика было принято прежде всего по режимным соображениям, поскольку император работал с совершенно секретными документами.

Если император путешествовал на яхте «Полярная звезда» в финляндских шхерах или отдыхал в Ливадии, то и туда через день фельдъегери привозили ему толстые портфели с деловыми бумагами. Кроме этого продолжались и регулярные «представления». Например, «представления» в Петергофе проводились по средам и пятницам в Фермерском дворце. Среди представлявшихся были дипломаты, сановники и офицеры. Государственная машина работала без остановок, и российский император – один из главных ее приводных ремней.

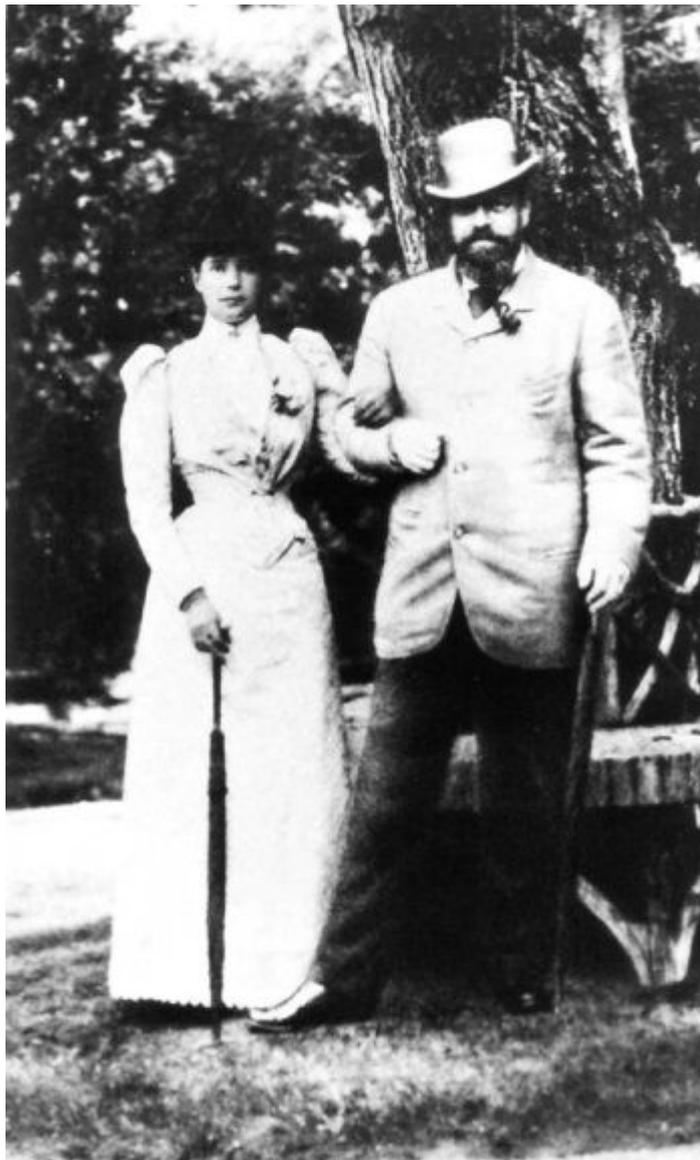
Фарфоровая чашка с изображением Кайзер-виллы. ГМЗ «Гатчина»

При Александре III меняется стиль делового общения императора со своим ближайшим окружением. До Александра III российские императоры состояли в личных, тесных отношениях со своими ближайшими сотрудниками, и тем более с лицами своей Свиты, и вообще почти со всем офицерским составом гвардии. Они знали их всех в лицо и благодаря наследственной способности членов дома Романовых запоминать всех, хотя бы однажды им представленных, безошибочно называли каждого по фамилии.

Прежде довольно значительный круг лиц приглашался к царскому столу причем после обеда государи принимали близкое участие в происходившей общей непринужденной беседе. С момента воцарения Александра III традиция резко изменилась³⁷. Александр III продолжает развивать тенденцию, наметившуюся при Александре II, связанную с разделением рабочего дня на рабочие и приватные часы, пытаясь выкроить себе время на то, что обычные люди называют «частной жизнью».

Несколько слов следует сказать о степени влияния императриц на рабочие дела их мужей. Если говорить о жене Николая I – императрице Александре Федоровне, то он категорически не позволял жене выходить за рамки определенных для нее обязанностей. Да и у самой императрицы такого желания не возникало.

Жена Александра II – императрица Мария Александровна – была волевой женщиной с твердыми убеждениями. Имеются основания утверждать, что она стала первой замужней императрицей, пытавшейся вмешиваться в принятие политических решений. Так, хорошо известно, что при императрице еще в конце 1850-х гг. сложился своеобразный славянофильский кружок, главными «лицами» которого стали фрейлины императрицы А. Блудова и А. Тютчева.

Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Фотооткрытка. 1890–1893 гг.

Именно они всячески лоббировали политику активного вмешательства России в Балканские дела, что отчасти способствовало вступлению России в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Кроме того, безусловной заслугой императрицы Марии Александровны была поддержка идеи организации Российского Общества Красного Креста. Одним из инициаторов создания этого общества стала фрейлина императрицы – Мария Петровна Фредерике. Однако переоценивать политическое влияние императрицы Марии Александровны не приходится. Множество детей, сложные отношения с мужем, трагическая смерть старшего сына и собственные болезни – все это постепенно погрузило императрицу в замкнутый, домашний мир.

Жена Александра III – императрица Мария Федоровна периодически пыталась вмешиваться в дела мужа. Впрочем, как и всякая жена. Так, что влияние, конечно, было, однако самое минимальное. Супруги ладили между собой, пожалуй, это была самая благополучная пара в череде императорских семейств XIX – начала XX в. Но при всем этом император Александр III «не допускал ее вмешательства не только в государственные дела, но и в слу-

жебные, и если бывали с ее стороны хотя бы самые легкие поползновения, он решительно пресекал их»³⁸.

У Николая II все было сложнее: и в плане принятия политических решений, и в плане влияния императрицы Александры Федоровны на принятие этих решений. Об этом мы подробнее поговорим ниже.

Рабочий день Николая II

Смерть Александра III в октябре 1894 г., несмотря на участвовавшие грозные признаки ухудшения его здоровья, тем не менее оказалась внезапной для цесаревича Николая Александровича. В смерть 49-летнего здоровяка-императора было трудно поверить. 26-летний Николай II психологически был совершенно не готов взвалить на свои плечи весь тяжелейший груз государственных обязанностей. По его признанию, он считал, что у него есть еще по крайней мере два десятка «спокойных» лет в качестве цесаревича.

Действительно, то, что в дневнике 26-летнего цесаревича в октябре 1894 г. подробно описывается, как он кидается шишками, представляет разительный контраст с тем, чем ему пришлось заняться после смерти отца: «Еще накануне предаваясь детским забавам, он, став монархом, сразу влег в рабочий хомут и распределил почти все свое время между своими разнообразными царскими обязанностями»³⁹.

Кроме похорон отца, женитьбы, обустройства новой квартиры, коронации, рождения дочери на Николая II немедленно навалился весь груз государственных дел. Вскоре после замужества, 4 февраля 1895 г., императрица Александра Федоровна писала своей старшей сестре Виктории Баттенбергской: «...Ники все это время занят со своими бумагами. У него так много работы, что нам почти никогда не удастся побыть наедине»⁴⁰. Прошло чуть более десяти лет, однако, Александра Федоровна писала сестре о муже почти то же самое (23 декабря 1905 г.): «Ники работает, как негр. Иногда ему даже не удастся выйти подышать воздухом – разве что уже в полной темноте. Он страшно устает, но держится молодцом и продолжает уповать на милость Господа»⁴¹. Прошло еще шесть лет и опять почти те же самые слова (31 мая 1911 г.): «Нам совершенно необходим этот отдых: мой муж работал как негр целых 7 месяцев. Я же почти все это время была больна. Спокойная, уютная жизнь на борту яхты всегда оказывала на нас самое благотворное воздействие»⁴².

Поначалу при принятии политических и служебных решений Николай II «советовался» с мамой, с дядьями, с друзьями, но со временем у него сформировались навыки решения государственных проблем, он начал постепенно выработать собственный стратегический курс развития российской государственности. Царю пришлось нелегко, поскольку ему пришлось столкнуться с огромным множеством проблем – от радикального революционного терроризма до широкого рабочего и крестьянского движения, вылившихся в Первую русскую революцию.

И. Галкин. Портрет императора Николая II. 1895 г.

Со временем у него сложился и «свой» распорядок дня. Даже если светские мероприятия заканчивались очень поздно, Николай II поднимался около 8.30 утра. Конечно, были возможны варианты, как и у всех: «Сильно разоспался и не мог проснуться раньше 9 ¹/₄». У царя очень долго оставалось школярское отношение к возможности «поспать подольше» (впрочем, как и у многих из нас). Когда это удавалось, он искренне радовался. Но царь обладал чувством долга, поэтому в другие дни: «Встали пораньше, благодаря чему многое прочел и успел погулять. Были все три доклада».

На первый завтрак (около 9 часов, о котором в дневнике царя вообще не упоминается) Николай II пил у себя в кабинете чай, а затем до 10 часов совершал короткую прогулку по парку.

Рабочий день царя начинался в 10 часов утра с рутинных докладов министров. Как правило, утром следовало не более трех докладов, которые занимали около трех часов. У каждого из министров был «свой день», когда они появлялись перед императором, докладывая о ситуации в «своих» сферах ведения и решая возникающие проблемы. Существовал определенный регламент министерских докладов. В дневнике часто встречается фраза: «Доклады закончились вовремя». Если докладов бывало меньше, то царь старался до завтрака прогуляться, чтобы «освежить голову». Иногда царь с облегчением отмечал: «Сегодня мне вышел легкий день. До завтрака два доклада», но иногда: «Был занят все утро до часа». Деловая загруженность рабочего дня с 10 до 13 часов могла быть очень разной и зависела от конкретной ситуации. В дневнике царя появлялись и следующие записи: «Долго спал, много читал и погулял ¹/₄ часа. Принял только Коковцева» или «Утро было занятое с 9 ¹/₂ до часа».

К.Е. Маковский. В ожидании аудиенции

После докладов министров в распорядок дня вклинивали «представлявшихся». Например, в начале своей «трудовой деятельности», 12 января 1895 г. царь записал: «Имел только доклады Дурново, Рихтера и гр. Воронцова; никого, к счастью, не принимал». Представления бывали коллективные и индивидуальные: «После докладов принял 21 человека», «До завтрака принял 56 чел. военных и моряков в Ротонде».

Школярская радость по поводу не состоявшегося по тем или иным причинам министерского доклада сохранялась в дневнике царя очень долго. Психологически записи напоминали реакцию школьника по поводу внезапно отмененной контрольной работы. Впрочем, по-человечески это очень понятно.

Завтрак подавали в час дня. Иногда к завтраку приглашались гости, иногда царь констатировал: «Завтракали одни». Под этими «одни» имеется в виду, что завтрак прошел тет-а-тет с женой. Если же на завтраке присутствовали посторонние, то в дневнике царя пунктуально перечислял всех сотрапезников. Как правило, в повседневном завтраке принимали участие дежурный флигель-адъютант, кто-либо из фрейлин и один, редко – два гостя (24 октября 1906 г.): «Завтракали: А.А. Танеева и Арсеньев (деж.)». Довольно часто императрица не выходила к завтраку либо по причине болезни, либо потому, что не хотела видеть гостей, по каким-либо причинам неприятных ей. Например, почти всегда она игнорировала завтраки, когда к сыну приезжала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Подобные демарши немало осложняли семейную жизнь Николая, вынужденного лавировать между любимой матерью и не менее любимой женой. Из детей за завтраком присутствовали только старшие дочери, но иногда вся семья собиралась вместе.

Попутно надо сказать о флигель-и генерал-адъютантах Свиты Его Императорского Величества, которые по должности находились рядом с рабочими кабинетами императоров. «Инструкцию» для дежурных генералов и флигель-адъютантов при Его Императорском Величестве официально приняли еще в 1834 г. Их служба при Дворе шла по суточному графику. Дежурство продолжалось 24 часа. Они присутствовали при ежедневном разводе дворцового караула, принимая от караула «пароль»⁴³ и сообщая его императору. Дежурные флигель-адъютанты обеспечивали «связь» царя и народа, собирая прошения у лиц, присутствовавших у дворца при разводе караула. Это делалось для того, чтобы «Государь Император не был останавливаем просителями».

Император Николай II и цесаревич Алексей на параде в Петергофе

Прошения, не вскрывая, запечатывали в конверт с надписью «Его Императорскому Величеству. Всеподданнейшие прошения» и передавали царскому камердинеру. Помимо прочих обязанностей флигель-адъютанты должны были немедленно доводить устные распоряжения царя до командующего Императорской Главной квартирой⁴⁴.

Для царя завтрак подчас становился продолжением рабочего дня, поскольку в знак особого расположения, кто-либо из «утренних докладчиков» мог быть приглашен к царскому завтраку. Например, 10 января 1906 г. на завтраке присутствовали командир лейб-гвардии Семеновского полка Г.А. Мин, «произведенный в ген. – майоры с зачислением в Свиту. Он рассказывал много про Москву и о подавлении мятежа; он показывал нам образцы взятых полком револьверов и ружья». Кстати говоря, после одного из таких завтраков генерала Мина застрелит на платформе Петергофского вокзала одна из эсеровских террористок.

После завтрака, по свидетельству мемуаристки, «у их величеств собирался небольшой кружок близких знакомых – примерно до четверти третьего»⁴⁵. Переехав в Александровский дворец, после завтрака Николай II гулял – один или с детьми. Царь очень ценил эти прогулки, и только самые чрезвычайные обстоятельства могли заставить его пропустить их. Ценил настолько, что даже проливной дождь не служил поводом пропустить прогулку.

Это было время неспешных разговоров с близкими и общения с детьми. Надо заметить, что во время прогулок Николай II стремился максимально загрузить себя физически, либо

проходя в хорошем темпе значительные расстояния, либо катаясь на лыжах («Скатывались с... дочками на лыжах с горы», «Сделали круг по парку и затем скатывались с Парнаса на лыжах», «Хорошо покатался с дочерьми на лыжах»), на горке («Дети съезжали с горы на лопатах», «Покатался с дочками с горы»), на байдарке, на велосипеде. Зимой Николай II во время прогулки расчищал дорожки парка от снега («Гулял и работал над остатками снега в теневой части сада»), весной колот ломом лед на прудах. Довольно редко император совершал прогулки верхом.

С 16 до 17 часов работа возобновлялась. Это мог быть доклад министра или прием какого-либо сановника: «В 4 ч. у меня был сен. Маркевич по Человеколюбивому обществу», «В 4 часа принял Лангофа», «До чая принял доклад Григоровича», «В 4 ч. принял четырех губернаторов».

Николай II расчищает снег на пруду у Александровского дворца в Царском Селе

В 17 часов следовал обязательный чай. Чаепитие обычно продолжалось не более полу-часа. Чаепитие было делом сугубо семейным: «Пил чай вдвоем с Алике; Алексей как всегда присутствовал».

После чаепития Николай II вновь работал с 17.30 до обеда, который подавали к 20.00. В эти 2,5 часа мог быть принят кто-либо из министров: «После чая – Щегловитова», но в основном в это время царь работал с документами. По дневниковой терминологии он называл эту работу словом «читал» или «занимался»: «После чая спокойно занимался до 8 час», «До обеда окончил все бумаги», «Читал и кончил все», «Прочел все», «От 6 до 8 час. читал, было много бумаг», «Читал много после чая».

В 20 часов начинался обед, который продолжался около часа. Как правило, на обеде присутствовали только взрослые. Только накануне Первой мировой войны старших дочерей

стали приглашать за «взрослый стол». Сотрапезники менялись. В 1904 г. «с царями» часто обедала официальная подруга императрицы Лили Ден. В январе 1905 г. в числе обедавших впервые упоминается флаг-капитан К. Нилов. В сентябре 1905 г., в числе обедавших, впервые упоминается А.А. Танеева. Периодически за обедами собиралось большое общество. Но всегда те, к которым «цари» были расположены лично. Так, в сентябре 1905 г., наряду с Танеевой, на обеде присутствовали четыре офицера с императорской яхты «Полярная звезда».

После обеда время могло распределяться по-разному. Все зависело от степени занятости императора. Дети уходили к себе на второй этаж, на детскую половину Александровского дворца.

Если царь после обеда оставался с гостями, а это, как правило, были «свои», то все вместе могли посмотреть «огромную коллекцию фотографий Гана из поездки в шхеры». Часто играли в бильярд, домино. Примечательно, что, как при Александре II и Александре III, политические темы из разговоров совершенно исключались. Это считалось некорректным, и кроме этого, все понимали, что император «наедается» политикой в свои «рабочие» часы. Великий князь Александр Михайлович свидетельствует: «Все темы о политике были исключены... В царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое»⁴⁶. Этому же правилу придерживалась и Александра Федоровна. Ее фрейлина писала: «Она никогда не говорила о политике со своими придворными – на эту тему было наложено табу»⁴⁷.

Если «цари» обедали вдвоем, то часто после трапезы Николай II читал вслух жене любимые книги. Александра Федоровна получала представление о русской классической литературе во время этих вечерних семейных чтений. Обычно царь просто фиксировал: «После обеда читал вслух», «После обеда начал читать вслух «Кн. Скопин-Шуйский»», «Вечером немного вслух». А.А. Вырубова упоминает, что «Государь читал необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любил», и перечисляет читанных Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и А.П. Чехова. Любимым писателем императора был Н.В. Гоголь. В последние годы царь часто читал жене сатириков А.Т. Аверченко и Н.А. Тэффи⁴⁸.

Иногда вечером «цари» выбирались в гости. Как правило, в дом А.А. Танеевой, которая жила в нескольких минутах езды от Александровского дворца. Для «царей» это была редкая возможность провести вечер в неофициальной обстановке: «После обеда поехали к Ане. У нее были Дены и офицеры с яхты. Видели небольшое забавное представление чревоугодника. Затем поиграли в общую игру и закусили; дома в 12 1/2».

Императрица Александра Федоровна и А.А. Вырубова на прогулке в парке Александровского дворца. Царское Село

Периодически дела накапливались, и царь не успевал прочесть все бумаги до обеда, тогда он уходил в кабинет и работал еще 2–3 часа: «Занимался почти до 11 час», «Читал долго после обеда». Это чувство долга и трудолюбие царя отмечало и ближайшее окружение: «Исключительное самообладание давало царю силы проводить целые часы за неустанным чтением представляемых ему докладов и подробных записок. В этом тягостном и неинтересном для него занятии он полагал главное исполнение своего долга и не отступал от него. «Я никогда не позволю себе идти спать, – говорил он, – пока совсем не расчищу моего письменного стола»⁴⁹. После того как царь завершал работу с бумагами, он возвращался на половину императрицы и день завершался в 23.00–24.00 вечерним чаем. Просиживать ночами за документами Николай II себе не позволял. Он вообще очень внимательно следил за своим здоровьем, видимо, помня внезапную кончину отца в 49 лет.

Так проходил обычный рабочий день Николая II. Конечно, приведенная «схема» – не статична. Наряду с докладами были необходимые представительские мероприятия и инспекционные поездки.

Николай II в своем кабинете в Охотничьем домике. Крым

График в этих случаях корректировался. С возрастом, временем года и политической ситуацией в стране характер дел и развлечений мог меняться. Однако если обобщить, то получалось, что «средний» рабочий день Николая II складывался из *четырёх* «утренних» рабочих часов, *часа-полтора* часов после завтрака, *двух* часов после чая и периодических *часа-двух* после обеда. В результате набиралось не менее *восьми-девяти* рабочих часов ежедневно.

Как проходили воскресные дни Николая II? Как правило, он также работал. Правда, не так напряженно, как в рабочие дни. Тем не менее позволить себе удовольствие провести *целый день* с женой и детьми он не мог. Совершенно.

Если взять четыре «случайных» воскресенья царя и распределить их «по временам года», то получается следующая картина. «Зимнее» воскресенье (17 февраля 1913 г.) вместило в себя: 11.00 – церковный парад в манеже 1-го Кадетского корпуса; 12.00 – вернулся в Царское Село, позавтракал и поехал в Большой Екатерининский дворец к обеду кадет. В 14.00 в Александровский дворец была принесена крестным ходом икона Почаевской Божией Матери в походную церковь. С 15.00 до 16.30 большая прогулка. После чая посмотрел кинематограф вместе с сыном и его товарищами. Потом час работал: «Читал до 8 часов». День завершился благотворительным спектаклем в Царскосельской ратуше, на котором царь был со старшими дочерьми.

«Весеннее» воскресенье (21 апреля 1913 г.): В 10.30 на обедне в Федоровском соборе, после обеда посадил два дерева против церкви. Завтрак. Во время прогулки, несмотря на то что «холод был собачий», покатался в лодке с сыном. Потом с женой пил чай («дочери уехали в Петербург к тете Оле»). Вторая половина дня прошла в работе: «Занимался до обеда. Вечером читал». Следовательно, в этот день только работе с документами было посвящено 3–4 часа.

То, что можно назвать отпуском, Николай II позволял себе только летом, когда с семьей отправлялся в финляндские шхеры на «Штандарте» или на поезде в Ливадию. Обычное «летнее» воскресенье (23 июня 1913 г.) вместило в себя: полтора часа утренней работы с документами, затем в 10.30 была обедня, завтрак «со всеми командирами». Дело в том, что «Штандарт» сопровождала целая флотилия судов, от миноносцев охраны до судов обеспечения, и царь считал необходимым собирать командиров на завтрак в кают-компани «Штандарта». После завтрака (14.15) съехали на берег поиграть в теннис. В 18.30 отправился на острова с дочерьми и свитой на вечерний пикник «на плоской скале». Развлекали их матросы, которые «сыграли две пьесы очень живо, потом начались танцы с местными жителями под музыку». Около девяти часов вечера «сели ужинать, после чего пели и плясали песенники... Бал продолжался до 12 час. Вернулись на яхту в 12 ¹/₂ час». В это воскресенье царь работал только полтора часа.

Ближайшее окружение хорошо представляло необходимый уровень интенсивности работы императора. И если он снижал темп своих занятий, это немедленно фиксировалось, причем без всякого одобрения. В сентябре 1906 г. А. Богданович, со слов руководителя Канцелярии Министерства Императорского двора А.А. Мосолова, отметила, что царь, прошедший в шхерах три недели, хорошо отдохнул, поскольку «делами совсем не занимался»⁵⁰.

В рядовое «осеннее» воскресенье (13 октября 1913 г.), когда семья еще жила в Ливадии, царь «утром погулял у моря», на обедню приехало «много народа». После завтрака царь совершил большую прогулку и вернулся домой ровно к чаю. После чая началась работа. Он принял «кн. Щербатова по делам коннозаводства» и «читал» до обеда. Обедали «цари» вдвоем, также вдвоем они провели и вечер.

Император Николай II и Александра Федоровна на борту «Штандарта»

Таким образом, можно отметить, что воскресные дни отличались от рабочих только тем, что у царя не было утренних докладов. Однако они могли заменяться в воскресенье представительскими мероприятиями. Середина дня посвящалась прогулкам и семье. Однако после чая Николай II, как правило, час или два работал с документами.

Когда царская семья находилась «на даче» в пригородных резиденциях, а тем более вдалеке от Петербурга – в Ливадии (Крым) или Спале (Варшавская губ.), распорядок дня несколько менялся. Например, в бархатный сезон 1897 г. в Ливадии все члены императорской семьи утренний кофе пили у себя. Только в 12 часов все собирались к высочайшему завтраку в большой ливадийской столовой. В 15 часов семья и свита собирались опять на прогулку. В 17 часов пили чай. В 20 часов семья и свита обедали и «оставались у их величеств до 11–12 часов»⁵¹.

Когда в августе 1914 г. Россия вступила в Мировую войну, то распорядок царя, естественно, изменился. Среди докладчиков и представлявшихся увеличилась доля военных. Император начал активно посещать лазареты. В сентябре 1914 г. состоялась его первая поездка на фронт. В августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и переехал в Ставку, где у него сформировался свой рабочий график. Буквально через несколько дней после вступления в должность Николай II в 10 часов утра принимал в штабе «продолжительный доклад», продолжавшийся до самого завтрака. После завтрака он нашел время для полуторачасовой прогулки. Как это ни парадоксально, в Ставке царь оказался даже несколько свободнее в регламенте по времени, чем в Александровском дворце. Его участие в военных делах ограничивалось выслушиванием докладов начальника штаба генерала Алексеева. Как вспоминал один из очевидцев: «Собственно говоря, этим часовым докладом и ограничивалась работа Государя как Верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи»⁵². Кроме утреннего доклада были обязательные приемы приезжавших в Ставку сановников и чтение деловых бумаг с 15.30 и до обеда (в 20.00).

Прибытие Николая II в Ставку. 1914 г.

Но и в Ставке день на день не приходился. Иные дни бывали, с точки зрения царя, весьма загруженными. Например, такой день выдался 6 сентября 1915 г. В 10.00 – обедня, затем доклад, такой продолжительный, что царь даже опоздал к завтраку, на котором присутствовало 40 человек гостей.

Николай II с офицерами Ставки

С 14.00 и до 15.30 царь принимал кн. Щербатова. На прогулку у него осталось всего 30 мин. В 17.00 – чай, после которого царь принимал великого князя Георгия Михайловича. С 18.00 – вновь полуторачасовой доклад генерала Поливанова. После обеда в 20.00 – еще один доклад. Затем царь работал с документами до 22.30. В конце дня император справедливо констатировал, что «день вышел занятой».

Рабочий график императрицы Александры Федоровны

У императрицы имелся свой «график работы». Надо признать, что Александра Федоровна по большому счету пренебрегала своими прямыми должностными обязанностями. Точнее, она по своему характеру «не вписывалась» в них. То, что у вдовствующей императрицы Марии Федоровны получалось совершенно органично – обаятельная улыбка, участливый вопрос, то у Александры Федоровны это не получалось совершенно. Все выглядело искусственным и натянутым. Собеседники ощущали, что, общаясь с ними, императрица просто «отбивает номер», что общение с незнакомыми людьми ее просто тяготит. Это понимали все – и сама императрица, и ее собеседники. Со временем заболевания Александры Федоровны, носившие преимущественно соматический характер, стали предлогом для банального уклонения от обычных «должностных» обязанностей императриц. Все это не способствовало популярности императрицы, особенно на фоне ее обаятельной свекрови, которая вполне профессионально «работала» с посетителями.

А.П. Соколов. Императрица Александра Федоровна. 1901 г.

Как правило, Александра Федоровна поднималась в 9 часов утра. После традиционного гоголь-моголя в постели, она занималась в своем кабинете и принимала представлявшихся. После приема иногда совершала прогулку по парку в экипаже вместе с детьми или с какой-либо из фрейлин (графиней Гендриковой или баронессой Буксгевден). После завтрака до чая Александра Федоровна занималась рукоделием или живописью. После чая – вновь «ручная работа» до обеда или прием представлявшихся. Дети могли приходиться к матери в любое время, без предварительного о себе доклада.

По традиции главные обязанности императрицы – представительские. Ей, как и мужу, приходилось участвовать во множестве дворцовых церемониалов, в которых у нее была своя важная роль. Например, к числу таких церемониалов относилось целование руки – «*baise mains*». Надо заметить, что царь очень переживал, когда его Алике в январе 1895 г. «дебютировала» в качестве императрицы на этой придворной церемонии. Он записал в дневнике (1 января 1895 г.): «С другой стороны теперь было легче, потому что я был не один – моя дорогая Алике начала работать дам, пока я обдελывал мужчин».

Очень характерная и слегка циничная фраза – «работать дам» и «обдελывал мужчин». Для царя это был поток, текучка, не затрагивавшая ни ума, ни сердца.

Императрица Александра Федоровна с дочерьми. 1913 г.

Подобный цинизм так или иначе рождается в любой профессии, связанной с людьми, и помогает от «выгорания» в профессии. Профессиональный цинизм идет не от личного цинизма, а является специфическим предохранителем, позволяющим продлить свою плодотворную «жизнь» в избранной профессии. Поскольку царь свою «профессию» не выбирал, то определенный цинизм свидетельствовал о его наработывавшемся профессионализме.

22 января 1895 г. Александра Федоровна впервые проводила церемонию «baise mains» (целование руки): «В 2 часа в Зимнем начался дамский безмен – 550 дам! Моя дорогая Алике выглядела замечательно красивою в русском платье. Вся церемония окончилась в $\frac{3}{4}$ часа». Темпы действительно были высоки, 550 дам поцеловали руку Александре Федоровне за 45 минут. Примечательно, что дворцовый этикет предписывал целование руки императрицы как мужчинами, так и дамами. Однако начиная с царствования Александра III при Дворе уже допускалось «рукопожатие на английский манер», если это не была специальная церемония «baise mains».

Кроме многочисленных представительских обязанностей, от большей части которых Александра Федоровна успешно уклонялась, у нее постепенно оформился круг «своих» занятий. При этом мощная система учреждений Ведомства императрицы Марии Федоровны (по имени жены Павла I) оставалась подконтрольной вдовствующей императрице Марии Федоровне (жене Александра III).

Тем не менее Александра Федоровна еще в Русско-японскую войну создает «свой» госпиталь для раненых солдат и офицеров.

Императрица Александра Федоровна с офицерами подшефного полка. Ливадия

Во время Первой мировой войны она патронирует уже целую систему подведомственных ей лазаретов, создает в Царском Селе «Школу нянь», взяв за образец английские учреждения подобного рода. Она патронирует «Дома трудолюбия», в которых получали рабочие профессии девушки из бедных крестьянских семей. Ее волновали проблемы туберкулеза, и по инициативе императрицы под Ялтой появляются первые специализированные санатории. Александра Федоровна в годы войны как многодетная мать начинает заниматься проблемами материнства и детства, поставив во главе этого «национального проекта» лейб-педиатра К.А. Раухфуса.

Императрица Александра Федоровна. Целование руки. Ливадия

Все работавшие с Александрой Федоровной единодушно отмечали большой здравый смысл и настойчивость в достижении поставленной цели со стороны царицы: «Своим докладчикам она ставила множество определенных и весьма дельных вопросов, касающихся самого существа предмета, причем входила во все детали и в заключение давала столь же властные, сколь точные указания»⁵³. Объясняли деловой потенциал императрицы по-разному. Все признавали наличие жесткой воли, определенность суждений и взглядов. Рассудительность Александры Федоровны связывали с полученным ею англо-протестантским воспитанием, пропитавшего ее рационализмом, равно как высокими и стойкими принципами пуританизма.

Императрица в своих апартаментах на императорской яхте «Штандарт»

Однако самым важным стало то, что с 1905 г. императрица Александра Федоровна начинает втягиваться в политику. Следует отметить, что супруги были очень близки по своему мироощущению самодержавной власти, поэтому Николай II всегда с благодарностью прислушивался к политическим советам своей супруги.

Еще в 1898 г., со слов военного министра А.Н. Куропаткина, Николай II сообщил министру, что он «много разговаривал и советовался с государынею Александрой Федоровною по вопросу об уменьшении вооружений»⁵⁴. Потом в 1902–1904 гг. был период, когда экстрасенс Филипп давал царю политические советы не без консультаций с Александрой Федоровной. Императрица в письмах долго вспоминала политические «заветы» экстрасенса, время от времени напоминая о них мужу. В одном из писем Николаю II она прямо говорит о невозможности установления в России конституционного образа правления: «Ты помнишь, и Mr. Philippe говорил то же самое»⁵⁵.

В период политического кризиса 1905 г. Николай II стал регулярно обращаться за политическими советами к своей супруге, причем даже стал передавать ей на просмотр издаваемые им государственные акты. Так, через «цензуру» императрицы прошел акт, помеченный 18 февраля 1905 г., декларировавший незыблемость самодержавия.

Завершается процесс втягивания Александры Федоровны в политику к 1915 г. Она сделала это как бы вынужденно, поскольку, по ее мнению, страна шла «вразнос», а ее муж не проявлял должной воли в решении управленческих проблем. Эту «волю к власти» она чувствовала в себе. Причем в полной мере. По словам информированного мемуариста, Александра Федоровна «была увлечена внушенной ей тем же Протопоповым мыслью – взять на себя крест Екатерины Великой и искоренить крамолу»⁵⁶. Чем закончилось вмешательство Александры Федоровны в политику, общеизвестно.

*Императрица Александра Федоровна в рабочем кабинете в Александровском дворце.
1907 г.*

После этого, уже в советский период (во второй половине 1980-х гг.), был единственный эпизод вмешательства первой леди в политику. Это также не принесло «правлящему» мужу большой пользы.

Рабочие кабинеты императоров

Рабочий день императоров проходил в их кабинетах, которые существовали во всех резиденциях, на всех императорских яхтах и поездах. Были рабочие кабинеты и у императриц.

Царские кабинеты были *режимными помещениями*, с особым порядком охраны. Поскольку в них хранились важные документы, никто в отсутствие императора не мог входить в его рабочий кабинет. После отъезда императора из резиденции *кабинет опечатывался* до его следующего приезда. Слуги могли заходить в кабинет императора для уборки только в сопровождении должностных лиц Дворцовой полиции. Интерьерные решения кабинетов определялись личным выбором монархов.

По негласной традиции кабинет умершего императора превращался в мемориальное помещение, облик которого без изменений сохранялся для потомков. То была дань уважения к царственным родителям. Только через поколение допускались изменения и использование этого помещения под другие нужды. Внуки уже могли заняться перепланировкой, сохраняя только отдельные мемориальные помещения бывших жилых половин. В Зимнем дворце вплоть до 1917 г. существовали две такие «мемориальные зоны». Это кабинет Николая I на первом этаже, где он умер на походной кровати в феврале 1855 г. Рядом с кабинетом сохранялись и некоторые помещения, относившиеся к Николаевской эпохе.

Второй мемориальной зоной стал кабинет Александра II, в котором он умер 1 марта 1881 г.

Любопытно, что, следуя этой традиции, после отречения Николая II в марте 1917 г. его рабочий кабинет в Зимнем дворце сохранялся в качестве мемориального. Стены, мебель и прочее затянули тканью. После того как Зимний дворец «взяли» большевики в октябре 1917 г., рабочие, солдаты и матросы разгромили все мемориальные помещения, возмущившись тем, что «временные» желали сохранить их в неприкосновенности.

К.А. Ухтомский. Малый кабинет императора Николая I в Зимнем дворце. Середина XIX в.

Первым хозяином *Александровского дворца* был Александр I. Все жилые помещения царской семьи находились на первом этаже. Эта традиция, несмотря на многочисленные перестройки, сохранялась вплоть до 1917 г. *Кабинет Александра I* располагался на первом этаже *правого крыла* Александровского дворца. Это был обширный угловой зал с шестью окнами, выходившими в сад⁵⁷. При Николае I в этом зале находился кабинет императрицы Александры Федоровны. А в конце XIX в. здесь устроили «Голубую гостиную».

Кабинет Николая I также был расположен на первом этаже *правого крыла* Александровского дворца⁵⁸. Окна кабинета выходили во внутренний двор дворца. Интерьеры кабинета сохранялись почти 40 лет, до ремонта 1896 г.

Александровский дворец. Литография по рисунку Е. Майера. 1840 г.

Поскольку во дворце император жил как «на даче», то перед его письменным столом в ящике ставились декоративные растения. В 1843 г. в рабочем кабинете Николая I установили первый в России электромагнитный телеграфный аппарат, соединенный с кабинетом министра путей сообщений.

Э.П. Гау. Кабинет Николая I в Александровском дворце. 1845 г.

Кабинет Александра III в Александровском дворце находился почти напротив кабинета Николая I. Два окна кабинета выходили в сад Александровского дворца⁵⁹. До нас дошли описания этого кабинета и его фотографии, поскольку его интерьер сохранился и после 1917 г.

Кабинет Александра III в Александровском дворце. До 1931 г.

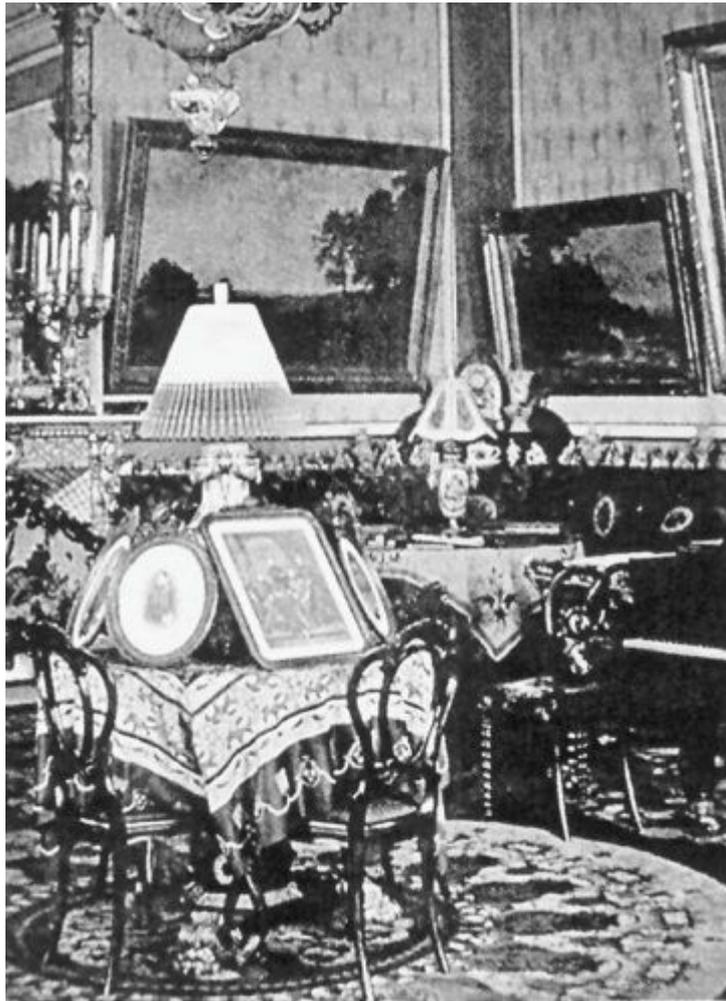
В кабинете стояла тяжелая дубовая мебель, крытая кожей темно-синего цвета. Рабочий стол был изготовлен из наборного дерева с бронзовой отделкой. Вдоль стены стояла гигантская оттоманка длиной 5 м при ширине в 1 м 80 см. Пол украшал персидский ковер. В углу у окна стоял телефон, служивший для вызова экипажей, и детская мебель. Вероятно, в этом кабинете играли старшие сыновья, пока отец работал. Стены кабинета украшали картины, в основном работы художника Боголюбова, с морскими сюжетами.

Кабинет императрицы Марии Федоровны в Александровском дворце мало походил на рабочее помещение, поскольку был оформлен в виде гостиной.

Кабинет Николая II в Александровском дворце Царского Села. 1932 г.

В 1895–1896 гг. в Александровском дворце начался ремонт, в ходе которого обустроили «половину» молодого императора Николая II и его жены Александры Федоровны. Эта «половина» располагалась на первом этаже *левой части* дворца. В ходе ремонта для императора сделали его рабочий кабинет⁶⁰. Два окна кабинета царя, как и вся его половина, выходили во внутренний двор Александровского дворца. После того как оборудовали еще один кабинет царя, эту комнату стали незатейливо называть «Старым кабинетом». Как и все помещения этой половины, «Старый кабинет» был выдержан в модном тогда стиле модерн. Именно здесь Николай II принимал утренние доклады министров и сановников.

Кабинет Марии Федоровны в Александровском дворце

Стены этого кабинета Николая II были поверху выкрашены темно-зеленой краской. Низ стены украшали панели орехового дерева. Вся мебель в кабинете также была из ореха.

Рабочий стол Николая II в кабинете Александровского дворца

Видимо, при оформлении кабинета дизайнеры получили указания от царя. Об этом свидетельствует огромная оттоманка «как у отца». На полу лежал огромный персидский ковер. В кабинете хранилось довольно много книг (около 700 томов), в основном по истории, и издания, посвященные дому Романовых.

Перочистка в виде фигурки бекаса. 1890-е гг. Россия

Рабочий стол был выполнен в виде буквы «Г». Над ним на вращающемся стержне крепилась лампа с абажуром, с помощью специального блока она поднималась и опускалась над столом. Весь стол плотно уставлен семейными фотографиями и различными предметами.

Император много курил, поэтому в его кабинете было много вещей, связанных с процессом курения. Среди них была кожаная пепельница, которую дети подарили отцу в 1916 г. На столе лежали и две курительные трубки – пеньковая и вишневая. У оттоманки на столике стояла зажигалка в виде античного светильника. На столе был хрустальный колокольчик, во время интимных семейных обедов им вызывали слуг.

«Новый» кабинет императора Николая II. Александровский дворец

Среди настольных портретов стоит упомянуть портрет-миниатюру на кости Александры Федоровны работы В. И. Зуева (1906 г.). Также на столе был рисунок старшей сестры императрицы – Елизаветы Федоровны с портретом Александры Федоровны, датированный «27 мая 1894 г. Нлышское». Примечательно, что этот рисунок был выполнен по памяти, поскольку в мае 1894 г. Александра Федоровна была еще Гессенской принцессой Алике, жившей в Англии, однако вопрос о свадьбе с наследником уже решился. Еще на столе царя стояла фотография с портретом А.А. Вырубовой.

Некоторое время спустя оборудовали *второй рабочий кабинет* Николая II, получивший название «Большой», или «Новый», кабинет⁶¹. Кабинет был действительно большой – на четыре окна. В нем имелся переход через антресоли на половину императрицы Александры Федоровны. В этом кабинете также принимались сановники, а императрица, сидя на антресолях, могла слушать эти доклады.

Потолок кабинета был выполнен из красного дерева. Стены выкрашены сине-зеленой краской, на полу брошена шкура рыси.

Часть мебели кабинета покрыта сафьяном, другая – тканью. В кабинете стоял бильярдный стол, на котором играли после позднего обеда. Во время войны на бильярдном столе раскладывали военные карты. В кабинете было множество книг и фотоальбомов. На огромном письменном столе стояли многочисленные фотографии и рисунки.

После начала Первой мировой войны соблюдение режима секретности в императорских кабинетах стало на порядок жестче. Поскольку в этом кабинете Николая II хранились

военные карты с нанесенной на них оперативной обстановкой, то в его кабинет «никто не смел входить: ни императрица, ни дети, ни прислуга. Ключи находились у Государя»⁶².

Свой рабочий кабинет в Александровском дворце имела и императрица Александра Федоровна. Поскольку его стены были затянуты сиреневой тканью, то этот кабинет называли «Сиреневым»⁶³. Мебель в кабинете была выкрашена эмалевой краской под слоновью кость.

«Сиреневый» («Лиловый») кабинет императрицы Александры Федоровны. Один из уголков кабинета

В этом кабинете Александра Федоровна проводила большую часть своего времени. Сюда иногда подавали 5-часовой чай. Там же семья собиралась вечерами. В кабинете было два окна, выходивших в парк. У одного из окон, в углу, стояло любимое семейное кресло, запечатленное на множестве фотографий. Оно так удобно было повернуто к окну, что свет хорошо падал на книгу в руках, над креслом укреплена стенная лампа-бра, освещавшая кресло вечером.

Александра Федоровна в любимом кресле в «Сиреневом» кабинете

Надо заметить, что «Сиреневый» кабинет императрицы был разбит на несколько уютных зон, каждая из которых освещалась электрическими лампами местного размещения. В кабинете стояли два дивана, один из них – угловой. По стенам крепились полочки, сплошь заставленная дорогими императрице фотографиями. В уютный интерьер хорошо вписалось белое пианино, на котором часто играла императрица.

Л. Премацци. Камеронова галерея и Зубовский корпус. Середина XIX в.

Наследник Александр Николаевич в 1840-х гг. занимал Зубовский флигель Большого Екатерининского дворца. Ранее там находилась жилая половина императрицы Екатерины II. Зубовский флигель Екатерининского дворца был построен по проекту архитектора Ю.М. Фельтена в 1779–1785 гг. Свое название флигель получил по имени фаворита Екатерины II П.А. Зубова, поскольку в нем располагались его апартаменты.

Кабинет Александра II в Зубовском флигеле Екатерининского дворца.

Фото 1930-х гг.

Свой медовый месяц в 1841 г. Александр II провел в Царском Селе и именно в Зубовском флигеле. К этому времени там обновили две половины – цесаревича и цесаревны. В этих комнатах супруги жили вплоть до своей смерти. Мария Александровна провела там последний для себя весенний сезон в 1879 г., а Александр II последний раз жил в Царском Селе в 1880 г.

Половина Александра II в Зубовском флигеле включала 10 помещений: Передняя, Приемная, Штандартная (Знаменная), Арсенальная, Буфетная, Азиатская, Кабинет, Туалетная (Уборная), Камердинерская, Гардеробная. Приемы и деловые встречи проходили в Кабинете, Приемной и Туалетной⁶⁴.

Сохранилась фотография рабочего кабинета Александра II, сделанная в 1930-х гг. Интерьер кабинета Зубовского флигеля напоминал интерьер кабинета царя в Зимнем дворце, центром которого был массивный рабочий стол.

«Турецкая» («Азиатская») комната в Зубовском флигеле Екатерининского дворца. 1850-е гг.

На правой стене развешено множество картин с изображением жены и детей царя. На столе – два канделябра на четыре свечи. Позади царя, на стене, множество «военных» акварелей. Примечательно, что эти акварели «авторские». Дело в том, что Александр II, будучи хорошим рисовальщиком, набросал множество эскизов военных форм, часть из них была, видимо, использована при смене формы русской армии в ходе военной реформы в 1860-х

гг. Царский рабочий стол украшал бюст императора Николая I, который строго взирал на своего сына.

На втором этаже Зубовского флигеля находилась половина императрицы Марии Александровны. И хотя императрица при перестройке «своих» комнат руководствовалась в первую очередь стремлением к созданию комфортных бытовых условий, сохранившиеся интерьеры Екатерины II ей пришлось по вкусу, поэтому прежнюю отделку залов почти не затронули.

Э. Гау. «Зеркальный» кабинет императрицы Марии Александровны. Зубовский флигель Екатерининского дворца. 1860-е гг.

С парадного Китайского зала начинались личные покои императрицы Марии Александровны. Ее любимой комнатой был Зеркальный (или Серебряный) кабинет, сохранивший свой интерьер со времен Екатерины II.

В период правления Александра II при оформлении интерьеров помещений часто использовалась мебель в стиле «буль», мода на которую возникла в Европе еще в 1840-х гг. Мебель декорировалась пластинами рога и латунью. Под термином «буль» в 1860-х гг. уже, видимо, подразумевалась не только мебель, выполненная в традиционном стиле и технике, изобретенная А.Ш. Булем, но и предметы из палисандра, инкрустированные металлом и имевшие с техникой придворного французского мастера весьма отдаленное сходство⁶⁵. Так или иначе, но именно эту мебель предпочитала видеть в своих комнатах императрица Мария Александровна. В Зимнем дворце вплоть до 1917 г. сохранялись интерьеры трех рабочих кабинетов российских императоров: Николая I, Александра II, Александра III и Николая

II. В конце 1920-х гг. их уничтожили, и до настоящего времени, с некоторыми утратами, дошел только Готический кабинет Николая II. Остальные кабинеты превратились в обычные выставочные помещения огромного дворца. Только в последнее десятилетие в комнате, в которой находился кабинет Александра II, появился его бюст, установленный на месте кончины императора 1 марта 1881 г.

Комод в стиле «буль»

Кабинет Николая I. За тридцать лет жизни в Зимнем дворце у Николая I сформировались два рабочих кабинета. Когда на третьем этаже Зимнего дворца в 1826–1827 гг. устраивали жилую половину Николая I, то наряду с другими комнатами там был оформлен и рабочий кабинет императора. После пожара 1837 г. интерьеры кабинета были воссозданы в прежнем виде.

Один из многолетних сотрудников Николая I описал «верхний» кабинет, который он подробно рассмотрел во время одного из заседаний в 1841 г. Барон М. Корф писал, что кабинет выходил «окнами к Адмиралтейству», что «вокруг всей комнаты идут полушкафы, на которых лежат книги и портфели. Посредине ее стоят два огромных письменных стола, в параллельном направлении; третий – поперек комнаты, с приставленным к одной оконечности его пюпитром. В целом – порядок удивительный: ничто не нагромождено, не валяется; всякая вещь, кажется, на своем месте... Во всей комнате только два огромных, как ворота, окна и в простенке между ними большие малахитовые часы с таким же циферблатом... Вся без изыятия мебель, стулья и кресла, карельской березы, обитая зеленым сафьяном; один только диван и ни одного Вольтера^{66, 67}.

Дочь Николая I, великая княгиня Ольга Николаевна, в своих записках описывает кабинет отца «образца» 1838 г. совсем по-другому: «Светлое, приветливое помещение с четырьмя окнами, два с видом на площадь, два – во двор.

Э.П. Гау. Большой кабинет Николая I в Зимнем дворце. 1860-е гг.

В нем стояли три стола: один – для работы с министрами, другой – для собственных работ, третий – с планами и моделями для военных занятий»⁶⁸. Однако на акварели Ухтомского, датированной серединой XIX в., это помещение с четырьмя окнами названо Угловой гостиной Николая I. Окон во двор в этом помещении не могло быть по определению, поскольку два окна выходили на Адмиралтейство и два окна – на стрелку Васильевского острова. Видимо, это ошибка Ольги Николаевны, поскольку свои воспоминания она писала много лет спустя.

К.А. Ухтомский. Угловая гостиная императора Николая I. Середина XIX в.

С перепланировками императорской половины в северо-западном ризалите Зимнего дворца связано появление *второго рабочего кабинета* императора Николая Павловича. Этот кабинет был оборудован на *первом этаже* северо-западного ризалита Зимнего дворца. «Новый» кабинет представлял собой небольшую узкую комнату, лишенную декора, с выбеленным потолком и оклеенными темными обоями стенами. Естественно, в кабинете находился письменный стол и стояла знаменитая складная походная кровать императора. Прохожие, проходя по набережной, вполне могли заглянуть в кабинет императора и убедиться в его аскетизме⁶⁹.

Кабинет Николая I на первом этаже Зимнего дворца. Походная кровать, на которой скончался император

Правда, этот аскетизм носил несколько демонстративный характер. Барон М. Корф упоминает, что «император Николай только в самые последние годы своей жизни переселился в тот маленький кабинет, где и умер»⁷⁰.

*Э.П. Гау. Кабинет императрицы Александры Федоровны. 1858 г.
Зимний дворец*

После смерти Николая I в феврале 1855 г. его кабинет на первом этаже Зимнего дворца сохранили как мемориальный. Память о Николае Павловиче чтится. В феврале 1865 г., когда исполнилось десять лет со дня смерти Николая I, Александр II с сыновьями посетил кабинет отца и долго там молился. Затем состоялась панихида в Малой церкви Зимнего дворца⁷¹. Своего деда чтит и Александр III. Мемуарист свидетельствует, что «он очень дорожил памятью своего деда. В кабинетах его он всегда останавливался и говорил о нем»⁷².

Жена Николая I, императрица Александра Федоровна, также имела во дворце свой *рабочий кабинет*. Он располагался в *личной части ее апартаментов* на втором этаже северо-западного ризалита.

Н.Г. Чернецов. Кабинет цесаревича Александра Николаевича (Александра II). 1837 г. Зимний дворец

Великая княгиня Ольга Николаевна описывала кабинет императрицы Александры Федоровны следующим образом: «Это была красивая угловая комната с видом на Неву, обтянутая зеленым с амарантом штофом, всегда наполненная цветами»⁷³. Сейчас это зал № 185.

Интерьер кабинета Александры Федоровны был уничтожен в ходе ремонта 1895–1896 гг., когда на втором этаже дворца оборудовалась квартира для Николая II.

В начале 1840-х гг. обустраивали квартиру в Зимнем дворце для старшего сына Николая I, цесаревича Александра Николаевича, будущего Александра II. В числе комнат на его половине был оборудован и обязательный рабочий кабинет.

Половина цесаревича находилась на втором этаже юго-западного ризалита Зимнего дворца. На этой «территории» в конце XVIII в. проживал император Александр I. Его спальня и превратилась впоследствии в кабинет Александра II⁷⁴.

Сохранились акварели разных лет с изображением этого кабинета, по которым можно определить, как менялся его интерьер. На акварели 1837 г. Н.Г. Чернецова это – пустоватая рабочая комната молодого 15-летнего цесаревича. Видно, что стол повернут к окну так, чтобы свет падал на него с левой стороны. Между двумя альковами стоит кушетка. В простенке между окнами, на трельяже, расположились фигурки солдат из папье-маше под стеклянными колпаками. Этот «допожарный» кабинет пустоват и еще не обжит.

«Э.П. Гау, Кабинет Александра II. 1850-е гг. Зимний дворец»

На акварелях Э. Гау запечатлен облик кабинета в 1850-х гг. На одной из акварелей мы видим цесаревича, сидящего за рабочим столом с двумя детьми. Кушетка сохранила свое привычное место, но стол уже отодвинут подальше от окон. На столе появились портреты дорогих царю людей. Увеличилось число фигурок под стеклянными колпаками. На стене множество картин с батальными сценами, окружающими небольшой портрет Александра I. О том, что цесаревич действительно работает за этим столом, свидетельствуют три массивных кожаных портфеля, лежащих на одном из полукресел. На столе стопка книг и кипы документов. Сама изображенная мизансцена задумана художником как краткий миг отдыха от дел, когда к цесаревичу забежали на минутку его дети и он с улыбкой отрывается от своих занятий.

*Э.П. Гау. Кабинет Александра II. Вторая половина 1850-х и.
Зимний дворец*

Далее упомянем акварель Э. Гау, датированную второй половиной 1850-х гг. На ней изображена та часть кабинета, которая располагалась за спиной императора. На стене портреты. Центральное место занимают портреты молодой Марии Александровны и портрет Николая I. По бокам портреты меньшего размера – видимо, бабушки и дедушки – императрицы Марии Федоровны и Павла I. Кушетка находится на привычном месте между альковами, а на стенном полушкафу – бюст учителя В.А. Жуковского. У окна в углу икона. За спиной императора – большое зеркало с двумя канделябрами на две свечи.

На акварели Э. Гау, датированной 1857 г., мы уже видим кабинет не цесаревича, а императора. На стенах все те же портреты. Кушетка убрана за спину императора, а в простенке между альковами появился полушкаф, на котором три фигурки солдат под стеклянными колпаками. Еще пять фигурок установлены на полушкафу в алькове. Под стеклянными колпаками теперь хранятся и головные уборы. Это были казачьи кивера Николая I. Позже к ним прибавились кивера умершего в 1865 г. старшего сына царя Николая Александровича. На столе в рамках с закругленным верхом – акварельные портреты императриц Марии Александровны и Александры Федоровны кисти английской художницы К. Робертсон. На полу-креслах, приставленных к столу, все те же кожаные портфели с документами. Для документов рядом со столом появился круглый столик на трех ножках. Простенок между колоннами альковов занимает зеркало.

Э.П. Гау. Кабинет Александра II. 1857 г. Зимний дворец

Сохранились фотографии кабинета Александра II в Зимнем дворце. На фотографии Левицкого 1870-х гг. мы видим Александра II, сидящего за рабочим столом. На столе увеличилось количество акварелей и фотографий. На стене поменялись портреты. Центральное место занял портрет отца – императора Николая I, по бокам которого поместили два портрета жены, императрицы Марии Александровны. Просматривается и портрет бабушки, императрицы Марии Федоровны. Напротив стола, на полушкафу, появился бюст умершего старшего сына – Николая Александровича. Портрет Александра I перевешен на стену между альковами, а под ним размещены портреты дочери Марии Александровны и умершего сына Николая. Рядом со столом все те же полукресла с документами и круглый столик.

Рабочий кабинет Александра II в Зимнем дворце. Фото 1920-х и.

На фотографии кабинета, сделанной в 1920-х гг., интерьер – уже с существенными утратами. Со стены исчез портрет Николая I. Его заменяет портрет Марии Александровны. Из портретов на стене между альковами остался только Александр I. На столе – немногочисленные фотографии. Самым существенным дополнением стало появление еще одного стола, не просматривавшегося на более ранних фотографиях.

Примечательно, что покушения на Александра II оставили свой след в интерьере рабочего кабинета. Германский корреспондент, принятый Александром II в рабочем кабинете, обратил внимание на то, что «под стеклянными колпаками, рядом с казачьими киверами, покойных императора Николая I и цесаревича Николая Александровича» хранится «пистолет, оказавшийся тем самым, из которого Каракозов выстрелил в государя 4 апреля 1866 г. Пистолет был двуствольный, и один из стволов оставался заряженным»⁷⁵. Именно в этот рабочий кабинет принесли умирать Александра II, смертельно раненного бомбой террориста 1 марта 1881 г.

Чернильный прибор в виде паровоза. 1871 г.

Кабинет императрицы Марии Александровны располагался на втором этаже юго-западного ризалита Зимнего дворца. Императрица прожила в Зимнем дворце почти 40 лет, с 1841 по 1880 г. Естественно, за это время ее покои неоднократно ремонтировались. При этом менялись и планировка, и интерьеры. Одна из камер-юнгфер описывала эти помещения следующим образом: «Четвертая комната – кабинет: стены и мебель крыты светло-голубым дамаскином с белыми узорами; задняя стена полукруглая и по всей стене полукруглый диван; перед ним с одного конца стояли столик и кресла, с другого – стулья и табуретки, посередине комнаты, довольно близко к дивану, – кушетка, на которой великая княгиня постоянно отдыхала. На кушетке лежал валик длиною $\frac{3}{4}$ аршина, на розовом чехле надета батистовая вышивка и обшитая кружевами наволочка: его подкладывали под спину, а маленький такой же валик клали на подушку кушетки под голову. Письменный стол стоял у стены около двери, ведущей в спальню... В противоположной стене – камин... Библиотеки не было вовсе. Впоследствии, с правой стороны круглого дивана, была сделана небольшая дверь, скрытая под драпировкой, ведущая на лестницу в нижний этаж, в комнаты детей; по стенам этой лестницы устроены были полки для книг; лестница освещалась днем и ночью карселевскими лампами, так как была устроена внутри стен и была совершенно темная.

Э.П. Гау. «Малиновый» кабинет императрицы Марии Александровны. 1860-е гг.

Пятая комната, очень большая, угловая, крыта красною с золотыми арабесками материею; большой письменный стол, с золотым письменным прибором, тут же стоял рояль и круглый прекрасный мозаичный стол... Эта комната называлась – парадный кабинет».

Кабинет императрицы Марии Александровны. Фото Левицкого

Сохранилась, пожалуй, единственная фотография императрицы Марии Александровны, сделанная в ее «жилом» кабинете фотографом Левицким. Это действительно жилой кабинет, в котором больная императрица и проводила большую часть дня. На стене портреты Александра II и умершего сына. Императрица сидит в низком покойном кресле и занимается рукоделием. Примечательно, что кабинет в 1870-х гг. освещался только свечами. У императрицы были больные легкие и газовое освещение для ее половины не рекомендовали медики.

После гибели в марте 1881 г. императора Александра II семья Александра III окончательно оставляет Зимний дворец.

Поэтому с 1884 г., с разрешения министра Императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова и обер-гофмаршала Высочайшего двора Е. Нарышкина, к осмотру личных апартаментов покойных императора Александра II и императрицы Марии Александровны начали допускаться иностранные и отечественные «*туристы*» (в официальных документах упоминается именно этот термин. – И. З.). Особенно много туристов приезжало из Англии и США⁷⁶. В экскурсиях по дворцу их в обязательном порядке сопровождали сотрудники дворцовой охраны.

В 1887–1888 гг. император *Александр III* на третьем этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца оборудует свою половину. Она включала в себя следующие помещения: Передняя, Проходная первая, Проходная вторая, Проходная третья, Уборная его величества,

Уборная и Ванная, *Кабинет*, Гостиная угловая, Гостиная вторая, Библиотека, Гардероб, две Проходные комнаты за гардеробом, Дежурная и Буфет. Всего 15 комнат⁷⁷.

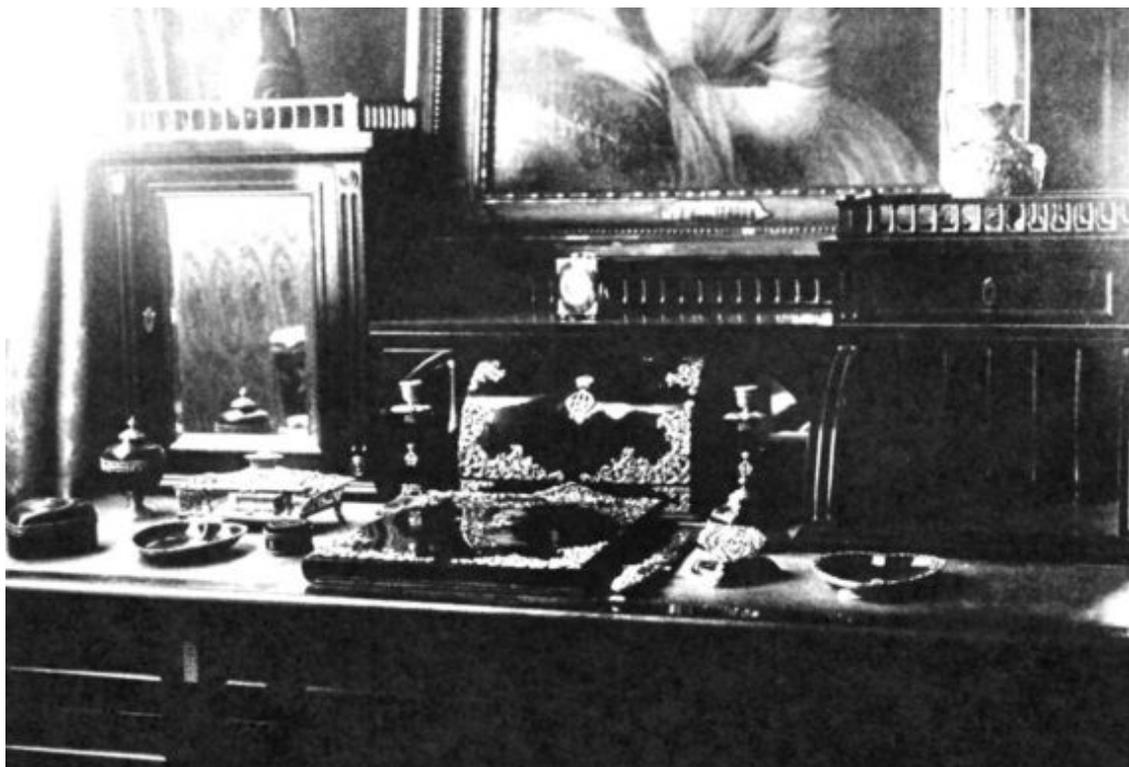
Надо заметить, что в этих комнатах царь бывал очень редко, но кабинет требовался просто по статусу. Граф С.Д. Шереметев вспоминал, что Александр III «сам повел меня показывать подробности. Сказал, что мебель карельской березы принадлежала императору Николаю, что остальную мебель он собрал из Таврического дворца. Мне бросился в глаза прекрасный портрет царя Алексея Михайловича как изображение, необычное для Зимнего дворца... повел и в угловую комнату с видом на Неву в обе стороны. Здесь говорил, что это бывшая комната императрицы Александры Федоровны, ее будуар, и поэтому он приказал вернуть сюда ее прежнюю мебель (до этого там жил Алексей Александрович)»⁷⁸. Надо добавить, что все личные комнаты Александра III в Зимнем дворце считались секретными, и их планировка составляла государственную тайну.

Последние царские кабинеты оформили в Зимнем дворце в ходе ремонта «царского» северо-западного ризалита в 1895–1896 гг. Среди прочих комнат на втором этаже дворца оборудовали *два царских кабинета*: императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Рабочий кабинет Николая II на втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца

Судя по фотографиям, оба эти кабинета – угловые. Только окна кабинета Александры Федоровны выходили на Дворцовый мост и Адмиралтейство, а окна кабинета Николая II – на Адмиралтейство и Собственный садик. Эти помещения являлись частью личных апартаментов, поэтому там было прежде всего уютно и удобно. Комфорт первенствовал над роскошью. «Сердцем» кабинета был обычный «г»-образный письменный стол, освещаемый лампой под матерчатым абажуром. Судя по фотографиям, кабинет царя отделали с элементами «русского стиля»: арочную дверь украшали кованые прорезные петли. В кабинете Зимнего дворца Николай II проработал с декабря 1895 по весну 1904 г., т. е. семь с половиной лет.

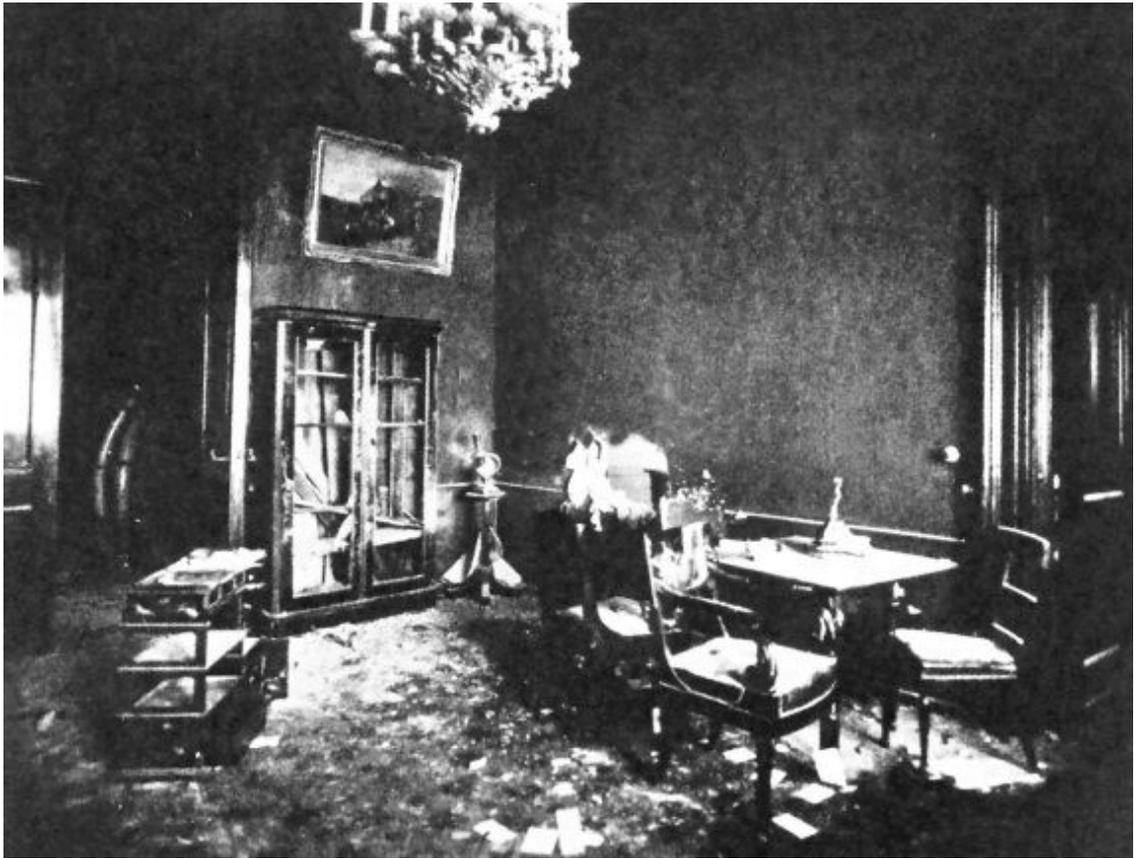
Письменный стол в кабинете Александры Федоровны в Зимнем дворце

Детали интерьеров этих помещений начали растаскивать уже летом 1917 г., когда на императорскую половину Зимнего дворца въехал А.Ф. Керенский. Тогда срочно вынесли стильную мебель и специально заказанные для дворца гарнитуры. Взамен их в царские комнаты доставили обычную канцелярскую мебель: письменные столы, стулья из дворцовых запасов и помещений бывшего Дворцового ведомства. Стены, обитые шелком, вместе с развешенными на них картинами затянули холстом. Лишь кабинет Николая II сохранили в качестве «мемориального». Сам А.Ф. Керенский разместился на третьем этаже над половиной Николая II, в бывших апартаментах Александра III⁷⁹. От Малахитовой гостиной по северной и западной сторонам дворца, в бывших покоях Александры Федоровны и Николая II, разместились канцелярии и аппарат правительства, кабинет министра-председателя (в угловой комнате, бывшем кабинете царицы). В библиотеке Николая II А. Ф. Керенский обычно проводил совещания с военными. Помещения правительства кончались у Салтыковской лестницы⁸⁰.

А.Ф. Керенский в «Готической» библиотеке Николая II

Во время штурма Зимнего дворца кабинет Николая II серьезно пострадал. На фотографии видны разбитый шкаф и отбитые до штукатурки стены. Поскольку в «мемориальном» кабинете со стен не были сняты портреты, то один из портретов Николая II («Николая II в тужурке» кисти В. Серова.

Кабинет Николая II в Зимнем дворце после штурма

Всего художник написал два портрета, один из которых сейчас выставлен в корпусе Бюна Русского музея) был проткнут штыком⁸¹.

В. Серов. Портрет Николая II в тужурке. 1900 г.

В Гатчинском дворце за время его существования в качестве загородной императорской резиденции последовательно сформировались интерьерные пространства *четырёх рабочих кабинетов российских императоров*: Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. У Николая II во дворце также был свой кабинет в бытность его цесаревичем. Начиная с Николая I все рабочие кабинеты императоров располагались в Арсенальном каре Гатчинского дворца.

Гатчинский дворец

Внешний облик этих помещений можно представить по дошедшим до нас акварелям Премацци, Ухтомского и Гау. Часть интерьеров сохранилась до нашего времени. Следует помнить, что судьба Гатчинского дворца оказалась особенно тяжелой. Дворец очень серьезно пострадал в годы Великой Отечественной войны, его экспонаты при эвакуации передали другим музеям, а то, что осталось, разграбили фашисты. После войны долгие годы дворец занимали различные организации, что также не способствовало сохранению его исторического облика.

В эпоху цесаревича, а затем императора Павла Петровича за долгие годы его жизни в Гатчинском дворце сформировались *два рабочих кабинета* на 1-м этаже Центрального корпуса дворца: «Овальный» и «Башенный». Эти небольшие помещения выходили в сторону парка. На 2-м этаже (бельэтаже) главного корпуса дворца размещался кабинет императрицы Марии Федоровны. Окна этого кабинета выходили на плац перед дворцом.

При императоре Николае I на 1-м этаже Арсенального корпуса Гатчинского дворца возникают еще *четыре рабочих кабинета*: «Угловой» и «Большой военный» кабинеты Николая I. «Дубовый» и «Большой» – императрицы Александры Федоровны.

«Башенный» кабинет Павла I в Гатчинском дворце

Судя по акварели, «Большой военный» кабинет Николая I был воплощением аскетизма, его царь демонстрировал где только мог. Кабинет представлял из себя большую пустоватую комнату, стены которой украшали «военные» полотна. На стенах были развешаны акварели Пиратского и Лангла с таблицами форм русских войск.

«Овальный» кабинет Павла I в Гатчинском дворце

На специальной стойке крепилась карта Гатчинского дворца и окрестностей. К окнам придвинут рабочий стол императора. У одной из стен, рядом с камином, стояла кушетка, рядом с ней в углу был расположен умывальник. Помещение очень аскетично и по декору, и по внутреннему убранству. В лепнину потолка вплетены вензеля Николая I. На полушкафу в кабинете, рядом с бюстом Николая I (скульптор Залеман), находится проект парового двигателя для паровоза Николаевской железной дороги. Три окна кабинета выходили в парк.

«Угловой» кабинет Николая I, расположенный в восьмигранной башне Арсенального корпуса, был своеобразной репликой «Башенного» кабинета Павла I.

Парадные кабинеты императрицы Александры Федоровны – «Дубовый» и «Большой» – часть парадных помещений жилой половины императорского дворца. Все эти кабинеты сохранялись вплоть до 1917 г.

«Большой военный» кабинет Николая I в Гатчинском дворце

У Александра II и его жены императрицы Марии Александровны в Гатчинском дворце было два кабинета. Они также находились на 1-м этаже Арсенального корпуса. Они не имели каких-то специальных названий и именовались просто «кабинетами».

Кабинет Александра II по традиции, сложившейся еще при Павле I, был расположен в восьмигранной башне, по диагонали от «Углового» кабинета Николая I. Его окна выходили на плац перед дворцом. Декорированный в зеленых тонах кабинет вмещал рабочий стол, два полушкафа, два уютных полукруглых дивана, вписанных в геометрию стен. Рядом с диванами стоял небольшой круглый столик. Главным украшением стен служили небольшие картины с изображением солдат и офицеров в форме различных полков русской армии. Отапливался кабинет камином.

«Угловой» кабинет Николая I на 3-м этаже башни

Два окна небольшого кабинета Марии Александровны выходили в сторону нынешнего железнодорожного вокзала. Декорированный зеленоватым чинцем кабинет украшали портреты детей императрицы. Роскошная гнутая мебель, выполненная в мастерской братьев Гамбс, удачно вписывалась в интерьер небольшого помещения, создавая ощущение уюта и домовитости. Рабочий стол императрицы не производит впечатление «рабочего», настолько органично его форма входит в атмосферу этого «будуарного кабинета».

Э.П. Гау. «Большой» кабинет императрицы Александры Федоровны. 1876 г.

«Дубовый» кабинет императрицы Александры Федоровны

Э.П. Гау. Кабинет Александра II в Башне Арсенального корпуса Гатчинского дворца. 1862 г.

После внезапного отъезда из Петербурга в конце марта 1881 г. семья Александра III начинает обустраиваться в Арсенальном каре Гатчинского дворца. Император не стал «трогать» жилые половины своих деда и отца. Он занял совершенно не востребованный ранее первыми лицами «антресольный» этаж Гатчинского дворца. Это решение ужаснуло императрицу Марию Федоровну, привыкшую к более комфортабельным и по-настоящему «дворцовым» помещениям Аничкого дворца. Тогда она писала своим родным в Данию: «Мы переехали внезапно, оставив младших детей там, т. к. маленький был простужен и не мог выходить. Оставляя свой любимый, уютный дом в Аничковом для этого большого, нежилого, пустого замка, среди зимы еще, стоило мне много слез, но скрытых, т. к. бедный Саша так радовался уехать из города, который стал ему противен после всего ужаса и горя, которые мы пережили там»⁸².

Арсенальный корпус Гатчинского дворца. Маленькие окна – на «антресольном» этаже

Однако Мария Федоровна со временем смирилась и даже полюбила «свои антресоли». Однако на «свежих» людей царские помещения с низкими сводчатыми потолками производили сильное впечатление своей не царской простотой. Так российские монархи еще не жили.

Со временем на 2-м, «антресольном», этаже Арсенального каре складываются целых *пять рабочих кабинетов* членов семьи Александра III: рабочий кабинет Александра III, кабинет Ксении Александровны, кабинет Михаила Александровича, кабинет Георгия Александровича и кабинет цесаревича Николая Александровича.

Свой рабочий кабинет Александр III разместил, конечно, в восьмигранной башне, точно над «Угловым» кабинетом Николая I. А если учесть то, что выше, на 3-м этаже в той же башне, был размещен и «Приемный» кабинет Александра III, то витая лестница, шедшая внутри восьмигранной башни, связывала три рабочих кабинета российских императоров, располагавшихся один над другим.

Кабинет Александра III в Гатчинском дворце

Судя по фотографии 1940 г., рабочий кабинет Александра III был прежде всего функционален, дворцовой роскоши там не было и в помине. Да и в комнате с очень низкими сводчатыми потолками для «роскоши» не нашлось пространства. Главное место в кабинете занимал рабочий стол, повернутый к окну, в простенок между окнами. Над столом – лампа с матерчатым абажуром. В кабинете стояли еще один стол, диван и два массивных кресла. Видимо, двигаться по тесно заставленному кабинету приходилось с осторожностью. На фотографии видно, что под второй стол задвинут деревянный табурет, по форме напоминающий бочку. Он сохранился. На выставке, посвященной Александру III, этот табурет именовался как «табурет-вазон. Вторая половина XIX века».

В Гатчинском дворце на стенах личных покоев императора Александра III висели преимущественно картины передвижников, которых так любил император. В его кабинете совершенно не случайно висел портрет К.П. Победоносцева кисти К.Е. Маковского. Это был не только учитель императора, но и главный идеолог его царствования, «подморзивший» Россию после либеральных реформ Александра II.

Табурет-вазон из кабинета Александра III в Гатчинском дворце

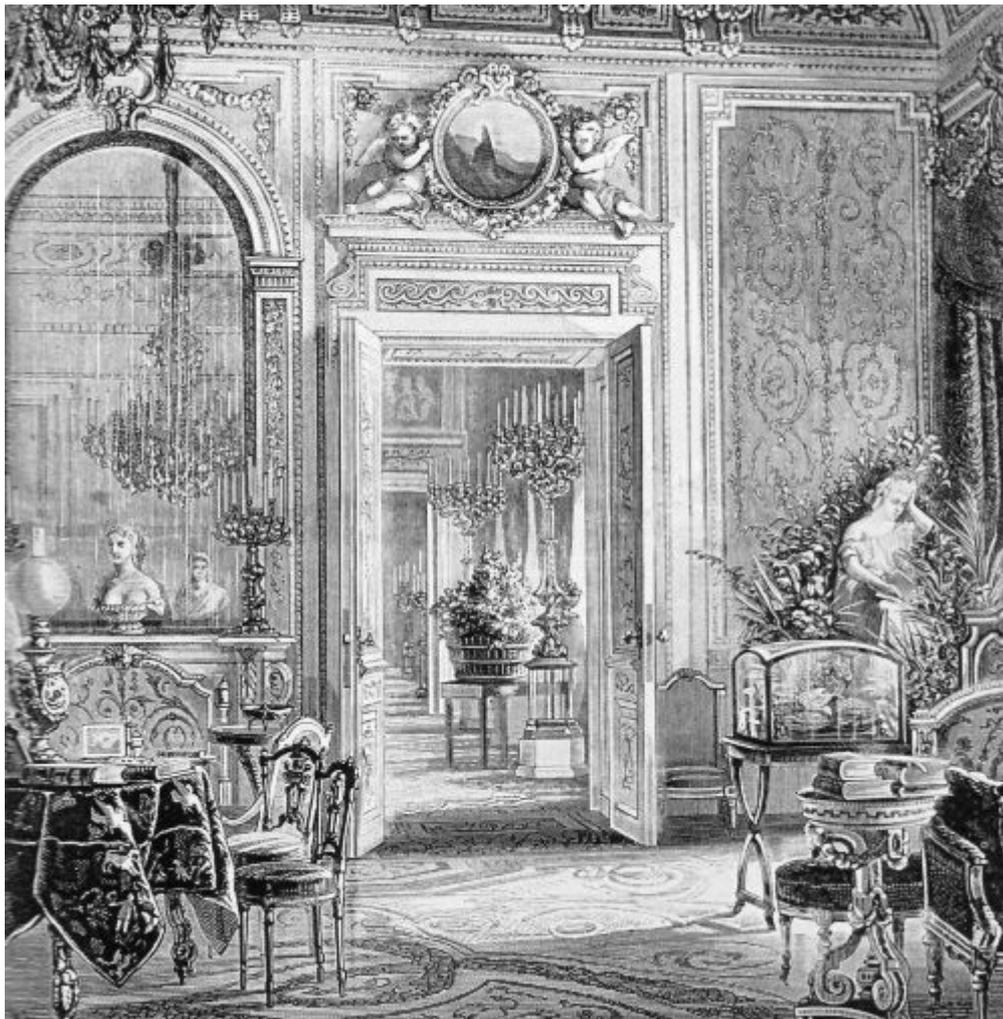
Современников, конечно, интересовало все, связанное с непарадной, личной жизнью царя. Поэтому они с интересом выслушивали все, относящееся к этому, в том числе и сведения о манере царя выслушивать доклады в рабочем кабинете, и все, касавшееся обстановки царского кабинета. В конце 1888 г. Александр III принимал у себя в Гатчине сенатора А.Ф. Кони, который докладывал царю о судебных делах в течение полутора часов. Сенатор был «поражен обстановкой царя: низкий кабинет, очень небольшой, на письменном столе синее сукно, тут лежит лист грязного papier-buvard⁸³, простая чернильница, возле белая тряпочка для вытирания пера, на которую Кони обратил особенное внимание, так как государь ее неоднократно брал, чтобы обтереть перо, которое у него не писало, а он во время разговора делал примечания этим пером. Во время разговора царь встал и стал ходить по комнате. Кони тоже встал, но государь приказал ему сесть»⁸⁴.

Мемуаристы оставили упоминания и о характере приемов в этом рабочем кабинете. То, что Александр III усаживал в кресло докладчиков в своих рабочих кабинетах, упоминали и те, кто работал с императором постоянно. Так, А.А. Половцев, который имел в 1880-х гг. еженедельный доклад у царя, каждый раз отмечал в дневнике, что император «приглашает меня сесть против него за письменным столом»⁸⁵. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что во время приема в гатчинском рабочем кабинете Александр III «всегда придвигал стул, чтобы я мог сесть»⁸⁶, в отличие от отца Николай II принимал «разовых» докладчиков в своих кабинетах только стоя.

Аничков дворец в Петербурге

Аничков дворец являлся одной из петербургских резиденций российских императоров наряду с Зимним дворцом. С 1817 по 1825 г. там жил Николай I, называя дворец «Собственным». С 1825 по 1855 г. Николай I жил там периодически. С 1855 по 1866 г. дворец являлся одной из резиденций Александра II. В 1866 г. там поселился цесаревич Александр Александрович с цесаревной Марией Федоровной. Там рождались их дети, там они росли и получали образование. После того как цесаревич 1 марта 1881 г. стал императором Александром III, Аничков дворец сохранил свой статус «личной» императорской резиденции. После смерти Александра III в 1894 г. дворец оставался за вдовствующей императрицей Марией Федоровной, вплоть до Февральской революции 1917 г.

«Малиновая» гостиная императрицы Марии Федоровны. 1869 г.

В этом дворце важная роль отводилась рабочим кабинетам Александра III и императрицы Марии Федоровны. «Малиновая» гостиная считалась кабинетом цесаревны, она, судя по литографии 1869 г., представляла собой роскошную светскую гостиную. На отдельном столике под стеклянным колпаком хранился раритет – серебряный букет работы московского ювелира Овчинникова «из роз, гвоздики, георгин, ландышей, тщательно отделанных и большей частью позолоченных», полученных по случаю обручения в 1866 г.

Рабочий кабинет Александра III в Аничковом дворце находился на 2-м этаже в угловой комнате, два окна которой выходили в сад и два – на Невский проспект. Этот кабинет был хорошо известен в Петербурге, поскольку император, отдыхая, любил, сидя на подоконнике, наблюдать кипучую жизнь Невского проспекта. Он смотрел на прохожих, на вывески магазинов. Это было его формой отдыха. В этот кабинет во время Аничковских балов он приглашал интересующих его собеседников, для того чтобы обсудить те или иные вопросы.

Кабинет Александра III в Аничковом дворце

По установившемуся порядку никто не мог зайти в кабинет императора в его отсутствие. При отъезде императора из резиденции это помещение опечатывалось. Печать на дверях оставалась вплоть до возвращения хозяина кабинета. Александр III поддерживал строгий порядок в личных вещах: «Письменный стол его был неприкосновенная святыня. Никто не смел до него дотрагиваться, он сам его убирал и ревниво оберегал от вторжения»⁸⁷.

Нижняя дача Николая II в Петергофе

У Александра III имелся и другой, менее известный, рабочий кабинет, который он устроил себе на «вышке» 3-го этажа, куда он уединялся для занятий. В кабинете было всего два окна, небольшой стол и скудная мебель⁸⁸. Этот кабинет царь ценил за то, что его там старались не беспокоить, поскольку если он удалялся из парадного кабинета на 3-й этаж, это означало, что царь хочет побыть один, решая стратегические вопросы. Нижняя дача стала главной резиденцией Николая II в Петергофе. Это был единственный дворец, отстроенный специально для семьи царя за 23 года его царствования.

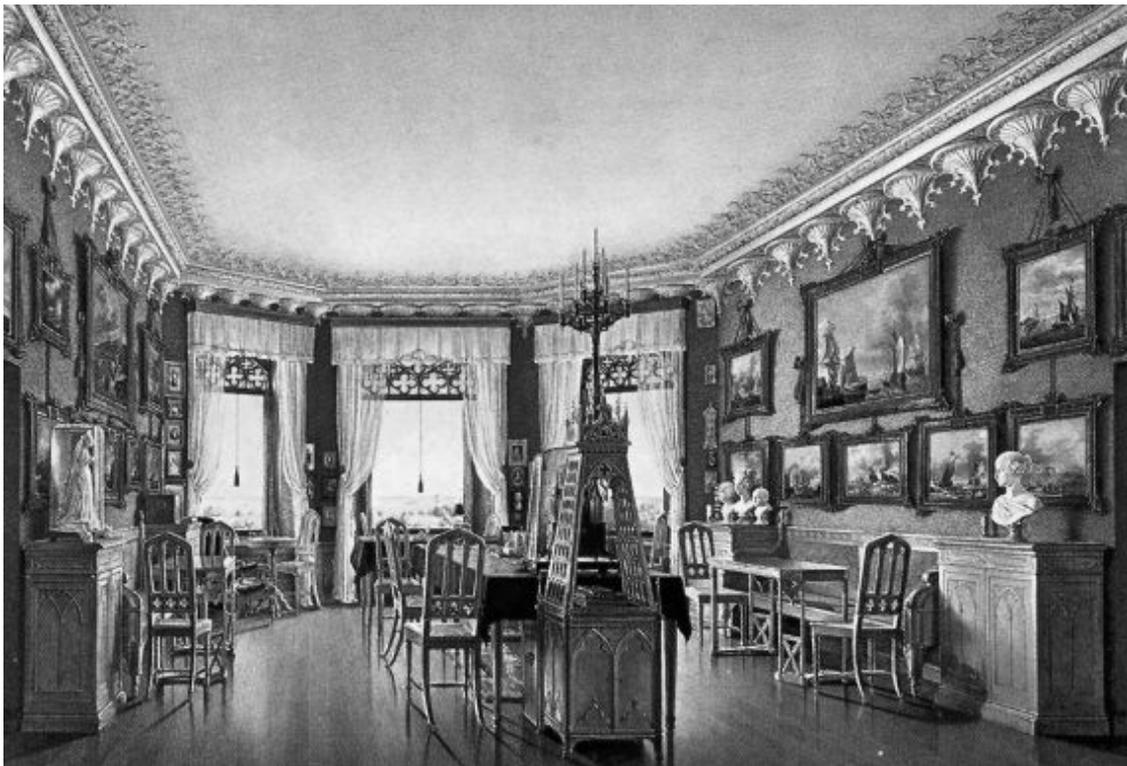
Рабочий кабинет Николая II. Нижняя дача. Петергоф. Александрия. Фото 1927–1932 гг.

Естественно, для Николая Александровича там был оборудован рабочий кабинет. В сложившихся традициях кабинет был обставлен тяжелой резной мебелью, крытой зеленым сафьяном. Стены кабинета в нижней части были отделаны ореховыми панелями. Верхняя часть стен покрыта тисненой кожей. Напротив рабочего стола царя стоял стул с высокой спинкой для докладчиков. Собственное кресло царя за рабочим столом было такое же, как и на «Штандарте»: крутящееся, с полукруглой спинкой. Освещение в кабинете – смешанное, наряду с электрическими лампами на столе стояли и канделябры со свечами.

В. Серов. Император Александр III в форме датского королевского лейб-гвардии полка. 1899 г.

На стене кабинета висел портрет Александра III в датском мундире кисти В. Серова. Этот портрет находился в кабинете Николая II вплоть до начала 1930-х гг.

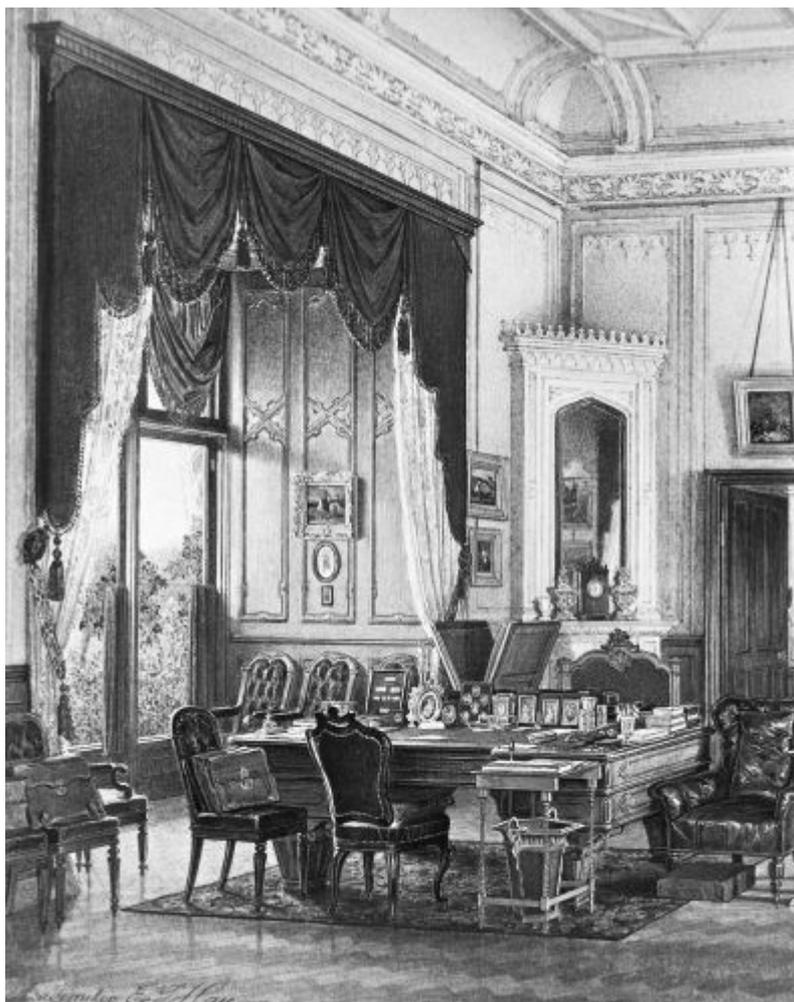
Э.П. Гау. «Морской» кабинет Николая I в Коттедже. Александрия. Петергоф. 1855 г.

В Коттедже, построенном на рубеже 1820–1830 гг., был оборудован «Морской» кабинет Николая I. Три окна кабинета выходили на Финский залив и напоминали кормовую каюту боевого корабля. Собственно, поэтому он и получил название «Морского». Мебель кабинета была дубовой и, как любил Николай Павлович, обтянута зеленым сафьяном. Вдоль стен шли полушкафы, на которых стояли бюсты дорогих императору людей: его дочерей и жены. Стены украшали картины с морскими батальными сценами. «Сердце» кабинета – длинный стол, застеленный зеленым сукном.

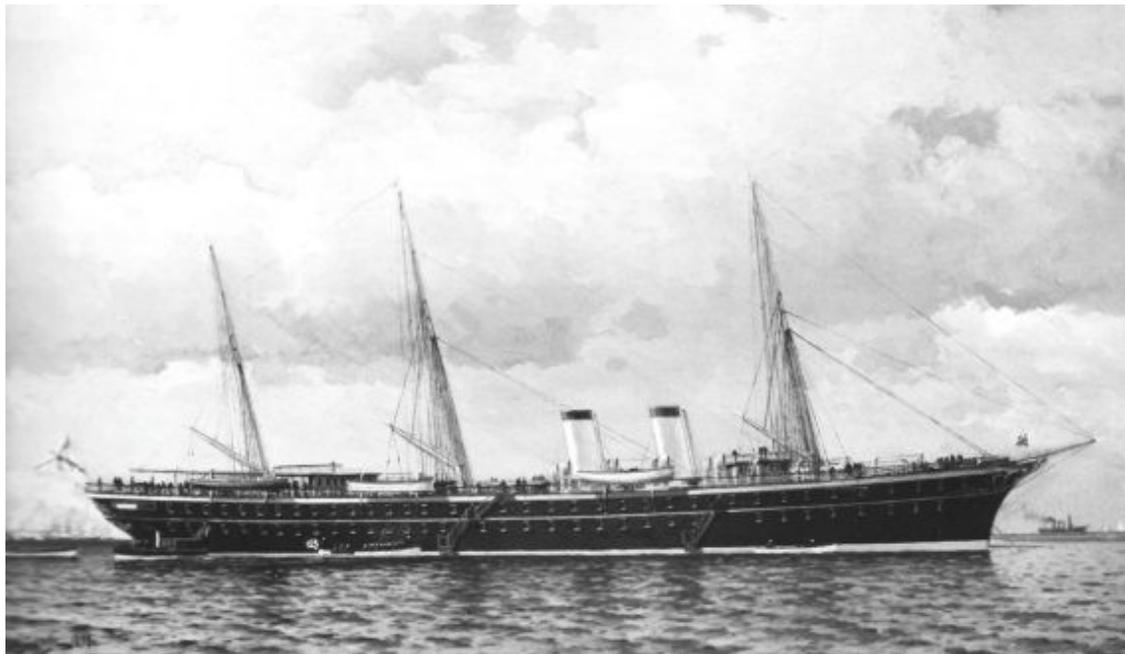
Кабинет императрицы Марии Федоровны в Коттедже. Фото до 1941 г.

После смерти Николая I этот кабинет сохраняли как мемориальный, поскольку Александр II предпочитал жить и работать в летние месяцы в соседнем, Фермерском дворце.

Э.П. Гау. «Большой» кабинет Александра II в Фермерском дворце. 1860 г. ГМЗ «Петергоф»

Позже в Коттедже работал Александр III, пользуясь кабинетом своего деда – Николая Павловича. Естественно, в рабочих кабинетах скапливались произведения искусства. Например, «блюдо серебряное кованное, в виде листа болотного кувшинчика; в середине самый цветок, выкованный плоским рельефом с накладками из цветного золота; по дну листа видна ковка сотового характера. На оборотной стороне 5 ножек, в виде улиток, выходящих из раковин». Это работа американского золотых дел мастера Тиффани. В этом кабинете было еще несколько вещей «от Тиффани»: «Спиртовая лампочка, выкованная из серебра в японском вкусе, украшенная травами, листьями и символическими знаками Тайкуна, частью крытыми темно-зеленою краской, частью наложенными из золотистого металла... Пепельница кованная из серебра, треугольной формы. На дне рельефное изображение мыши»⁸⁹.

Императорская яхта «Полярная звезда»

Поскольку перерывы в работе российских императоров не предусматривались, то все средства транспорта в обязательном порядке также оборудовались рабочими кабинетами.

В последней трети XIX в. для российских императоров построили три большие яхты. Первый опыт подобного строительства оказался неудачен. Яхту «Ливадию» заложили на стапеле в Англии в 1880 г. Царский заказ выполнили очень быстро, и через три месяца яхту спустили на воду. В сентябре 1880 г. она вышла из Англии. Императорская яхта была роскошно отделана. Конструктивные особенности яхты (проект «поповка») позволили оборудовать большие каюты и салоны для царской семьи и Свиты. Общая площадь помещений, отводившихся под эти цели, составила 3950 м². Высота потолков приемной и кабинета императора равнялась четырем метрам. На яхте даже возвели действующий фонтан, окруженный цветочной клумбой. Это была первая электрифицированная императорская яхта, освещенная «свечами Яблочкова»⁹⁰. Однако, несмотря на всю роскошь, конструкция судна оказалась крайне неудачной и судно вывели из списка императорских яхт.

Новую императорскую яхту «Полярная звезда» заложили в 1888 и спустили на воду в 1890 г. Естественно, яхту великолепно отделали, уникальные внутренние интерьеры по роскоши отделки не уступали дворцовым. Яхта обладала высокими мореходными качествами.

Значительная часть кормовой части судна отводилась под императорские помещения. Императорская кормовая рубка делилась переборкой на две части: вестибюль и курительную комнату. Из вестибюля трап вел на первую палубу в обширный императорский столовый зал на 14 окон. Вдоль правого борта «Полярной звезды» располагались: кабинет императрицы на два окна, спальня императрицы, спальня императора и кабинет императора Александра III⁹¹.

В конце правления Александра III в Дании заложили третью океанскую яхту «Штандарт». На воду ее спустили уже при императоре Николае II. Поскольку яхту строили датчане, то и внутренней отделкой яхты занимался датский художник Л. Монберг. Для ее оформления многие вещи перевезли со старых яхт: мебель и столовое серебро с яхт «Держава» и «Ливадия». По особому распоряжению Николая II золочение для отделки внутренних помещений не применялось.

Императорская яхта «Штандарт»

На яхте «Штандарт», столь любимой императорской семьей, единым блоком была спроектирована императорская половина. Она включала в себя помещения для Николая II (гостиная, спальня, кабинет, ванная) и двух императриц – Александры Федоровны и Марии Федоровны. Рабочий кабинет царя на яхте мало чем отличался от его «сухопутных» кабинетов. Та же тяжелая мебель, обтянутая сафьяном, те же электрические лампы-бра на стенах, то же множество фотографий. Из «морских» деталей можно упомянуть настенный барометр. Еще один барометр стоял на рабочем столе царя. Редко встречающейся деталью интерьера стал большой электрический вентилятор, стоявший на трельяже. Рабочий стол императора был установлен в простенке между двумя окнами, «лицом» к ним. Примечательно, что наряду с электрическим освещением в интерьере кабинета были и привычные свечи в канделябрах. В царском кабинете – четыре окна. Именно привычные окна, а не иллюминаторы.

Рабочий кабинет Николая II на «Штандарте»

Николай II, находясь на яхте, предпочитал в хорошую погоду работать с документами на палубе. Для него ставили плетеное кресло со столиком, на котором он и раскладывал свои бумаги. Рядом с ним занималась рукоделием императрица Александра Федоровна.

Рабочий кабинет Николая II на «Штандарте»

Таким образом, у российских императоров за десятилетия сложился достаточно напряженный распорядок дня, который в буквальном смысле передавался из поколения в поколение: утренняя прогулка, утренние доклады до завтрака, завтрак, короткая прогулка и вновь работа до пятичасового чая, затем короткий отдых и работа до обеда. Вечер посвящался светским мероприятиям. Однако если дела оставались, то по неписаной традиции их заканчивали в ночные часы. Императоры отчетливо понимали, что на незаконченные сегодня дела завтра навалится не меньшая куча дел. Поэтому в их письмах и репликах часто проскальзывало сравнение их работы с бессрочной каторгой или службой. Когда в Ливадии император Николай II, проверяя новое солдатское обмундирование, совершил марш-бросок с полной выкладкой, то по его окончании ему предложили заполнить солдатскую книжку, в которой он лично обозначил срок своей «службы» – «до гробовой доски».

Николай II в солдатском обмундировании. Ливадия

Соответственно все императорские резиденции оснащались и «рабочими местами». Государственная машина не могла останавливаться ни на минуту, и «Высочайшие решения» были одним из главных импульсов для ее работы.

Секретари российских императоров

Политическая история России XVIII в. дала множество примеров, когда приближенные к императорам и императрицам временщики определяли пути развития страны. Однако ко второй четверти XIX в. постепенно сложилась традиция, жестко ограничивавшая приближение к правящим лицам доверенных лиц. В результате начиная с Николая I российские императоры фактически *не имели штатных личных секретарей*. Особенность бюрократических структур в самодержавной России была такова, что министры, имея право личного доклада императору, ежедневно обрушивали на него горы проблем и деловых бумаг. Но повседневная жизнь Императорского двора предполагала активное участие императоров как в светской жизни, так и в представительских мероприятиях.

Поскольку совмещать обработку деловых бумаг и представительские обязанности было весьма сложно, то российские императоры в XIX в. решали эту проблему, исходя из своих представлений о продолжительности и интенсивности рабочего дня.

У Александра I на протяжении его 24-летнего правления роль «рабочих лошадей» последовательно выполняли два талантливых чиновника. В начале его правления главным «мотором» либеральных преобразований стал М.М. Сперанский. Сын бедного сельского дьячка, он сделал блестящую карьеру, добившись не только близости к императору, но и реального влияния на принимаемые политические решения.

Неизвестный художник. М.М. Сперанский. 1812 г. (?)

В конце царствования роль секретаря играл генерал А. А. Аракчеев. Человек несветский, вызывавший почти всеобщую ненависть, он был, безусловно, честным и невероятно трудоспособным. Жена Николая I, императрица Александра Федоровна, прямо упоминала, что Аракчеев «был необходим» Александру I «и работал с ним ежедневно. Через его руки проходили почти все дела»⁹². Результатом столь тесной деловой близости к императору было то, что Аракчеева «боялись, его никто не любил». И хотя Александра Федоровна упоминает, что она «никогда не могла понять, каким способом он сумел удерживаться в милости императора Александра до самой его кончины»⁹³, это довольно очевидно. Это была верная, надежная и трудоспособная «рабочая лошадь», разгружавшая императора от многочисленных деловых забот.

Дж. Доу. А. А. Аракчеев. 1824 г.

«Секретарство» Аракчеева, конечно, полностью не избавляло царя от нескончаемого бумажного потока. Кроме этого, Аракчеев в сентябре 1825 г. самостоятельно покинул свой «секретарский» пост. Это было связано с личной трагедией преданного генерала. 10 сентября 1825 г. в имении Аракчеева «Грузино» дворовые убили любовницу генерала Н.Ф. Минкину. Убили за ее несомненные садистские наклонности. Потрясенный случившимся Аракчеев без уведомления Александра I передал все дела «по тяжкому расстройству здоровья» генералу Эйлеру и приказал ему из бумаг «ничего не присылать»⁹⁴. Один из современников зафиксировал, что отчасти поэтому незадолго до своей смерти Александр I все утро (5 ноября 1825 г.) «занимался огромным числом бумаг, скопившимися у него на бюро»⁹⁵.

Генерал от кавалерии граф А.И. Чернышов. 1837 г.

О степени влияния этих «секретарей» говорит то, что именно М.М. Сперанский во многом определял курс либеральных реформ начала царствования, что именно А.А. Аракчеев реализовывал на практике консервативный курс конца царствования Александра I.

А.Гебенс. Чины Императорской Главной квартиры. 1860 г.

Николай I по-иному представлял свои обязанности на троне. Он замкнул на себя всю ведомственно-бюрократическую структуру империи. Многочисленные департаменты буквально погребали его под горами деловых бумаг, и император имел все основания называть себя «каторжником Зимнего дворца». Безусловно, у императора была работоспособная команда генералов-администраторов, но «окончательные» решения, даже по незначительным вопросам, принимал именно Николай I. Именно он создал тот стиль деловых отношений с подчиненными, которому стремились подражать его сын, внук и правнук.

Конечно, когда Николай Павлович уезжал за границу, он оставлял «на хозяйстве» своих доверенных сотрудников, в чьей порядочности и преданности не сомневался. В 1828 г. на время длительных отлучек царя был создан негласный комитет в составе кн. Кочубея, графа П.А. Толстого, а правителем его дел был управляющий I Отделением СЕИВК статс-секретарь Муравьев. Когда подрос цесаревич Александр Николаевич, отец начал «подтягивать» его к руководству страной. Молодого цесаревича подстраховал Секретный комитет, в который в 1849 г. входили министр Императорского двора кн. Волконский, кн. А. И. Чернышев и гр. Блудов. Для «производства дел» в Секретный комитет входил Государственный секретарь Бахтин⁹⁶.

Министр иностранных дел Н.К. Гирс

Александр II решал проблему «занятости», разделяя свои обязанности с младшим братом, великим князем Константином Николаевичем, и министрами. В начале 1860-х гг. Александру II удалось собрать вокруг себя талантливых администраторов, которые достаточно самостоятельно решали возникавшие проблемы «тактического уровня», сознавая при этом, что определение «стратегии» развития страны есть неотъемлемая прерогатива императора. Например, делами Военного министерства довольно самостоятельно руководил Д.А. Милютин.

Александр III, исходя из своих представлений о самодержавии, пытался воспроизводить стиль деловых отношений своего деда – Николая I. Рядом с ним были доверенные лица, однако всю «бюрократическую лапшу» он пропускал через себя. Например, его министр иностранных дел Н.К. Гирс являлся по сути только секретарем императора, поскольку Александр III лично разрешал все возникавшие внешнеполитические проблемы, определяя внешнеполитический курс страны. В конечном итоге Александр III не выдержал и, буквально «задавленный» бесконечной бумажной работой, попытался создать нечто вроде личного секретариата.

Граф И.И. Воронцов-Дашков

Судя по воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина, во второй половине 1880-х гг. Александр III решил негласно завести нескольких помощников, «достойных полного доверия». На эту роль он выбрал, естественно, ближайших соратников: графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, занимавшего должность министра Императорского двора; генерал-адъютанта Оттона Борисовича Рихтера, занимавшего ранее должность командующего Императорской Главной квартирой, и генерал-адъютанта Петра Александровича Черевина, возглавлявшего охрану императора. Главной их задачей было помогать императору «разбираться в докладах и отчетах»⁹⁷. Надо заметить, что Александра III с вышеперечисленными лицами связывали многие годы совместной деятельности и он был полностью убежден в их преданности и порядочности.

О.Б. Рихтер

Следует подчеркнуть, что все трое предполагаемых помощников Александра III были категорически против предложения составить негласный секретариат императора. Доложив императору, что они выполняют любое его приказание, они сочли своим долгом заявить, что подобное решение представляется им «не только неудобным, но и опасным».

И.Е. Ретин. Портрет П.Л. Черевина. 1885 г.

По мнению И.И. Воронцова-Дашкова, О.Б. Рихтера и П.А. Черевина, учреждение негласного секретариата невозможно будет сохранить в тайне. В результате министры воспримут новый порядок, как знак недоверия к ним. Кроме этого, в обществе пойдут разговоры и пересуды, «сочтут, что новый порядок есть ограничение самодержавной власти монарха в пользу триумvirата; получится впечатление, что вместо самодержавного монарха Россией правит олигархия. Но государь настоял на своем решении, и оно было приведено в исполнение»⁹⁸.

Личный секретариат был создан и начал работать. Император передавал генералам те доклады и отчеты, по которым он желал знать их мнение. Однако, несмотря на всю «конспирацию», «шила в мешке не утаишь» и о работе «подпольного» секретариата стало известно в обществе. Естественно, пошли сплетни, «именно в том духе, какой нетрудно было предвидеть». Члены «негласного комитета» сочли необходимым доложить об этом Александру III. И император был вынужден согласиться со своими соратниками: «И вы меня покидаете», – упрекнул он их, но иначе поступить они не могли⁹⁹.

Государственный секретарь А. А. Половцев

Параллельно Александр III договорился с Государственным секретарем А.А. Половцевым о том, чтобы тот присылал ему краткие извлечения из рассматриваемых дел неофициального характера со своими комментариями. Эта договоренность также носила сугубо конфиденциальный характер. Причем в этом были заинтересованы обе стороны. Половцев желал иметь неофициальный канал для информирования императора о подоплеке рассматриваемых дел. Александр III, в свою очередь, не желал вызывать очередную «волну» недовольства петербургской сановной бюрократии. 1 января 1883 г. А.А. Половцев записал в дневнике о договоренности «писать для государя самые краткие извлечения из посылаемых ему меморий. Это составляет секрет и заведено лишь при нынешнем государе для облегчения его в многочисленных его занятиях. Уговор с государем такой, что эти бумажки он уничтожает по прочтении»¹⁰⁰. Свои мемории Половцев направлял царю еженедельно по крайней мере 5–6 лет, что удалось сохранить в тайне, поскольку обе стороны поддерживали жесткий режим секретности. В одном из разговоров с царем в марте 1887 г. Половцев поинтересовался судьбой своих меморий, добавив: «Надеюсь, что Вы бросаете эти листки в огонь». На это Александр III ответил: «Нет, я сохраняю все, что Вы мне пишете, оно мне бывает полезно для справок, но никто этого не видит, бумаги эти лежат у меня под ключом...»¹⁰¹.

Следует еще раз напомнить, что рабочие кабинеты российских императоров входили в режимных помещений, которые никто в отсутствие хозяина не мог посещать. Сейфов на фотографиях не просматривается, но огромные столы имели закрывающиеся ящики для конфиденциальных бумаг.

Однако, несмотря на эти «конфиденциальные маневры», Александр III до конца жизни так и тащил на себе воз бюрократических решений, причем их значительная часть только по традиции требовала «Высочайших» резолюций.

Можно добавить, что у Половцева состоялась подобная же договоренность и с императрицей Марией Федоровной: «Посылаю императрице первое в настоящем году донесение о важнейших делах Совета, согласно секретному с нею уговору»¹⁰². Хотя Половцева страшно раздражало, что императрица их не читает.

Николай II во всем стремился походить на отца. В основе подражания лежало не слепое копирование, а единство их взглядов на властные prerogatives российских монархов. Когда в октябре 1894 г. цесаревич Николай Александрович в одночасье превратился в Николая II, министры немедленно «запрягли» молодого царя в «бюрократическую телегу». Когда император осознал объемы ежедневной работы и уровень ответственности, обрушившейся на него, он просто впал в панику.

Его Могущество Трепов I. Карикатура. 1905 г.

Тем не менее Николай II достаточно быстро адаптировался, пытаясь копировать стиль деловых отношений отца со своим ближайшим окружением. Это касалось и проблемы личного секретариата. У Николая II так и не появилось личного секретаря. Ради справедливости стоит отметить, что робкие попытки завести нечто подобное в начале правления все же предпринимались. Так, главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений В.И. Мамантов упоминает, что в 1896 г. он начал готовить для царя небольшие пресс-релизы, конечно, по

просьбе самого монарха. Причем делалось это «полулегально». Однако пространство вокруг царя «сканировалось» окружением весьма тщательно и попытку чиновника выйти за круг своих прямых обязанностей немедленно пресекли.

В начале правления Николай II делал попытки привлекать друзей к обработке деловых бумаг. Так, великий князь Александр Михайлович, муж младшей сестры царя, прямо упоминает, как они все вместе после обеда занимались просмотром представленных Николаю II докладов¹⁰³.

Со временем Николай II «втянулся» в работу. Да и жена, императрица Александра Федоровна, всячески поддерживала максималистские настроения в представлениях о границах самодержавной власти. Сама она имела личного секретаря.

Последнюю попытку Николая II завести себе личного секретаря можно датировать концом 1905 г. В тяжелой внутривластной ситуации царь искал сильного человека, на которого бы он мог опереться в период революции. В октябре 1905 г. Николай II назначает на должность Дворцового коменданта генерала Д.Ф. Трепова, который вошел в российскую историю под прозвищем «генерал-патронов-не-жалеть». Именно он, генерал, на протяжении первой половины 1906 г. фактически выполнял секретарские обязанности при императоре.

Видимо, об этом сразу же стало известно не только ближайшему окружению императора, но и либеральной оппозиции. В газетах появляются карикатуры на Трепова и Николая II, в которых генерала называют «Треповым I».

И царю пришлось объясняться. Он пишет записку вдовствующей императрице-матери Марии Федоровне, в которой сообщает, что «Трепов для меня незаменимый, своего рода секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!». Это весьма характерный документ. Тут и желание опереться на твердого человека, и нежелание читать «толстые записки» С.Ю. Витте, которому Николай II не доверял, и желание сохранить положение Трепова в секрете.

И.И. Репин. Портрет П.А. Столыпина. 1910 г.

О роли генерала Трепова в системе управления империей в конце 1905 – начале 1906 г. писали многие современники. Жандармский генерал А.В. Герасимов отмечал, что Трепов, «постоянно соприкасаясь с царем, будучи посредником между ним и министрами... пользовался огромным влиянием и играл крупную политическую роль»¹⁰⁴. О степени влияния Трепова свидетельствуют его постоянные доклады царю. За все время правления Николая II ни один Дворцовый комендант не встречался с царем так часто, как Д.Ф. Трепов. Как следует из дневниковых записей Николая II, в декабре 1905 г. царь заслушал 6 докладов Трепова, в январе 1906 г. – 5, в феврале – 8, в марте – 12. Это время было пиком политического влияния Дворцового коменданта Д.Ф. Трепова. Министр финансов В.Н. Коковцов упоминал, что Трепову «государь положительно доверяет, в нем можно иметь либо деятельного пособника, либо скрытого, но опасного противника... Трепов имеет бесспорное влияние на государя, и к его голосу государь прислушивается более, нежели к чьему-либо из всего дворцового окружения»¹⁰⁵. Однако «звезда» генерала закатилась к лету 1906 г., когда на политическом небосводе Петербурга появился П.А. Столыпин, на которого Николай II и сделал ставку. В начале сентября 1906 г. генерал Д.Ф. Трепов «очень вовремя» для царя скоропостижно скончался.

Дворцовый комендант В.Н. Воейков

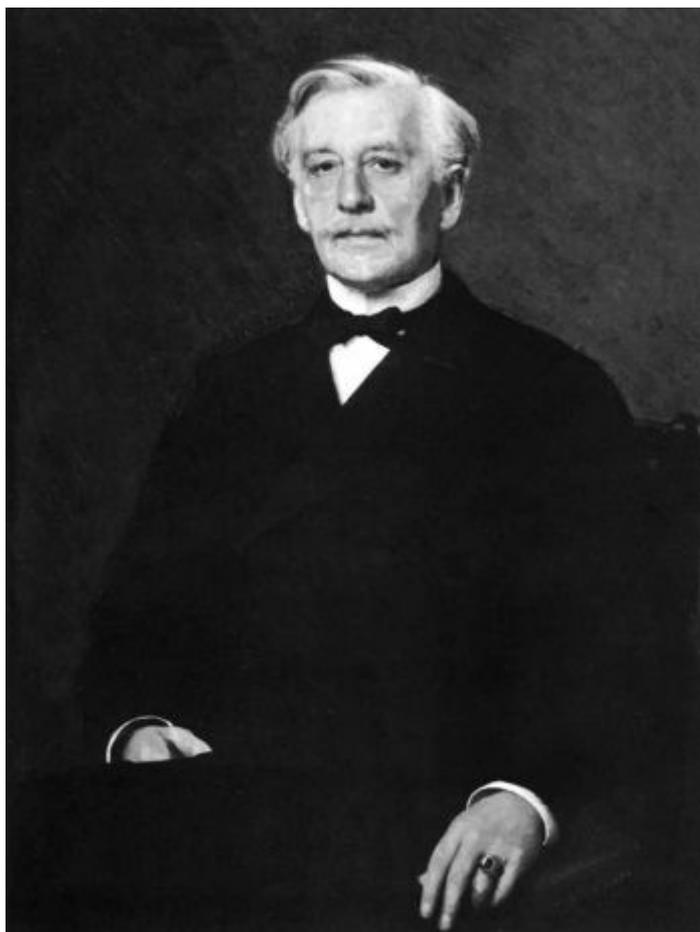
При Николае II аргументация «запрета на секретарей» была та же, что и во времена Александра III: секретарь мог прямо или опосредованно влиять на монарха, мог силой вещей сделаться необходимым. Кроме того, следует учитывать и личные особенности Николая II. Он был очень «закрытым» человеком, не желавшим, чтобы его намерения и оценки становились известны кому-либо. К тому же и императрица Александра Федоровна, весьма ревниво относившаяся к самодержавным прерогативам мужа, не желала делить свое влияние на него с каким-то секретарем. Чиновники, окружавшие царя, также были едины в неприятии возможного секретариата. Дворцовый комендант В.Н. Воейков прямо указывал, что министр Императорского двора В.Б. Фредерике «поддерживал царя в этом решении, не желая вторжения постороннего лица между государем и его первым слугою»¹⁰⁶.

По воспоминаниям лиц, входивших в «ближний круг», Николай II был до такой степени педантичен в исполнении своих обязанностей, что сам ставил печати на свои письма. Только при большой спешке Николай II поручал эту второстепенную обязанность своему камердинеру. При этом камердинер должен был представлять свою работу, чтобы царь мог убедиться в ее исполнении¹⁰⁷. Впрочем, некоторые официальные документы и письма писались канцеляриями. Так, руководитель Собственной Е.И.В. Канцелярии А.С. Танеев составлял «рескрипты» сановникам. Министр двора – официальные письма членам царской семьи.

Министр иностранных дел по должности ведал корреспонденцией с иностранными монархами и так далее¹⁰⁸.

Церемониалы российского Императорского двора

Вся жизнь Российского Императорского двора была строго регламентирована. Этикет и прецедент определяли все нюансы повседневной жизни и поведения высшего света. При Императорском дворе в 1744 г. было создано специальное подразделение, отвечавшее за организацию и проведение придворных церемоний и торжеств, – Церемониальная часть. Примечательно, что это подразделение было создано формально при Коллегии иностранных дел. Только в 1796 г. эту структуру переподчинили Придворному ведомству.

И.Н. Крамской. Портрет П.И. Ливена. 1879 г.

Сфера ведения Церемониальной части была весьма обширна. Подразделение занималось устройством и наблюдением за порядком исполнения придворных церемоний, торжеств, балов, спектаклей, обедов и пр. Чиновники церемониальной части составляли, печатали, переводили на французский язык и рассылали церемониалы и «этикетки» придворных торжеств и празднеств; следили за соблюдением этикета при приеме и отпуске иностранных дипломатов, представляли их императору и императрице и членам императорской фамилии, приглашали особ дипломатического корпуса на придворные торжества и празднества; вели список налагаемых при Дворе трауров; разрабатывали возникавшие на практике вопросы о применении правил придворного этикета¹⁰⁹.

Самыми заметными руководителями Церемониальной части Министерства Императорского двора в XIX в. были обер-церемониймейстеры кн. П.И. Ливен при Александре II

(с 1866 по 1882 г.), кн. А.С. Долгорукий при Александре III (с 1883 по 1899 г.) и П.П. Корф при Николае II (с 1899 по 1917 г.).

М. Зичи. Церемониймейстер граф К.И. Пален. 1883 г.

Необходимость жестких правил придворного церемониала была совершенно очевидной для всех участников торжественных придворных мероприятий. Только такие правила придворных церемоний могли организовать толпу придворных в участников своеобразного придворного спектакля, в котором все роли заранее расписаны. «Режиссеры» Церемониальной части, используя, конечно, «зарубежный опыт», десятилетиями оттачивали все детали «придворных спектаклей». И надо сказать, что отточенность и торжественная пышность придворных церемоний вызывали восхищение. Особенно у «новичков».

Один из офицеров императорской яхты «Штандарт», бывший в Зимнем дворце в феврале 1913 г. на празднествах по случаю 300-летия Дома Романовых, вспоминал впоследствии: «Появились церемониймейстеры с элегантными тоненькими тросточками-жезлами и начали слегка постукивать ими о паркет – знак, чтобы публика говорила потише.

Александр III принимает поздравления от представителей азиатских народов во время коронационных торжеств. 1883 г.

Наконец подошло время выхода. Все заняли свои места. Церемониймейстеры застучали усиленной и даже раздраженно, успокаивая разговоры и наводя порядок... Это мягкое постукивание, такое гармоничное, деликатное, очень дискретное, не очень шумливое, но в то же время гулко раздававшееся в высоких сводах зала – казалось единственным, что было допустимо и возможно в таком высоком собрании лиц для того, чтобы все замолчали и приняли почтительный и достойный высочайшего выхода вид и облик. Это постукивание очень трудно объяснить и описать, но кто имел случай присутствовать и видеть это наведение порядка, эти последние минуты и секунды перед выходом – тот вспомнит и ясно представит себе, что я хочу сказать»¹¹⁰.

Тем не менее современники оставили множество рассуждений на тему пустоты придворных церемоний, которую отчетливо ощущали «старожилы» императорских дворцов. Пожалуй, самое яркое мнение на эту тему осталось в мемуарах фрейлины А.Ф. Тютчевой: «Придворная жизнь, по существу, жизнь условная, и этикет необходим для того, чтобы поддерживать ее престиж... Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство»¹¹¹; «Они редко совершают великие дела, зато превращают житейские мелочи в очень важные дела. Громадное значение и грандиозные размеры, которые принимают для них самые простые события в жизни, как обеды, прогулки или семейные встречи, требуют столько времени, столько внимания и сил, что их уже не хватает на более серьезные предметы.

Все непредусмотренное, а следовательно, и всякое живое и животрепещущее впечатление навсегда вычеркнуто из их жизни... Тем не менее, надо признать, что в эту эпоху русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность»¹¹².

Действительно, то, что называется «пышностью», отличало повседневную жизнь Российского Императорского двора в XIX в. В это время в Европе, сотрясаемой буржуазными

революциями, «пышность» выходит из моды как не соответствующая жизненным стандартам буржуазного общества.

Последний посол Французской республики в императорской России Морис Палеолог неоднократно отмечал пышность Российского Императорского двора, давно позабытую в буржуазной Европе. В июле 1914 г. он записал в дневнике: «По пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться. Я надолго сохраню в глазах ослепительную лучистость драгоценных камней, рассыпанных на женских плечах. Это фантастический поток алмазов, жемчуга, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов – поток света и огня»¹¹³. Блеск Императорского двора не поблек даже в годы Мировой войны, хотя те, кто помнил время царствования Александра II, считали, что блеск Императорского двора начала XX в. только бледная тень того, что они видели в дни своей молодости. В январе 1915 г., оценивая прием дипломатического корпуса в Александровском дворце Царского Села, Морис Палеолог вновь отметил: «Как обычно выказана пышность больших церемоний, богатство убранства, великолепие могущества и блеска, в чем русский двор не имеет себе равных»¹¹⁴.

И. Мейер. Коттедж в парке Александрия. Петергоф

Другую сторону парадной жизни императорских резиденций проницательно подметил военный министр Александра II Д.А. Милютин. Он писал: «Придворная жизнь вся слагается из одних обрядностей, все делается как бы только для соблюдения приличия и традиционных обычаев. Только этим и можно объяснить ту непостижимую легкость, с которой сменяются самые разнородные проявления жизни, непосредственные переходы от печали к веселью, от горя к радости. В один и тот же день утром – панихида, погребение, вечером – бал; те же лица, которые утром являлись сосредоточенными, нахмуренными, вечером расцветают, дышат беззаботным удовольствием. Это не жизнь действительная, реальная, а

сцена, на которой постоянно разыгрывается очередное представление»¹¹⁵. Надо заметить, что строевика генерала Милютина вообще раздражала придворная жизнь с ее пустыми церемониалами. И тем не менее ему приходилось мириться с этим, оставаясь на своем высоком посту. Описывая свои впечатления от пребывания в Ливадии в 1873 г., он упоминает: «Целый день сутолока, беготня; говорят вполголоса, ежеминутно поглядывают на часы, чтобы не опоздать куда следует, чтобы в свое время и в своем месте поклониться, показаться...»¹¹⁶.

Впечатление о жизни Российского Императорского двора, как о некой сцене, где все разыгрывают жестко расписанные роли, в той или иной мере посещало самых разных участников этого гигантского действия под названием «придворная жизнь».

Церемониальная часть Министерства Императорского двора в буквальном смысле регулировала все стороны жизни как придворных, так и членов императорской фамилии. Надо иметь в виду одно важное обстоятельство. При Николае I его частная, семейная жизнь органично вписывалась в череду придворных церемоний и была неотделима от них. Император Николай Павлович не отделял своей семейной жизни от жизни двора. Напротив, его семейная жизнь была стержнем этой придворной жизни, она всячески демонстрировалась и выставлялась на всеобщее обозрение. Например, во время ежегодных июльских празднеств в Петергофе в Коттедже поднимались все шторы на окнах, чтобы гуляющая в парке публика могла собственными глазами наблюдать жизнь императорской семьи. В целом эта традиция сохранялась и при Александре II.

Вместе с тем Николай I, требовавший соблюдения всех тонкостей церемониала при Императорском дворе, поскольку это укрепляло престиж империи, мог жестко потребовать от подданных отказа от проявления «церемониального рвения» в повседневной жизни. У него было четкое представление о том, где можно и должно следовать букве церемониала, а где этим можно пренебречь, следуя здравому смыслу и пользе дела. В 1828 г. на законодательном уровне было предписано, чтобы «во время путешествия Его Императорского Величества никто из военных, гражданских и полицейских чиновников не встречал и не провожал Его Величества без особого на то Высочайшего повеления». При этом позволялись «обыкновенные встречи... только в одних квартирах городов, где Его Величество останавливается»¹¹⁷.

Разделили публичную и частную жизнь российских монархов события лета 1880 г. После смерти в мае 1880 г. императрицы Марии Александровны император Александр II в июле 1880 г. женится на своей многолетней любовнице Екатерине Долгоруковой. Это было решительное нарушение всех прецедентов и норм морали высшего света. С этого времени блеск и пышность Российского Императорского двора, органично сочетавшего в своих церемониях семейную и публичную жизнь российских монархов, начинают уходить в прошлое.

При Александре III блеск и пышность придворных церемоний сохраняются, но это уже только пустая оболочка, поскольку семейная жизнь монарха решительно исключалась из публичных церемоний и ее проявления сводилось к участию в необходимых придворных церемониалах, связанных с крещениями, присягами, свадьбами и похоронами. И только обаяние императрицы Марии Федоровны, страстно любившей блеск пышных церемоний, придавала жизни Императорского двора некую теплоту.

При Николае II, отягощенном семейными проблемами, которые он и его жена решительно не желали выставлять напоказ, придворная жизнь постепенно замирает, а пышный церемониал становится пустой и малозначащей оболочкой, бледной тенью отжившего прошлого.

Дворцовые приемы

Дворцовый церемониал во всех его проявлениях был подробно прописан и документирован, но регламентирующие документы периодически корректировались в соответствии с духом времени и сценарием власти очередного монарха. Главным регламентирующим документом являлось «Положение о выходах при Высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении Их Императорским Величествам, о приглашениях на балы и другие при Дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий». Это «Положение» было утверждено 13 апреля 1858 г., затем изменено в 1899 г. и вновь утверждено в новой редакции 20 августа 1908 г.¹¹⁸

Э.П. Гау. Караул лейб-гвардии Конного полка в Зимнем дворце. 1866 г.

Важная часть придворного церемониала – *приемы*. Они были разного уровня и размаха. Конечно, существовал строгий церемониал их проведения. Однако периодически происходили приемы, которые выбивались из этой бесконечной, сливавшейся в единое целое череды. Эти приемы надолго оставались в памяти современников и их описания откладывались в дневниковых записях и мемуарах.

М. Зичи. Кавалергарды на встрече персидского шаха Насир ад Дина. 1873 г.

Как правило, подобные приемы были связаны с событиями нерядового характера и выходили на международный уровень. К числу таких приемов можно отнести приезд в Россию в августе 1868 г. родителей цесаревны Марии Федоровны. Поскольку Императорский двор в это время традиционно находился в Петергофе, то прием организовали «по-семейному».

Праздник решили устроить в парке Александрия близ Коттеджа. Оформлением праздника занимался близкий ко Двору цесаревича художник Боголюбов. Поскольку на этом «пасторальном» приеме предполагалось присутствие множества гостей, а помещения Коттеджа носили камерный характер, то было решено пристроить к южному фасаду Коттеджа большой временный зал, обтянув парусиной деревянный каркас. Внутреннее пространство временного павильона украсили флагами Дании и России, вдоль стен расставили кадки с тропическими растениями, а расположенную в глубине сцену убрали цветами. Для защиты теплолюбивых растений от прохладных августовских северных ночей пришлось разместить рядом с ними котлы, в которых постоянно горел спирт¹¹⁹. Прием удался, гости и хозяева были довольны. Именно такие приемы, выбивавшиеся из устоявшихся стандартов, и оставались в памяти участников торжества.

М. Зичи. Прием дипломатического корпуса в Зимнем дворце 1 января 1863 г. (Никса слева от дамы в горностаяе)

Когда дети монархов подрастали и должны были принимать участие в дворцовых приемах, особенно когда им надо было играть какую-либо «роль», то для них устраивались репетиции. Причем с довольно многочисленной массовкой. Как правило, устраивали несколько «прогонов» церемонии, во время которых царственные родители старались добиться от детей безупречного выполнения ими предписанной их социальным статусом роли. К.П. Победоносцев рассказывал, как его воспитанник, несостоявшийся Николай II (Никса, умерший в 1865 г.), «перед вступлением его в совершеннолетие» участвовал в репетициях «приема дипломатического корпуса, причем, например, Рихтер изображал из себя французского посла, и цесаревич должен был поддерживать с ним соответствующий разговор»¹²⁰.

Дворцовые выходы

Под *выходами* имелось в виду торжественное шествие по залам Зимнего дворца. Маршрут определялся целью выхода, например в дворцовую церковь по случаю какого-либо церковного праздника. В этих выходах все роли были расписаны детально. Например, «маршрут движения» по парадным дворцовым залам. Так, во время *больших выходов* в Зимнем дворце процессия следовала через парадные залы: Концертный, Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый, Пикетный.

Были четко расписаны по залам Зимнего дворца и «диспозиции» всех, имевших право присутствовать при выходах. Еще в январе 1834 г. пунктуальный Николай I подписал «Расписание о том, в каких комнатах Зимнего дворца, каких войск гг. генералы, штаб и обер-офицеры должны находиться при Высочайших выходах с половины Государя Императора». Например, в Большом Аванзале по правую сторону выстраивались генералы и флигель-адъютанты, старшие офицеры Генерального штаба, «старых» лейб-гвардейских полков (Преображенского, Семеновского, Кавалергардского Ея Величества, Конного, Кирасирского). По левую сторону выстраивались морские, приезжие и не состоящие в полках генералы. В Белом зале на правой стороне выстраивались все гражданские чины, не имеющие входа «за кавалергардов», и отставные чиновники, на левой стороне – городские дамы¹²¹.

Во время больших выходов подле зала, ближайшего к внутренним апартаментам, выстраивался *пикет от Кавалергардского полка*. Находиться в зале «за кавалергардами» (т. е. ближе к жилым комнатам императорской фамилии) до начала шествия и при его возвращении считалось очень важной привилегией.

В «Положении» этот термин как вполне официальный объяснялся следующим образом: «Выход за кавалергардов есть преимущество, коим пользуются придворные чины и дамы, а также высшие государственные сановники – собираться, во время больших при Высочайшем дворе выходов, в зале, ближайшей ко внутренним апартаментам, дабы иметь счастье первым встретить их императорские величества, с августейшей фамилией, при выходе в церковь и откланяться при обратном шествии. Подле сего зала ставиться, в некоторых торжественных случаях, пикет Кавалергардского полка, отчего произошло и самое выражение: «вход за кавалергардов»»¹²².

Фрейлины Высочайшего двора. 1896 г.

Члены императорской фамилии с императорской четой во главе выстраивались в строго определенном порядке, определявшемся очередностью родства. Придворные также выстраивались по залам, при этом имели значение их титул и должностное положение.

Иерархия старшинства среди Романовых была совершенно «железной», и к малейшим ее нарушениям, вольным или невольным, члены императорской фамилии относились очень ревниво. Нарушения, даже самые пустяковые, жестко пресекались заинтересованной стороной. Один из сановников упоминает, как во время встречи великокняжеского окружения Александра III (4 августа 1890 г.) он, подавая букеты великим княгиням, сбился «в их старшинстве», что немедленно вызвало «замечание Марии Павловны, что я ее больше знать не хочу»¹²³. Это была, конечно, шутка, но с весьма серьезным подтекстом...

Парадные большие выходы были своеобразной «работой» с ее профессиональными издержками и определенным цинизмом. Один из мемуаристов упоминает, что при подготовке «Большого выхода» члены императорской фамилии собирались в Малахитовой

гостиной «за кавалергардами» и «весело болтали, покуда не наступал момент одеть маску торжественности. Затем процессия выстраивалась...»¹²⁴ В этом отношении члены большой императорской семьи напоминали профессиональных актеров, которые перед, скажем, «Гамлетом» могут вести пустяковые беседы, а затем, буквально через несколько минут, «вышибать слезу» у благодарного зрителя...

В больших выходах помимо императорской фамилии принимали участие придворные чины, кавалеры и дамы. Придворные чины и кавалеры пользовались привилегией открывать это шествие, а придворные дамы замыкали его. Примечательно, что в официальных документах четко перечислялись все те лица¹²⁵, которые в силу своего положения были *обязаны являться* на большие выходы. Упоминались и те, кто *имел* право явиться на большой выход. Иногда на выходы приглашались городские головы и купцы 1-й гильдии. В особо торжественных случаях приглашались высшее духовенство и дипломатический корпус.

При *малых выходах* в шествии принимали участие лишь члены императорской фамилии. На эти выходы имели право явиться только те придворные¹²⁶, которые получали частные повестки.

Парадное платье императрицы Александры Федоровны. 1900-е и.

В этих «частных повестках» оговаривались дата выхода, время прибытия во дворец, форма одежды – «дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадной форме», место сбора – «собираться же особам, имеющим вход за кавалергардов, – в Концертном зале, военным генералам, штаб-и обер-офицерам – в Николаевском зале и Аванзале, чужестранным послам и посланникам – в зале Петра Великого, городским дамам и гражданским чинам – в Гербовом зале, городскому голове и купечеству – в Фельдмаршальском зале». Эти повестки рассылались за подписью камер-фурьера.

Когда придворная форма менялась, то впервые она «обкатывалась» именно на дворцовых выходах. Например, на выходе по случаю тезоименитства Николая I 6 декабря 1844 г. «все генералы впервые явились вместо прежних киверов в касках вновь установленного образца. Следующий выход – новшество – после отмены чулков и башмаков, оставленных впредь для одних балов, все гражданские и придворные чины явились уже в белых брюках с золотыми галунами. Эта перемена была встречена всеобщей радостью, особенно со стороны людей пожилых. Даже у придворных певчих штаны заменены брюками по цвету их

мундира, и вообще чулки с башмаками сохранены только для официантов и лакеев. Пудра была отменена еще в начале царствования Николая Павловича. У всей придворной прислуги белые штаны заменены были пунцовыми плисовыми»¹²⁷.

Во время торжественного шествия придворные старались оказаться «на виду» у царя, чтобы поймать милостивый взгляд, реплику, брошенную мимоходом. Это становилось «личной победой» сановника, предметом гордости и бесконечных обсуждений. Вместе с тем среди придворных присутствовал и неизбежный критический взгляд на происходящие события. Окружающие буквально «сканировали» самодержцев, оценивая их внешность, одежду, манеру поведения и настроение. Безусловно, для того чтобы годами находиться под таким льстиво-критическим «сканированием», нужны были не только крепкие нервы, но и своеобразный профессиональный навык.

Конечно, льстивые оценки звучали публично, а критика «оседала» в дневниках и мемуарах, или оставлялась для сплетен «в узком кругу». После смерти Николая I и начала правления Александра II в дневниках и мемуарах рефреном звучит, постоянно усиливаясь, мысль о том, что «Двор уже не тот». На это сетовали сановники Александра II, помнившие действительно блестящий и дисциплинированный двор Николая I.

И.Н. Крамской. Портрет П.А. Валуева. Начало 1880-х гг.

Об этом же будут писать сановники Александра III и Николая II, говоря о предшествующем царствовании. И это не были сетования стариков на тему, что «молодежь уже не та». Это было действительно так. Российский Императорский двор в силу субъективных и объективных причин обуржуазивался, постепенно утрачивая весь тот блеск, который был так органично присущ императорским дворам феодального периода развития страны. Во вто-

рой половине XIX в. стали очень внимательно считать деньги, тратившиеся на эфемерную пышность дворцовых церемоний.

Министр внутренних дел Александра II П.А. Валуев записал в дневнике об одном из дворцовых больших выходов: «...Толпа красных от жара сановников, малочисленность присутствовавших дам, возрастающий легион неизвестных или новых церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров, отсутствие всякого видимого участия со стороны всего присутствовавшего собрания...».

В дневнике А. Богданович 3 июня 1889 г. появилась следующая запись: «Сегодня с утра начали к нам приходить, чтобы смотреть въезд греков. На всех въезд произвел большое впечатление. На меня же эта церемония произвела впечатление балагана: золотые кареты устарили, смешны; чины двора, которые там сидят, похожи на марионеток: скороходы, арабы, декольтированные дамы – все это вызывает улыбку, а не восторг. Вся процессия движется медленно. Государь тяжело сидит на лошади, в нем много добродушия, но мало импозантности». Заметим, что на «въезд греков» мемуаристка и ее гости смотрели из окон дома Богдановичей, находившегося на Исаакиевской площади, и в целом мемуаристка была расположена к Александру III¹²⁸. Другой мемуарист, записывая впечатления от большого выхода (26 ноября 1910 г.) в Зимнем дворце по случаю Георгиевского праздника, отметил: «Это событие, потому что уже давно выходов не было. Было очень многолюдно, но беспорядочно и нудно. Беспорядочно до того, что мне пришлось возвратиться домой в чужом пальто и шапочке»¹²⁹.

Но случались большие выходы, которые оставляли обильные следы в мемуарной литературе. На эти «исторические» *большие выходы* собирались буквально все, допущенные в императорский дворец. К числу таких выходов можно отнести большой выход, состоявшийся 4 апреля 1866 г. В этот день у Летнего сада на Александра II состоялось первое покушение, положившее начало эре политического терроризма в России. В 7 1/2 вечера в Зимнем дворце состоялся громадный по числу присутствовавших большой выход «Их Величеств из Золотой гостиной в Большую церковь дворца»¹³⁰.

Однако такие события были очень редкими. Чаще в век, когда начали понимать, что время – это деньги, большие дворцовые выходы стали использоваться как место, где допустимо накоротке обсудить и даже решить важные проблемы в кругу «своих». На выходах можно было увидеть многих чиновников, в кабинеты которых в обычном порядке попасть было проблематично. Да и сама торжественность обстановки императорской резиденции располагала к неформальному общению и к неформальному решению «вопросов».

«Большие» церемониалы могли включать в себя малые. Например, к числу таких малых церемониалов можно отнести традицию «безмена» (от фр. – *baise-main*), т. е. церемонии целования руки императрицы придворными дамами. Следует заметить, что в последней четверти XIX в. при Дворе начала набирать силу тенденция к некой стандартизации многих привычных церемониалов. Так, если раньше на приемах или балах гости сами рассаживались за накрытые столы, то со временем их стали рассаживать лакеи. Таблички и схемы с указанием места за столом появились при Николае II. При Александре III внесли изменения и в традицию «безмена». Это произошло 1 января 1887 г. во время большого выхода. Мемуарист писал об этом: «До нынешнего года, выстраиваясь вереницею, дамы не соблюдали никакого порядка в старшинстве, и поэтому, конечно, вперед попадали не старшие, а более нахальные. В этом году решено, чтобы дамы подходили по старшинству чина; согласно этому, церемониймейстер Дитмар подошел к гр. Воронцовой и указал ей место. Она очень обиделась за такое указание и пожаловалась мужу, который распек несчастного церемониймейстера, а этот, разумеется, пошел жаловаться Долгорукому. Долгорукий имел объяснение с Воронцовым и подал в отставку, но, разумеется, потом все уладилось». Следует заметить, что упомянутая «Воронцова» была женой министра Императорского двора

гр. И.И. Воронцова-Дашкова. Несмотря на неизбежные накладки, порядок прижился, и к руке императрицы Александры Федоровны дамы подходили с учетом выверенного «до миллиметра» старшинства.

Сановников «строили» соответственно их рангу и во время принесения поздравлений императору. На дне рождения Александра III (26 февраля), который традиционно проводился в Аничковом дворце, очередность поздравлений была следующей: «Дамы, т. е. статс-дамы, гофмейстрины и фрейлины малых дворов, жены адъютантов государя до вступления на престол, Государственный совет, первые чины двора, генерал-адъютанты, командиры полков гвардии и еще несколько лиц, втершихся происками и нахальством...»¹³¹.

Надо заметить, что парадные выходы были интересны только для новичков Большого Света. Те, кому годами по должности приходилось являться на эти бесконечные выходы, смотрели на них как на тяжелую обузу и по мере возможностей ими пренебрегали. Кто-то пытался «экономить время». Например, Государственный секретарь А.А. Половцев, после того как царская семья уходила слушать обедню в дворцовую церковь, не оставался толкаться в залах в ожидании обратного шествия семьи, а немедленно отправлялся объезжать великокняжеские передние (дело было 1 января и эти визиты носили обязательный характер. – И. З.) и «Уф!.. Возвращаюсь в Зимний дворец задолго до окончания обедни и приема дипломатического корпуса»¹³².

В начале XX в., при Николае II, парадные дворцовые церемонии постепенно свелись к минимуму. Во многом это было связано с личными особенностями императрицы Александры Федоровны. Она физически и морально тяжело переносила многочасовые, пышные и тягучие, дворцовые действия. В какой-то степени она оказалась для них «профнепригодна». Конечно, это не способствовало ее популярности в глазах высшего света, поскольку для многих сановников и их жен именно в этом и заключался смысл жизни, а императрица лишила их этого смысла.

В условиях начавшейся в 1914 г. Мировой войны пышность дворцовых приемов и выходов «сократили» по уважительным причинам. Когда страна вела тяжелую войну, было неуместно устраивать торжественные дворцовые действия.

Экипаж с императрицей Александрой Федоровной и вдовствующей императрицей Марией Федоровной в день майского парада

Все это фиксировали прилежные современники. Посол Франции в России М. Палелог отмечает (21 ноября 1914 г.), что «Александровский дворец предстает передо мной в самом будничном виде: церемониал сведен к минимуму. Мою свиту составляют только Евреинов, камер-фурьер в обыкновенной форме и скороход в живописном костюме времен императрицы Елизаветы, в шапочке, украшенной красными, черными и желтыми перьями»¹³³. Через несколько месяцев (3 марта 1915 г.) новая встреча с семьей царя: «Без десяти минут час граф Бенкендорф, обер-гофмаршал двора, вводит нас к его величеству, в одну из маленьких гостиных царскосельского дворца; император выказывает себя, по своему обычаю, простым и радушным... тотчас же входят императрица, четыре молодые княжны и цесаревич с обер-гофмейстриной Нарышкиной. Несколько слов представления – и все идут к столу»¹³⁴.

Помимо парадных выходов существовали и парадные выезды: 6 августа – в день Преображения Господня – в Преображенский собор; 30 августа – в день праздника ордена Св. Александра Невского – в Александро-Невскую лавру; для встречи невест Высочайших особ; на освящение храмов; на смотр войск и военные праздники в столице. Придворным церемониям было несть числа...

Церемония у Иордани

В числе традиционных дворцовых церемониалов «на пленэре» важное место занимал праздник Крещения Господня. О важности этого события говорит то, что на этот церемониал придворным и сановникам необходимо было являться в парадной форме.

Один из подъездов Зимнего дворца, который официально именовался Посольским, получил со временем название Иорданского, поскольку именно из этого подъезда начиналось торжественное шествие к Иордани, вырезанной во льду Невы. Кстати говоря, Петр I получил простуду, окончательно свалившую его, именно во время такой церемонии в январе 1725 г.

А. Убиган. Водосвятие у Зимнего дворца

Барон Корф писал, что «При Александре I всегда бывал, несмотря на степень мороза, большой парад с пушечной стрельбой и с беглым ружейным огнем при погружении креста в «Иордань», которая устраивалась на Неве, против посланнического подъезда. При Николае I сохранилось только последнее, т. е. Иордань с выходом двора на Неву, а парад заменен сбором военно-учебных заведений и небольшого отряда войск внутри дворца»¹³⁵. Такая перемена была связана с тем, что во время довольно долгого действия в войсках, стоявших неподвижно, случалось много обморожений.

Водосвятие у Грота в Царском Селе

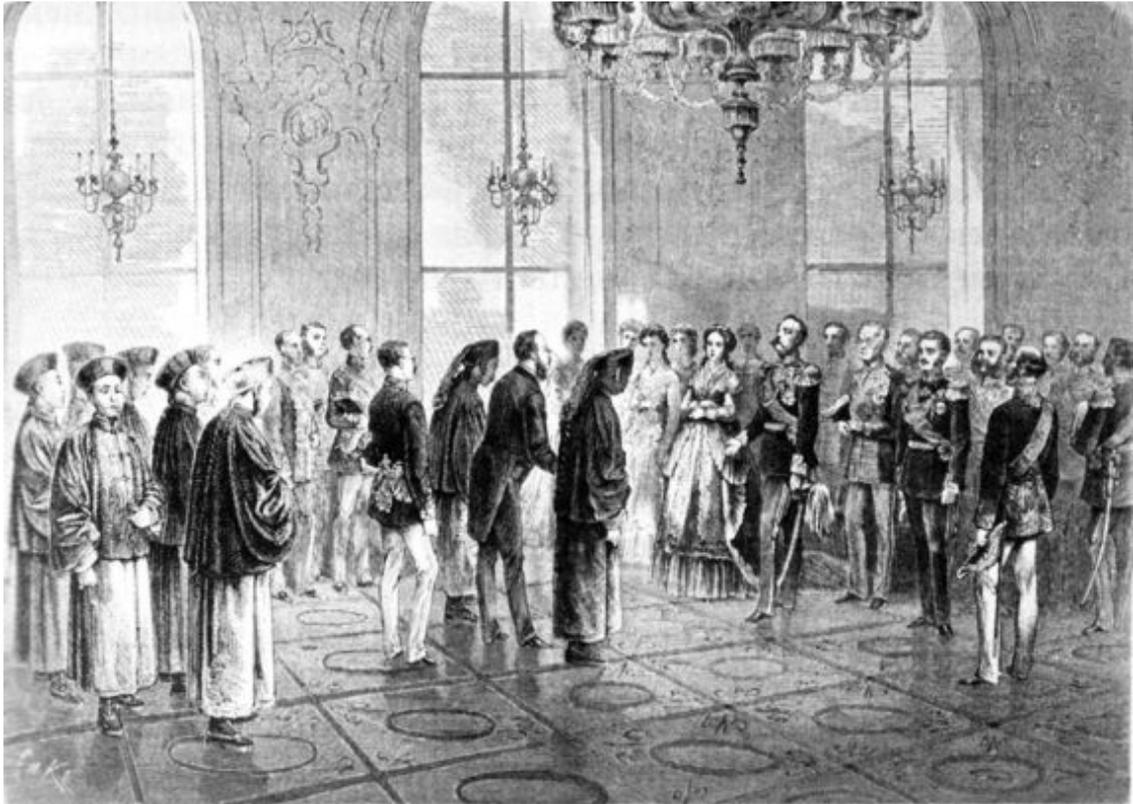
В 1842 г. император Николай Павлович приказал возобновить в день Крещения Господня прежний обычай и стал собирать к церемонии войска. Однако это делалось, если температура воздуха была не ниже 5 °С. Но в январе, при суровых зимах, теплые дни – редкость, и церемония Иордани «с войсками» тоже стала редкостью. А если таковое и происходило, то это отмечалось мемуаристами. Например, в январе 1851 г. выход на Иордань состоялся «по образцу до 1819 г.», поскольку мороз был всего в 2 градуса.

Иногда во время этой церемонии происходили события, запоминавшиеся современникам надолго. В январе 1905 г. во время орудийного салюта одна из пушек выстрелила картечью, обрушившейся на Свиту Николая II и самого царя. Все решили, что это террористический акт. Однако следствие показало, что это была обычная халатность. Только по счастливой случайности никого не убили.

Николай II в дневнике ежегодно фиксировал свое участие в церемонии у Иордани на льду Невы. Во время революции 1905–1907 гг. в целях обеспечения безопасности императора действие церемонии перенесли на пруды охраняемого Царскосельского парка. В январе 1906 г. Николай II записал: «Обошел войска в Церковном зале и затем пошли к обедне. В 12 час. началось шествие к Иордани, которая была устроена у Грота на озере. Погода стояла чудная, тихая и солнечная. Участвовали военно-учебные заведения и Царскосельский гарнизон». После того как революция была подавлена и покончено с политическим террором, действие церемонии вернули на традиционное место – на лед Невы. 6 января 1913 г. Николай II, «окончив утренние бумаги», выехал в Петербург: «Крещенский выход был по-прежнему, но только без дам. На Неве было совсем не холодно, несмотря на 7° мороза».

Представления императорам

Представления российским императорам имели свои давние традиции. Поводы для представления императору были разные. Это могло быть как назначение на значимую должность, так и уход с должности. Получение воинского звания и награждение орденом. Приезд из-за границы и отъезд за нее. Документы совершенно четко регулировали как саму процедуру представления, так и круг тех, кто имел право быть представленным венценосцам. Согласно Высочайше утвержденному «Положению»¹³⁶, «имели быть» представленными прежде всего придворные чины «обоего пола».

Представление китайского посольства императору Александру II

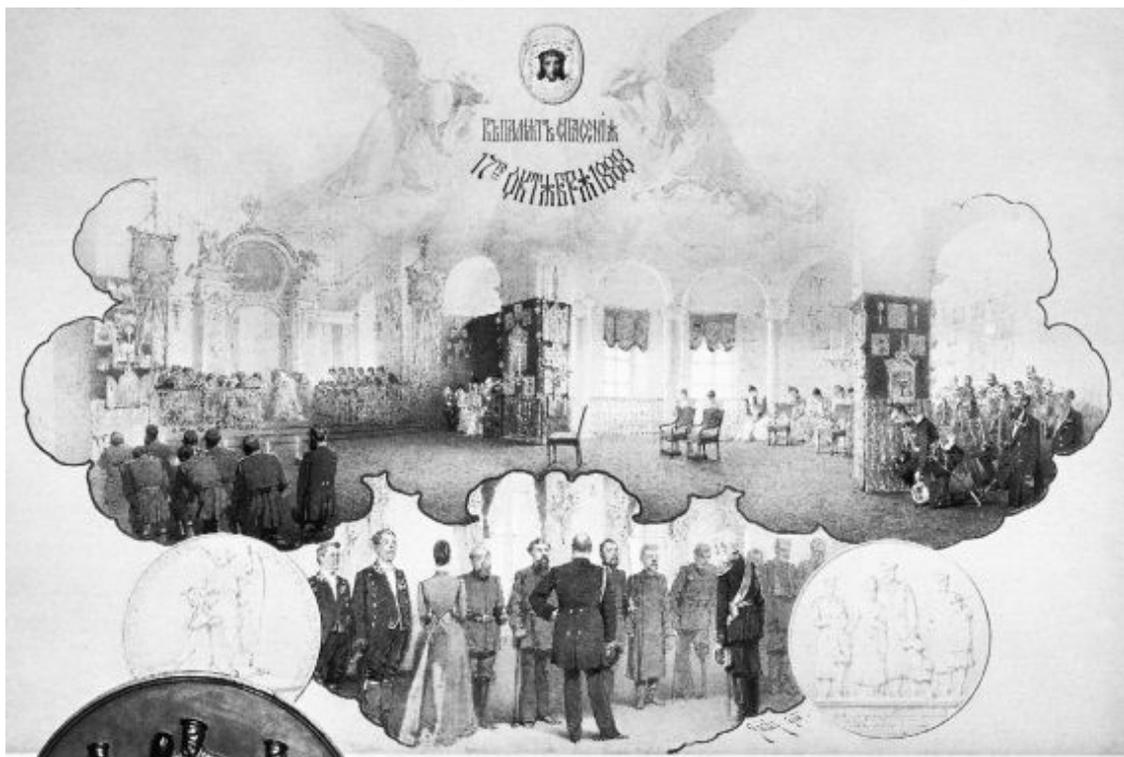
Кроме этого, в этот круг входили: военные и гражданские чины первых четырех классов; полковники, командующие отдельными гвардейскими частями; супруги, вдовы и дочери особ первых четырех классов; супруги лиц, состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров; супруги церемониймейстеров; дамы, бывшие фрейлинами, «каких бы чинов мужья их ни были, когда получают на это, по особым их просьбам, разрешение»; супруги флигель-адъютантов и адъютантов их императорских высочеств; супруги полковников лейб-гвардии; супруги и дочери губернских предводителей дворянства, приезжающие в Петербург, «хотя бы мужья и отцы их были чином ниже IV класса, ибо они, состоя в означенном звании, пользуются сим чином зауряд»¹³⁷. Круг, имевших право на представление императорам, был довольно широк.

Наряду с императорами представлялись и императрицам. Российские императрицы традиционно принимали представлявшихся в Золотой гостиной Зимнего дворца. Как правило, это были дамы и девицы, но и мужчин среди представлявшихся императрице оказы-

валось довольно много. Поскольку для представлявшихся это событие было весьма значимым, то они оставили множество описаний таких представлений.

Например, А.С. Пушкин представлялся императрице Александре Федоровне в 1834 г. дважды. Первый раз – по случаю пожалования камер-юнкером 1 января 1834 г., о чем оставил в дневнике следующую запись: «Сейчас иду во дворец представляться царице... Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20... Я по списку был последним. Царица подошла ко мне, смеясь: (фр. – И. З.). «Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, какой Пушкин мне будет представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка (Е.И. Загряжская. – И. З.) в нетерпении увидеть ее в добром здравии, – дитя ее сердца, ее приемную дочь... (рус. – И. З.)» ...и повернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что уже 35 лет и даже 36».¹³⁸ Надо добавить, что императрица «ломала голову», потому что перед представлением ей заранее приносили список всех тех, кто жаждал быть представленным.

Поскольку представления происходили и в загородных резиденциях, и в довольно раннее время, то всем представлявшимся обязательно предлагали предварительно позавтракать: «Встреча была без всякого парада: простая придворная карета с парой лошадей в английской упряжи, лакей и грум в красных ливреях. В передней дворца меня встретили только лакеи и камер-фурьер, который провел меня в комнату, где был накрыт чайный стол с холодной закуской, и сообщил мне, что в моем распоряжении остается полчаса до приема»¹³⁹.

М. Зичи. В память спасения 17 октября 1888 г.

Как правило, представлявшихся выстраивали в шеренгу в одном из дворцовых залов. Число представлявшихся могло достигать нескольких десятков человек. Император, входя в зал, здоровался со всеми, и затем начинал обходить шеренгу, задавая представлявшимся по одному-два вопроса. С.Ю. Витте описывал свое первое представление Александру III в 1891 г. следующим образом: «Как только я приехал в Петербург и занял место директора Департамента железнодорожных дел, то, по принятому порядку, я должен был явиться к

государю... Я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно... Был назначен определенный час, когда отходил в Гатчину поезд... По приезде в Гатчину... всех приезжающих повезли в Гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели... в приемную комнату. Причем, так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он... занимал средний этаж... – совсем низкий, с маленькими комнатами. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император, один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенной. Он своей тяжелой поступью... последовательно подходил к каждому по порядку... и каждому сказал несколько слов... Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти... По обыкновению были приготовлены столы для завтрака... Делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое)...».

М. Зичи. Представление в Зимнем дворце шаху Насир-ад-Дину великой княжны Марии Александровны. 1874 г.

Во время представления император мог изредка позволить себе задержаться на некоторое время у интересующего его человека для беседы. В это время все остальные должны были терпеливо ждать своей очереди. Естественно, всех остро интересовала тема подобной беседы. С.Ю. Витте приводит один из подобных эпизодов. Во время его представления Александру III Витте обратил внимание на то, что Александр III долго тихо разговаривал с одним из представлявшихся вместе с ним военным: «Я решился его спросить: Простите, если это нескромно, но можно вас спросить: почему Вас Император задержал, что он вам говорил? Полковник улыбается и говорит. Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня все время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел? Я ему рассказал, какую я вел жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что он это тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым»¹⁴⁰.

Российские императоры принимали представлявшихся и в своих рабочих кабинетах. Поскольку таких представлений были десятки, то у них вырабатывались определенные профессиональные приемы. О них знали, и перед началом приема вполголоса инструктировали представлявшегося, что означают те или иные жесты и слова царя. Гофмаршал, отвечавший за четкость процедуры представлений, инструктировал каждого из представлявшихся: «В

11 часов начнется прием, будут вызывать по имени, отчеству и фамилии, отвечать только на вопросы императора, самому вопросов не задавать, аудиенция продлится минут пять, выходя, не поворачиваться спиной к государю»¹⁴¹.

О манере работы Николая II и его эмоциональном складе

Николай II принимал представлявшихся у себя в кабинете, непременно выйдя из-за стола. При этом он подходил к окну и поворачивался к нему спиной, глядя на собеседника. Свет тогда падал на представлявшегося, а лицо царя оказывалось в тени, и за его мимикой было трудно следить.

Когда царь терял интерес к собеседнику или вопрос был исчерпан, он слегка поворачивался к окну и задавал один-два малозначащих вопроса. Это означало, что аудиенция себя исчерпала. Конечно, «ход к окну» и поворот спиной к свету относились к маленьким профессиональным хитростям, столь важным при повседневной работе с людьми...

Один из мемуаристов описывает представление Николаю II в апреле 1905 г. в Александровском дворце, следующим образом: «Я вошел. Царь был в кителе, безо всяких орденов, и, когда я, входя, закрывал за собою две тяжелые двери, он, встав из-за стола и, разминаясь и нагибаясь, подошел к окну, а затем повернулся мне навстречу. Я низко поклонился; царь сделал шага два или три ко мне и на представление Глазова пожал мне руку»¹⁴².

Если представление происходило повторно, то император мог предложить собеседнику сесть: «Государь принял меня в кабинете и на этот раз предложил мне сесть»¹⁴³. Все отлично понимали, что это больше, чем жест обычной вежливости. Это расценивалось как свидетельство расположения к собеседнику, которого причисляли к негласному списку «своих».

Следует подчеркнуть, что Николай II «на работе» активно использовал свое природное обаяние, буквально очаровывая собеседников своим вниманием к их проблемам. Те, кто встречался с царем, отмечали, что он, общаясь с собеседником, все свое внимание «сосредотачивал на личности того, с кем он говорил, выказывая живой интерес к его службе, к его здоровью, к его семейному и даже материальному положению и т. п.»¹⁴⁴. То есть российские императоры интуитивно использовали те методы, которые столь талантливо описал спустя несколько десятилетий Дж. Карнеги. Суть этого метода состояла в «погружении» в проблемы собеседника. Как правило, это срабатывало, особенно с учетом того, что Николай II действительно был щедро наделен природой даром личного обаяния.

Но тем не менее и обаяние не всегда срабатывало, и некоторые из собеседников царя довольно отчетливо чувствовали, что весь церемониал – это только дань традиции и прошлому. Что его выполняют «без души» и только в силу обязанности. Да и принимать приходилось подчас людей, отношение к которым было у Николая II весьма сложным. Но принимать их было надо, надо было улыбаться и говорить все положенные слова. Мемуаристы это прилежно фиксировали: «С мая, в царский день, я был вынужден ехать в Царское Село, так как получил официальное предложение... Была обедня, было поздравительное дефилирование мимо государя и государыни, был завтрак... Завтрак был сервирован на отдельных небольших столах – по 6–8 кувертов на каждом... Вся церемония носила характер скучной формальности»¹⁴⁵.

Те, кто работал с Николаем II годами, единодушно отмечали ум царя и его способность схватывать «на лету главную суть доклада». Царь «понимал, иногда с полуслова, нарочито недосказанное; оценивал все оттенки изложения. Но наружный его облик оставался таким, будто он все сказанное принимал за чистую монету. Он никогда не оспаривал утверждений своего собеседника; никогда не занимал определенной позиции, достаточно решительной, чтобы сломить сопротивление министра, подчинить его своим желаниям и сохранить

на посту, где он освоился и успел себя проявить... Царь был внимателен, выслушивал, не прерывая, возражал мягко, не поднимая голоса»¹⁴⁶.

Николай II сознательно воспитал в себе «закрытость» мимики, эмоций и мнений, отчетливо понимая, что его «мнение» или неосторожное замечание могут легко превратиться в «высочайшее повеление». Он продолжил традицию, сформировавшуюся еще при Александре II, четко разграничивавшим свою частную жизнь и работу. Этому правилу Николай II следовал неукоснительно, поэтому «только с министрами на докладах царь говорил серьезно о делах, их касающихся. Со всеми другими, с членами императорской фамилии, с приближенными, – государь тщательно старался избегать ответственных разговоров, которые могли бы его вынудить высказать свое отношение по тому или иному предмету»¹⁴⁷.

Наиболее проницательные современники понимали это довольно отчетливо. А. Богданович пересказала в дневнике (8 июня 1908 г.) одно из подобных мнений: «Стишинский говорил про царя, что он – сфинкс, которого разгадать нельзя. Царь – слабовольный, но взять его в руки невозможно, он всегда ускользает, никто влияния на него иметь не может, он не дается, несмотря на всю слабость характера»¹⁴⁸.

Завершая разговор о манере работы царя, уместно привести высказывание В.И. Гурко, которое полностью коррелируется с вышеизложенным: «Техника царского ремесла имеет свои трудные стороны, но и свое немаловажное значение, хотя бы с точки зрения степени достигаемой популярности. Эта техника Николаю II и Александре Федоровне была совершенно чужда и даже недоступна. Но у государя отсутствие непринужденности в общении с незнакомыми ему лицами искупалось чарующим выражением его глаз и теми особыми флюидами личного обаяния, которые обвораживали всех, впервые к нему приближавшихся. Императрица, наоборот, всех обдавала холодом и вызывала у своих собеседников отнюдь не симпатичные к себе чувства»¹⁴⁹.

Эмоциональная «закрытость» Николая II породила целое направление в мемуарной и исследовательской литературе, в которой существует масса полярных мнений – от эмоциональной патологии до сверхволи монарха.

Многое в особенностях поведения Николая II связано с его детством. Несколько эпизодов времен детства и отрочества сыграли заметную роль в формировании личности царя. О них Николай II вспоминал спустя много лет. Так, на маленького Николая глубочайшее впечатление произвел эпизод с шаровой молнией, которая влетела в дворцовую церковь во время службы. Он видел, что император Александр II оставался во время этого происшествия совершенно спокоен, и стремление подражать деду заставило сознательно его выработать необычайное самообладание¹⁵⁰.

Сдержанность царя в стрессовых ситуациях была загадкой для современников и порождала самые разнообразные толки.

Флигель-адъютант А. Мордвинов, тестем которого был К.И. Хис – воспитатель и преподаватель молодого цесаревича, также подчеркивал, что «даже мальчиком он почти никогда не горячился и не терял самообладания»¹⁵¹.

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что царь старался избегать их. Объясняют это по-разному. Одни пишут о его воспитанности, которая мешала ему говорить неприятные вещи своим сановникам, другие видят в этом проявление некоего двоедушия и иезуитства. Например, С.Ю. Витте, который не питал особых симпатий к царю, отмечал, что «Государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигмом проходит»¹⁵². Министр народного просвещения А.Н. Шварц писал, что «не сердился он, как будто, никогда. Ни сам

я гнева его никогда не видел и от других о проявлениях его никогда не слышал»¹⁵³. Военный министр А. Редигер считал, что «несмотря на выпавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист»¹⁵⁴.

Наблюдавшая Николая II на протяжении 12 лет А.А. Вырубова отмечала, что рассердить царя было довольно трудно, но «когда он сердился, то как бы переставал замечать человека, и гнев его проходил гораздо медленнее... В нем не было ни честолюбия, ни тщеславия, а проявлялась огромная нравственная выдержка, которая могла показаться людям, не знающим его, равнодушием. С другой стороны, он был настолько скрытен, что многие считали его неискренним. Государь обладал тонким умом, не без хитрости, но в то же самое время он доверял всем»¹⁵⁵.

Особенно примечательно поведение царя в стрессовых ситуациях. За время его царствования их было достаточно. Но войны – это события, которые потрясают любую державу до основания. В день начала Русско-японской войны военный министр А.Н. Куропаткин записал в дневнике: «28 января 1904 г. На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен»¹⁵⁶. Посол Германской империи граф Пурталес, сообщивший царю об объявлении войны в 1914 г., также отмечал это необычайное самообладание, которое даже вызвало у него впечатление некой психической аномалии: «31 июля 1914 г. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе... У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»¹⁵⁷.

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения. Наиболее часто цитируется фраза официального историографа Ставки генерала Д.Н. Дубенского, произнесенная во время допроса в августе 1917 г.: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить... он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон»¹⁵⁸. Это показное спокойствие глубоко оскорбило многих и, в свою очередь, заставило спокойно отнестись к смерти самого царя и его семьи летом 1918 г. Но вместе с тем генерал, сталкивавшийся с царем только с 1914 г., счел нужным добавить: «Я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать: а вывести, что это равнодушный человек – будет неверно».

Крупный чиновник В.Н. Гурко писал, что «о степени самообладания Николая II можно судить хотя бы по тому, что никогда его не видели ни бурно-гневным, ни оживленно-радостным, ни даже в состоянии повышенной возбужденности... Многие вопросы он принимал очень близко к сердцу, а некоторые явления вызывали в нем сильнейший гнев, который он тем не менее имел в виду всецело скрывать под маской спокойствия и даже равнодушия»¹⁵⁹.

Впечатление о чрезмерном спокойствии царя глубоко поразило и принимавшего текст отречения А.И. Гучкова. Во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г. он поделился своими наблюдениями: «Вообще я должен сказать, что вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление... что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком? У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена; она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто, до последнего момента, не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал... мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным»¹⁶⁰.

Не все разделяли это мнение. О том, что это непроницаемое спокойствие только маска, писали те, кто хорошо знал царя на протяжении многих лет. Они подчеркивали, что для сохранения этой привычной маски царю иногда требовались серьезные волевые усилия.

Хорошо знавшая его баронесса С.К. Буксгевден вспоминала, что «сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали: отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? – настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска»¹⁶¹. А. Блок приводит слова генерала Д.Н. Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче один на один, я знаю, он все-таки заплакал»¹⁶².

Свои настоящие переживания царь позволял видеть только самым близким людям. Младшая сестра царя Ксения в дневнике писала, что после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 г. по случаю открытия заседаний 1 Государственной думы «многие плакали! Мама и Алике плакали, и бедный Ники стоял весь в слезах, самообладание его, наконец, покинуло, и он не мог удержаться от слез!». Очень характерное замечание сестры – «наконец». Видимо, чрезмерное спокойствие государя угнетало даже самых близких к нему людей¹⁶³. А. Вырубова в воспоминаниях упоминает, что когда царь вернулся в Царское Село после отречения 9 марта 1917 г., он, «как ребенок, рыдал перед своей женой»¹⁶⁴. Она же передает слова царя: «Видите ли, это все меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника»¹⁶⁵. Один из биографов царя Е.Е. Алферьев в самом названии своей книги выразил мысль о его необычайной воле. Он писал, что «постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. По своей природе Государь был очень замкнут... Незнание порождало непонимание»¹⁶⁶.

Советские историки 1920-х гг., занимавшиеся этим вопросом, сошлись в том, что это спокойствие есть результат особого психоэмоционального склада царя. Например, П.Е. Щеголев утверждал: «Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека»¹⁶⁷.

Нам представляется, что нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было психической аномалии. Столь сдержанное поведение было результатом многолетних волевых усилий, вошедших в привычку, ставших вторым лицом. Кроме этого, религиозность царя, граничившая с фатализмом, также способствовала некому отстраненному взгляду на происходящие события. Да и образ спокойного, держащего себя в руках царя imponировал окружающим. Но imponировал только в условиях стабильности. В ситуации надвигающегося краха, который отчетливо ощущался многими современниками, это чрезмерное спокойствие воспринималось как безволие, как психическая аномалия, что, в свою очередь, подрывало престиж императорской власти.

Однако при решении внутривластных проблем внешне кроткий и спокойный император был склонен к силовым вариантам. Поэтому прозвище «Кровавый» возникло не на пустом месте. Царь до последней возможности тянул с уступками либерального толка на подъеме Первой русской революции, и как только наметилась тенденция к стабилизации, то немедленно отказался от многих из них. Он обласкал командира лейб-гвардии Семеновского полка генерала Мина, залившего Москву в декабре 1905 г. кровью. На докладе о зверствах капитан-лейтенанта Рихтера при подавлении волнений крестьян в Прибалтике царь наложил резолюцию: «Ай, да молодец!». Не менее благосклонно царь относился и к командиру лейб-гвардии Уланского полка генералу Орлову, который также отличался крайней жестокостью¹⁶⁸.

Присяга цесаревичей

Среди придворных церемоний немаловажное значение имела присяга подростков великих князей, и особенно цесаревича. Напомним, что до 1860 г. мальчики в царской семье зачислялись на военную службу буквально с момента рождения. Сначала это было шефство над теми или иными полками русской армии. В семь лет мальчики получали первый офицерский чин и соответствующий мундир. Однако дальше начинались различия и довольно существенные. В 1860 г. на высочайшем уровне принимается решение отсчитывать стаж военной службы великих князей начиная с шестнадцатилетнего возраста¹⁶⁹.

Церемония принесения присяги проводилась по достижении совершеннолетия. Цесаревичи занимали особое место в структурах самодержавной власти. Они должны были обеспечивать устойчивость самодержавной власти и быть готовыми при необходимости «подхватить знамя», заменив отца на троне Российской империи. Для этого их довольно рано «ставили в стой». Царствующие императоры старались выстроить прямую линию преемственности власти: император – цесаревич – старший сын цесаревича.

Когда в 1870-х гг. подрос старший сын цесаревича Александра – Ники, будущий Николай II, то его, как и отца, рано начали подключать «по образцу прежних лет» к различным мероприятиям юбилейного характера. Подданным внушалась мысль, что этот маленький мальчик через несколько десятилетий будет править империей, так же как и его отец, дед, прадед и т. д.

В июле 1876 г. во время традиционных маневров в Красном Селе в строй был поставлен восьмилетний Ники в походном мундире лейб-гвардии Павловского полка. Это было сделано в память о том, что ровно 50 лет назад будущий Александр II участвовал в маневрах в этой же форме. Как писал дядя мальчика: «Под конец атаки Ники пошел с полком, очень трогательно»¹⁷⁰. В декабре 1876 г. в Зимнем дворце прошла церемония развода караула от Павловского полка в память назначения Александра II шефом этого полка. Во время развода младший сын Александра II Павел Александрович и старший внук – Ники приняли участие в церемонии, одетые в мундиры по форме лейб-гвардии Павловского полка¹⁷¹. Тогда же в декабре 1876 г. Александр II с сыновьями и внуком поехал в Академию наук на празднование 150-летнего юбилея. По свидетельству Сергея Александровича: «Папа пожелал, чтобы Ники присутствовал, как он 50 лет тому назад присутствовал на 100-летнем юбилее. Папа, обратясь к Саше и Ники, во всеуслышанье сказал, что надеется, что через 50 лет Ники будет также присутствовать и что Саша будет с ним»¹⁷².

Чтобы как можно раньше сделать *цесаревичей* юридически дееспособными, церемония принесения присяги проводилась для них в 16 лет¹⁷⁰, а все прочие *великие князья* принимали присягу только в 20 лет¹⁷¹.

В 16 лет цесаревичи в торжественной обстановке приносили *гражданскую* и *воинскую* присягу. По церемониалу *гражданская присяга* приносилась в Большой церкви Зимнего дворца. Из церкви шествие направлялось в Георгиевский зал, где цесаревич у трона, под знаменем Атаманского «своего имени (по традиции все цесаревичи становились шефами казачьих полков. – И. З.) полка» произносил воинскую присягу «на верность службы Государю и Отечеству».

Это было очень значимое событие и в жизни присягавшего, и в жизни его родителей, и в жизни Императорского двора.

К естественному волнению присягавшего примешивалась боязнь какой-либо ошибки в церемониале на глазах сотен людей. И хотя сама процедура церемониала, естественно, репе-

тировалась, но фактор волнения был неизбежен. Родители тоже волновались, поскольку их мальчик официально превращался в молодого человека с иными правами и обязанностями.

В 1834 г. в Зимнем дворце к присяге был приведен старший сын Николая 116-летний цесаревич Александр Николаевич. Специально «под цесаревича» в Свод законов Российской империи внесли текст присяги «Для наследника престола при торжественном объявлении совершеннолетия». По тексту присяги цесаревич клялся «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... обязуюсь и клянусь соблюдать все постановления о наследии Престола и порядке Фамильного учреждения»¹⁷⁵.

С этой присягой наследник-цесаревич вступил в общественную жизнь. Как вспоминала его младшая сестра Ольга Николаевна: «Саша, сопровождаемый Отцом, встал пред алтарем и развернутым знаменем и звонким голосом прочел текст присяги. Торжественный день был отпразднован концертом церковной музыки»¹⁷⁶. А.С. Пушкин, присутствовавший на церемонии присяги будущего Александра II 25 апреля 1834 г., записал в дневнике: «Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами. Государь и государыня плакали тоже... Все трое обнялись в слезах»¹⁷⁷.

Со временем все сыновья Николая I прошли через церемонию принесения присяги. И хотя для родителей эта была уже не первая присяга их детей, они по-прежнему волновались, как в первый раз. Но кроме волнения, Николай Павлович видел в своих взрослеющих сыновьях прежде всего помощников в его работе. После того, как в ноябре 1847 г. второй сын Николая I – великий князь Константин Николаевич принял присягу, царь писал И.Ф. Паскевичу: «Вчера мой сын Константин присягал и поступил на действительную службу; дай Боже, чтоб он пригодился государству; ума у него довольно»¹⁷⁸.

Присягавший 8 сентября 1859 г. старший сын Александра II, 16-летний великий князь Николай Александрович, по традиции сначала принял общегражданскую присягу в Большой церкви Зимнего дворца, а затем в Георгиевском зале повторил слова воинской присяги вслед за протопресвитером Бажановым. После этого последовали поздравления от высших сановников. Акт присяги с подписью цесаревича был вручен министру иностранных дел князю А.М. Горчакову на хранение.

Г. Виллевальде. Присяга великого князя Николая Александровича в Тронном зале Зимнего дворца. 1859 г.

В это же день уволили воспитателей цесаревича. Кроме пожизненных пенсий «в размере годового оклада» воспитатели и учителя получили «наградные». В.Н. Скрыпицына, которая 16 лет растила цесаревича, учила его читать и писать, получила пожизненную «аренду» в 2000 руб. ежегодно. Воспитатель Г.Ф. Гогель – «аренду» на 12 лет. О.Б. Рихтер – чин флигель-адъютанта. В этот же день новым попечителем цесаревича был назначен граф С.Г. Строганов.

Г. Виллевальде. Присяга великого князя Александра Александровича в Тронном зале Зимнего дворца 20 июля 1866 г.

После смерти Никсы в апреле 1865 г. Александр II подписал Манифест, извещавший подданных о смерти наследника и одновременно о провозглашении новым наследником престола и цесаревичем великого князя Александра Александровича – своего второго сына. 20 июля 1866 г. состоялось торжественное принесение присяги великим князем Александром Александровичем.

Совершеннолетие остальных детей в царской семье наступало, когда им исполнялось 20 лет. Формально с этого момента подрастающие великие князья утрачивали свой «детско-юношеский статус». В этот день на смену воспитателям-мужчинам приходил попечитель, решения которого были столь же обязательны для великих князей, как и их прежних воспитателей.

В этот день для молодых великих князей устраивался своеобразный «выпускной бал-мальчишник». В последний день *перед совершеннолетием* великие князья награждали своих слуг за верную службу («Утром раздавал серебро нашим людям, очень хорошие вещи»). В апреле 1877 г. двадцатилетний младший сын Александра II – великий князь Сергей Александрович не забыл даже свою няню Е.И. Стуттон, которая давно стала членом императорской семьи. Он сам отнес ей платье, чепчик, браслет «с шифром» и портретом воспитанника. Поскольку на следующий день предполагалось проведение церемонии двух присяг, то великий князь зубрил их текст, чтобы не сбиться. Затем следовал семейный обед, после

которого родные дарили имениннику подарки. Тогда Сергею Александровичу «от всех» на память подарили традиционные запонки с двумя переплетенными «десятками» («XX». – И. 3.), символизирующими празднуемое 20-летие. Запонки были украшены бриллиантами и сапфирами – зодиакальными камнями именинника. Старший брат Владимир Александрович подарил золотой портсигар с дарственной надписью. Младший брат Павел также подарил портсигар, но только серебряный, на котором сам выгравировал свое семейное прозвище «Пиц».

Вечером, как это принято, молодежь «по-взрослому» отмечала «последний день детства» Сергея Александровича, а родители и воспитатели также традиционно закрывали на это глаза. Сам именинник записал в этот день в дневнике: «Возня, смех, шум и гам! Потушил лампу и бросал бутылку за бутылкой вниз на мрамор. Расстались все в духе и веселье»¹⁷⁹. Все эти забавы происходили в Зимнем дворце.

На следующий день, 29 апреля 1877 г., в день 20-летия Сергея Александровича, его привели к гражданской и военной присяге. Утром великого князя поздравили его слуги: «Меня встретили все наши люди с Датским¹⁸⁰ во главе с большим букетом белых роз – мой шифр из красных роз, и внизу две десятки, мои двадцать лет». Поздравили юношу и родители: «Папа мне дал капитанские эполеты. Душка Мамочка мне тут же дала кольцо с сапфиром – и внутри год и число». По традиции совершеннолетний великий князь «раздал кузенам мои значки «XX»». Днем, после большого выхода, в Большой церкви Зимнего дворца Сергей Александрович принес общегражданскую присягу: «Наконец, пришла главная минута. Папа меня взял за руку и подвел к аналою... голос дрожал... у меня опять голос задрожал, но это было не от страха, а от внутреннего морального волнения!.. Кое-как подписал свое имя и обнял Папа и Мама. Первое и главное – кончено, второе не так страшно». Второе – это военная присяга: «Пошли в Георгиевскую залу, битком набитую народом... Мама на троне, Папа опять меня подвел, и я со знаменем в левой руке, правую подняв, прочел с чувством,, по крайней мере, старался, присягу». После этого были многочисленные поздравления и торжественный обед. Правда, этот торжественный день не обошелся без небольшого скандала. Великий князь записал в дневнике: «Вдруг мне приносят чудный букет из розанов и других цветов, не говоря от кого, а вместе с тем записка свернутая, на которой написано: «От княжны Е.М. Долгорукой». Я чуть не взорвался от ярости!! Не будем больше об этом»¹⁸¹.

Завещания и похороны монархов

Российские монархи были людьми долга и чести, поэтому задолго до своей кончины, старались в письменной форме выразить посмертную волю. Завещание – документ философский, но с конкретной материальной составляющей. И к этому литературному жанру монархи обращались либо в кризисных ситуациях, либо накануне тех ситуаций, когда они гипотетически могли погибнуть. Все известные тексты завещаний составлялись задолго до смерти монархов.

Завещанием Александра I могут считаться документы, написанные в 1817 г., в которых речь шла о передаче трона Николаю Павловичу, минуя Константина Павловича.

Николай I несколько раз составлял завещание. Первое завещание Николай Павлович составил 21 июня 1831 г. Поводом послужила эпидемия холеры. Позже в 1835 г., накануне поездки императора в западные губернии России, составляется новое завещание. Это были территории, населенные поляками, которые еще не забыли трагедию подавления восстания 1830–1831 гг. Последнее духовное завещание Николай Павлович написал 4 мая 1844 г.

В этом документе, по военному четко разделенному на пункты, по большей части речь шла о распределении собственности Николая I между его детьми и слугами. Николай Павлович считал необходимым лично поблагодарить всех слуг, годами верно служивших ему. Очень красноречиво рисует облик 50-летнего императора последний пункт завещания: «32. Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек, со всеми слабостями, коим людям подвержены; старался исправить в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет – прошу искренно меня простить»¹⁸².

Александр II составил свое завещание 8 сентября 1876 г. Один из сыновей Александра II записал в дневнике: «Возвращаясь от обедни, мы вышли к Папа, который, видя нас входящих, сказал: «А я писал мое завещание». На всех это сделало грустное впечатление»¹⁸³.

Составляя завещания, многие из Романовых очень беспокоились о том, где они будут лежать в Петропавловском соборе, и старались заранее «забронировать» себе место. Например, великий князь Константин Николаевич был очень озабочен тем, что «возле собора в крепости строится вновь семейная усыпальница, и он очень опасается, что будет похоронен там, а не в самой церкви, где, по его словам, его родители обещали сохранить ему место возле его сестры Александры Николаевны»¹⁸⁴. Поэтому в своем завещании, составленном в 1888 г., он отдельным пунктом записывает: «Желал бы быть погребен, как мне обещал покойный брат, рядом с сестрою Адини, значит сзади Никсы»¹⁸⁵. Константин Павлович как «в воду смотрел». Несмотря на отдельный пункт в завещании, его похоронили в новой усыпальнице, а не в Петропавловском соборе.

Заканчивалась земная карьера российских государей очень важной церемонией их похорон. Как правило, похороны организовывались по жесткому церемониалу, основанному на прецедентах «прежних лет». Однако при определении процедуры похорон учитывались и «личные пожелания», если таковые высказывались умершим императором в его завещании.

Похороны Павла I, убитого в результате дворцового переворота, прошли скоротечно. Это вполне понятно, поскольку даже обильный грим на лице покойного не мог скрыть следы насилия.

Первым официальным погребением в XIX в. стали похороны умершего в Таганроге императора Александра I¹⁸⁶.

Смерть Александра I окружена множеством загадок. Однако нас интересует именно церемониал похорон императора. После его смерти в Таганроге 19 ноября 1825 г. закрутился

механизм придворных хозяйственных служб, которые, основываясь на прецедентах «прошлых лет», начали подготовку к торжественным похоронам.

Решением «стратегических вопросов», связанных с организацией похорон, занимался Чрезвычайный комитет, созданный в Таганроге князем П.В. Волконским. Текущими хозяйственными вопросами ведала так называемая «Печальная комиссия» в составе 5 человек.

Прежде всего князь Волконский направил в Петербург запрос с просьбой прислать в Таганрог выписку с материалами о погребении Екатерины II и Павла I. Кроме этого, была организована процедура вскрытия тела умершего императора с составлением патологоанатомического диагноза, в котором перечислялись все выявленные заболевания Александра I, приведшие к его смерти. Документ подписали медики, производившие вскрытие, и ближайшие к царю сановники. Копию документа немедленно с фельдьегерем отправили в Петербург. Александр I стал первым российским императором, умершим вне столицы, в глухом провинциальном городе.

Похороны – это всегда немалые расходы. Императорские похороны – это очень большие расходы, поскольку пышность похорон должна знаменовать собой не только уход помазанника Божиего, но и начало нового царствования. Стоимость императорских похорон, конечно, менялась. Так, в 1796 г. все расходы по похоронам Екатерины II составили 188 830 руб. 50 коп. В 1801 г. скоротечные похороны Павла I обошлись всего в 108 218 руб. (При этом коронация Александра I обошлась казне в 581 518 руб. 30 коп.) При похоронах Александра I на первоначальные расходы выделили 50 000 руб., а поскольку царь умер вне Петербурга, только на дорожные расходы было добавлено 250 000 руб.

Сам церемониал похорон регламентировал еще Петр I. Составленный монархом по европейским стандартам церемониал впервые апробировали в 1699 г., когда хоронили П. Гордона и Ф. Лефорта. В его основу был положен церемониал похорон испанского короля Карла V, которого хоронили в Брюсселе в 1559 г. Но учитывались и более поздние изменения, внесенные в 1796 г. при переносе тела Петра III из Александровской лавры в Петропавловский собор.

Поскольку вскрытие, бальзамирование и перевоз тела покойного царя – дело ответственное и отчасти политическое, то кн. Волконский распорядился «свинцовый гроб запечатать и в Петербурге уже не открывать». Была проведена процедура бальзамирования, тело уложено в свинцовый гроб, а затем в деревянный ящик. Сердце и внутренности уложили в особые серебряные ковчеги¹⁸⁷.

Только на 40-й день после смерти (29 декабря 1825 г.) кортеж выехал из Таганрога. К этому времени выступление мятежных офицеров на Сенатской площади было уже расстреляно картечью и полным ходом раскручивался маховик следствия.

Тем временем тело Александра I неспешно везли через всю Россию в Петербург. По пути проводились периодические осмотры тела и составлялись протоколы. Осмотры проводились Особым комитетом секретно в присутствии графа В.В. Орлова-Денисова, который возглавлял траурный кортеж. За все время путешествия тело умершего императора осматривали пять раз. Кроме того, в гробу был устроен особый клапан, через который также можно было вести наблюдение за состоянием тела. Тем временем по стране расползались слухи – царь был задушен, гроб пустой и вместо императора везут куклу. В это время в Петербурге срочно начали готовиться к похоронам.

Наряду с подготовкой склепа в Петропавловском соборе срочно начали «строить» траурное платье и попоны. В похоронах императора принимало участие множество людей, и всех их требовалось одеть в соответствующее траурное платье. Так как надо было обшить множество участников похорон, то портные шили платье по трем стандартным размерам. Главными портными стали Князьков, Борисов и Норденстрем. Впоследствии семейство Норденстремов обшивало несколько поколений российских императоров. Для лейб-форей-

торов и лейб-кучеров платья шились по образцу похоронных одеяний 1801 г. Надо заметить, что «потоковый метод» в шитье похоронного платья применялся даже к родовитым участникам церемонии. Только некоторые из особ изъявили желание сшить себе платье по мерке. Среди таковых оказался и генерал-губернатор М.А. Милорадович. Однако этот наряд ему не понадобился, поскольку Милорадович был смертельно ранен на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Ежедневно портными представлялись сводки, напоминающие фронтные, сколько епанчей для церемонии было сшито в течении дня: 7 декабря скроено 40 епанчей, отдано сшить 40, сшито 10; 8 декабря скроено 90 епанчей, отдано сшить 90, готово 35. Поскольку траурные епанчи должны были носить люди различного социального статуса, то их шили из разного по стоимости сукна – по 8, 5 и 3 руб. за метр.

Для подготовки всего необходимого к похоронам кроме портных привлекалось множество других специалистов. Мастерница Катерина Шилина изготавливала церемониальные банты и шарфы из черного крепа.

Очень ответственным делом была подготовка траурных платьев для трех императриц: жены Павла I – Марии Федоровны, жены Александра I – Елизаветы Алексеевны и жены Николая I – Александры Федоровны. Кроме этого, необходимо было обшить многочисленных великих княгинь и княжон с их еще более многочисленными фрейлинами. В этом случае поточный метод даже не рассматривался. Отвечала за изготовление этого крупного заказа модистка Анна Сихлер. Сначала были выработаны расценки: стоимость платья для придворных дам определена в 100 руб.; для императриц, великих княгинь и княжон – из расчета в 270 руб. за платье.

Затем модистка представила в Печальную комиссию куклу в образцовом траурном платье: «Ратинное русское платье с крагеном, рукава длинные, около рукавов плюрезы, на шее особый плоский черный краген с плюралезами, а шемизетка из черного крапа, шлейф у императриц в 4 аршина, для великих княжон в 3. На голове убор черного крепа с черною глубокою поводкою и с двойным печальном капором, один с шлейфом, а другой покороче; черные перчатки, веер, чулки и башмаки. В день погребения императрицы соизволят на голове иметь большую креповую каппу, так, чтобы все платье закрывало»¹⁸⁸.

Бронзовщик Андрей Шрейбер изготовил всю необходимую арматуру для обитого малиновым бархатом гроба. Общая стоимость парадного гроба составила 1992 руб. Для гроба каретный фабрикант И. Иоахим изготовил траурную колесницу. Ее строила целая бригада мастеров, всего 26 человек. Балдахин делал мастер Зрелов; страусовые плюмажи – театральный декоратор А. Натъе; порфиру – мастер Александр Борисов; опушь из 12 горностаев – мастер Пуговкин. Порфиру украшало золотое шитье, выполненное золотошвейей Анной Вендорф. Вся траурная колесница обошлась казне в 18 225 руб.

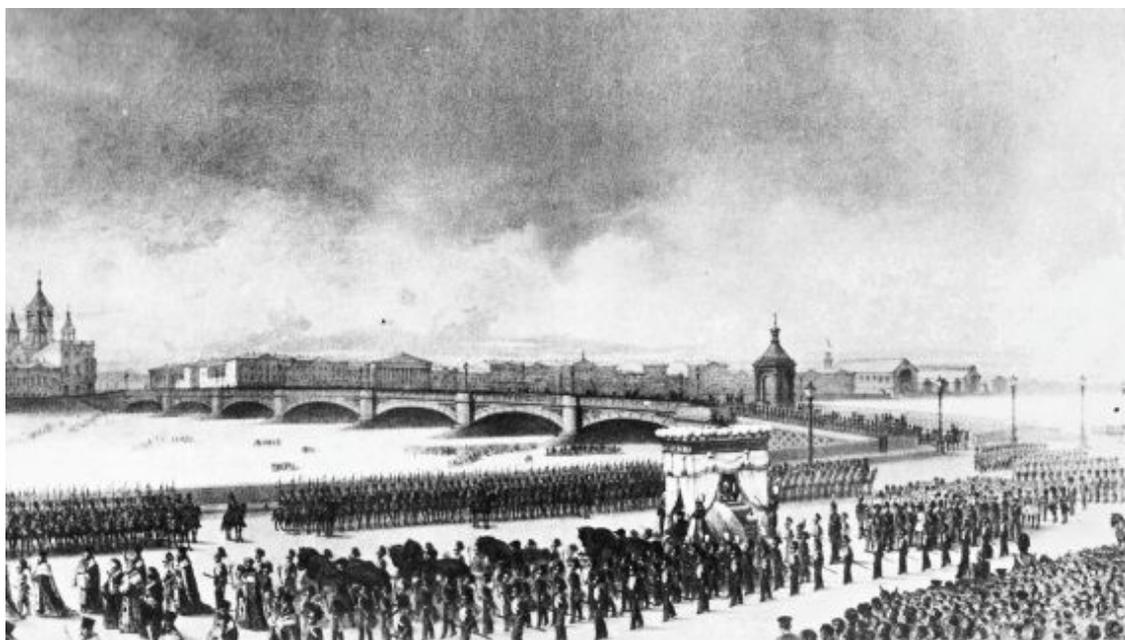
Заметными фигурами на похоронах были латники, следовавшие за гробом, и герольды, возвещавшие на улицах о порядке церемонии похорон. Для черного и белого латников изготовили специальные облегченные латы. Для герольдов – короткое исподнее платье, супервест, далматик, черные чулки и сапоги, четырехугольные шляпы с букетом из перьев, перчатки с раструбом из черного бархата с серебряным гасом и бахромой, на груди и спине – орлы, шитые золотом, на груди – белый галстук. И вот в конце февраля 1826 г. все было готово.

Во время транспортировки тела медики внимательно наблюдали за его состоянием. Несмотря на зимнее время и проведенное бальзамирование, тело портилось, «и дух от него сильный». Однако лейб-медик Тарасов доносил, что никаких изменений в усопшем не наблюдается, разве что замечен слегка потемневший цвет лица. Николай I приказал выехать в Тосно лейб-медику Виллие и личному врачу императрицы Марии Федоровны И.Ф. Рюлю. Гроб вскрыли в присутствии врачей, а также В.В. Орлова-Денисова и предсе-

дателя Печальной комиссии А.Б. Куракина. В результате совместного осмотра составили «Записку», отправленную Николаю I: «Александр I находится в состоянии, в котором Марии Федоровне его бы лучше не видеть»¹⁸⁹. Николай I сообщил это матери, но она попросила «приоткрыть крышку гроба, чтобы она могла поцеловать руку Александра I»¹⁹⁰.

Гроб привезли в Царское Село в ночь с 4 на 5 марта 1826 г. Вслед за гробом «Их величества (проследовали) в церковь, где и прощались все с покойным императором в открытом гробе, после чего на императора Александра Павловича возложена была золотая корона, особо для сего сделанная, а гроб залит оловом» (речь идет о металлическом ящике). Утром следующего дня около 11 часов процессия двинулась в Петербург по Кузьминской дороге. В Чесменском дворце свинцовый ящик с телом Александра I переложили из дорожного гроба в новый и опечатал его по всем углам сам Николай I.

Знаменитый мебельщик и поставщик Императорского двора Генрих Гамбс специально для установки в Петропавловской крепости изготовил мебель – диваны, столы и кресла и, не взяв денег, просил принять их «в знак глубочайшего благоговения к памяти покойного».

Похороны Николая I в феврале 1855 г.

Российского императора Александра I похоронили 13 марта 1826 г. в Петропавловском соборе. Однако жизнь брала свое и были подведены материальные итоги роскошных похорон, которые становились естественным рубежом между двумя царствованиями. Все затраты на похороны составили 829 402 руб. 40 коп. Оставшиеся неиспользованные материалы продали. Жену Александра I, императрицу Елизавету Алексеевну, хоронили в 1826 г. гораздо скромнее, ее похороны обошлись казне всего в 100 000 руб.

Через два года, 24 октября 1828 г., скончалась еще одна императрица – жена Павла I – Мария Федоровна. 13 ноября 1828 г. состоялось ее погребение, во время которого в последний раз соблюдался церемониал, установленный Петром I. С ее смертью традиции века XVIII окончательно ушли в прошлое.

Николай I уже в 1828 г., во время похорон матери, публично упомянул, что при его погребении церемониал будет максимально упрощен¹⁹¹. В 1845 г. в приписке к завещанию Николай Павлович сам определил себе место вечного упокоения: «Желаю быть похороненным за батюшкой у стены, так чтоб осталось место для жены подле меня»¹⁹². И действи-

тельно, Александр II, подчиняясь воле отца, провел процедуру похорон Николая I в 1855 г. по новому, упрощенному варианту.

Надо заметить, что упрощенный церемониал похорон императора Николая I в 1855 г. имел неожиданные политические последствия.

К.Е. Маковский. Император Александр II на смертном одре. 1881 г.

Поскольку сразу же после смерти царя по Петербургу поползли слухи об отравлении Николая I, то и упрощенный церемониал был истолкован как стремление поскорее скрыть от подданных тело императора в могиле. В Зимнем дворце об этом было прекрасно известно. По свидетельству фрейлины А.Ф. Тютчевой, императрица Мария Александровна сказала: «Увы! Покойный император, конечно, не ожидал, что своими распоряжениями об упрощении церемониала создаст затруднения своему сыну с первого же часа его восшествия на престол. Это должно послужить для нас хорошим уроком: вы видите, что мы не имеем права нарушать традиции, что долг наш, как государей, должен брать верх над нашими личными чувствами, и, – грустно добавила она, – что, принадлежа другим в течение всей жизни, мы не имеем права принадлежать себе и после смерти; мы остаемся общественным достоянием до тех пор, пока земля не покроет нас»¹⁹³.

Когда в мае 1880 г. умерла императрица Мария Александровна, то, согласно ее духовному завещанию, в церемониал похорон вновь внесли незначительные изменения. Согласно завещанию императрицы, тело ее для прощания выставили не в дворцовых залах, а в Большой церкви Зимнего дворца. Хоронили ее не

в серебряном парчовом платье, а в белом атласном саване и без короны на голове. Видимо, усопшая императрица желала приблизить свои похороны к камерной религиозной церемонии, убрав из печальной процедуры флер холодной, бездушной дворцовой церемониальности.

Прощание началось в комнатах Марии Александровны. Она лежала на кровати, усыпанная ландышами. Александр II со всеми сыновьями сами подняли ее с постели и положили в гроб, покрыв императорской порфирой. После короткой литии в дворцовой церкви Александр II и его дети приложились к телу, подняли гроб и сами (Александр II, цесаревич Александр, великие князья Владимир, Алексей, Сергей и Павел) понесли его к выходу из дворца. На Дворцовой набережной гроб установили на лафет. На пути в усыпальницу Петропавловского собора Александр II следовал за гробом верхом, а остальные – пешком. Похороны в Петропавловском соборе всегда производили сильное впечатление на Романовых, поскольку все они отчетливо понимали, что всем им лежать здесь. Молодой великий князь Константин Константинович записал в дневнике в мае 1880 г.: «Я нахожу что-то трогательное в мысли, что мы все найдем тихое, постоянное пристанище в этой церкви»¹⁹⁴.

Император Александр III на смертном одре. 1894 г. Ливадия

Александр II погиб в результате террористического акта, совершенного народовольцами 1 марта 1881 г. Поэтому упрощенный церемониал, по которому хоронили Николая I, полностью повторили. Были привлечены все потребные специалисты, в кратчайшие сроки они обеспечили императорские похороны всем необходимым. Единственным пятном, нарушившим торжественность скорбной церемонии, стала морганатическая жена Александра II светлейшая княгиня Е.М. Юрьевская. Очевидец и участник похорон Александра II писал: «У изголовья гроба впереди всех, но с боку шла с распущенною косою княгиня Юрьевская. Она судорожно рыдала, но эти рыдания казались святотатством, оскорблением величия совершившегося таинства смерти»¹⁹⁵.

Последние официальные похороны «по императорскому стандарту» состоялись в Петербурге в ноябре 1894 г., когда хоронили безвременно усопшего Александра III.

Тогда очень многие на подсознательном уровне чувствовали, что новое царствование счастливым не будет. И к этому имелись основания. Дело в том, что молодой император и

молодая невеста категорически настояли на том, чтобы церемония бракосочетания состоялась без промедления, не дожидаясь окончания годовичного траура по умершему Александру III. Поэтому после похорон 7 ноября, траур прервали на один день, для того чтобы в Большой церкви Зимнего дворца 14 ноября 1894 г. состоялось бракосочетание Николая II и Александры Федоровны. В сознании многих современников на траур наложилась свадьба, и в этом причудливом смешении траура и свадебных торжеств многие видели сценарий будущего несчастливого царствования. Многие понимали, что инфантильный Николай II пошел на поводу у своей любимой Алике, и ощущавшееся уже тогда женское влияние на принятие важнейших решений совершенно не радовало ни родню, ни сановников. Это стало только первым кирпичиком всеобщей нелюбви к «застенчивой» Александре Федоровне.

За какие воинские заслуги награждались русские императоры орденом Св. Георгия

Мужская половина Императорского дома Романовых поголовно находилась на военной службе, однако в отличие от простых смертных для них чинопроизводство, как и получение самых высших наград, происходили в ускоренном порядке. Вместе с тем в иерархии русских орденов имелась награда, которой стремились обладать все Романовы, но далеко не все сумели ее получить. Это был офицерский Георгиевский крест.

Этот орден учредила Екатерина II в ходе первой Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) 26 ноября 1769 г. в честь Св. Георгия. Орден предназначался для награждения офицеров за заслуги на поле боя. Из ряда других русских орденов его выделяло то, что орденом награждались офицеры, проявившие в бою *личную* доблесть. В Статуте ордена было четко зафиксировано: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать: ибо заслугами оный приобретается».

Екатерина II, справедливо отметив, что описать все ситуации, связанные с героическими поступками воинов, невозможно, тем не менее привела несколько ситуаций, которые, по ее мнению, могли стать поводом для награждения орденом Св. Георгия:

«— Достоин быть написан в подносимой Нам росписи Офицер тот, который ободрив своим примером подчиненных своих, и предводительствуя ими, возьмет наконец корабль, батарею или другое какое занятое неприятелем место.

– Ежели кто в укрепленном месте выдержал осаду и не здался, или с отменного храбростию защищал и вылазки делал, храбро и разумно предводительствовал, и через то победу одержал, или способы подавал к приобретению оной.

– Ежели кто себя представит и возьмется за опасное предприятие, которое ему совершить удается.

Императрица Екатерина II с орденом Св. Георгия

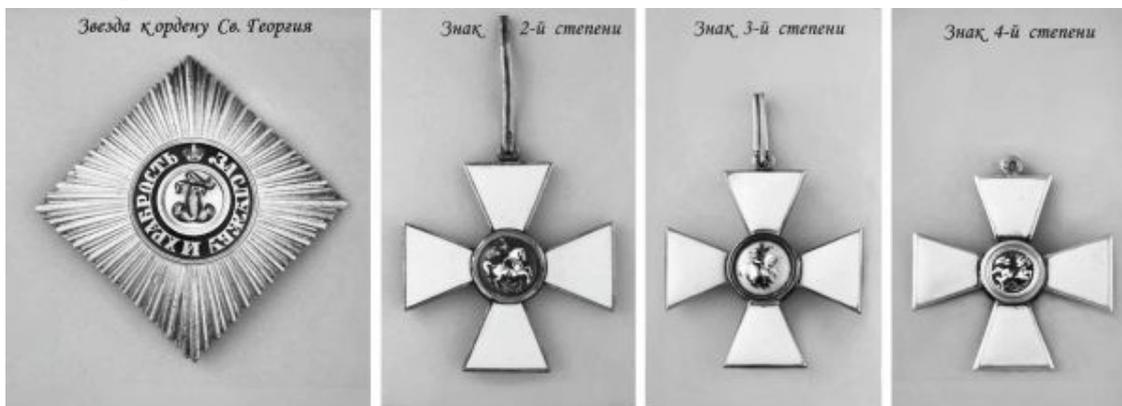
– Ежели кто был первый на приступе или неприятельской земле при высаживании людей из судов».

Для сохранения «чистоты рядов» в 1782 г. создали Орденскую думу, через «фильтр» которой должны были проходить документы лиц, представляемых на награждение Георгиевским крестом III и IV степеней. Только в прерогативу императора входило награждение высшими степенями ордена – I и II степени.

Золотое оружие. Георгиевский морской кортик. Начало XX в.

Вместе с тем Статут ордена предусматривал возможность его получения «по выслуге лет», поскольку «не всегда всякому верному сыну отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может». Поэтому на получение ордена IV степени могли претендовать те, «кои в полевой службе 25 лет от обер-офицера, а в морской 18 кампаний офицерами служили». Однако с 15 мая 1855 г., для того чтобы сохранить характер ордена как боевой награды, выслуга лет в армии стала отмечаться орденом Св. Владимира. С 1855 г. орден Св. Георгия давали *только за боевые заслуги*. В этом же году золотому оружию был присвоен георгиевский темляк.

Звезда и кресты ордена св. Георгия

Знаками ордена был белый эмалевый крест с изображением в центре Св. Георгия на коне, лента из трех черных и двух оранжевых полос и четырехконечная (ромбовидная) вызолоченная звезда с изображением Св. Георгия в центре и девизом вокруг. Крест I степени носился на ленте через плечо, кресты II и III степени – на шее. Две старшие степени дополнялись звездами. Орден IV степени носился в петлице либо на левой стороне груди. Знаки I и II степени отличались от знаков III и IV только размером, они были несколько крупнее. Изображение Св. Георгия на кресте не стандартизировалось и зависело от художника. Размеры крестов IV степени варьировались от 31x31 до 36x36 мм, вес был в пределах 7-10 г.

Первая степень ордена Св. Георгия была наградой чрезвычайной, ее за всю историю ордена имели всего 25 человек¹⁹⁶. Вторую степень ордена получили 12 человек, в том числе за Первую мировую войну – 4 военачальника. Третьей степенью ордена было награждено всего 638 человек. *Все четыре степени* ордена Св. Георгия имели только *четыре фельдмаршала*: Голенищев-Кутузов, Барклай-де-Толли, Паскевич и Дибич.

Следует заметить, что еще в 1833 г. кавалерам ордена Св. Георгия первых двух степеней официально предоставлялось право «иметь при Высочайшем дворе вход за кавалергардов»¹⁹⁷.

Поскольку скромный белый Георгиевский крест – мечта любого военного, то и российские императоры желали украсить себя таким крестом. Однако жесткий статут Георгиевского креста, предусматривавший личный подвиг под пулями врага, делал эту награду труднодоступной для императоров. Но быстро сложилась неофициальная практика, когда от императоров не требовалось ни личных подвигов, ни взятия батарей. По сложившейся практике члены императорской фамилии получали Георгиевские кресты либо за те или иные стратегические решения, либо побывав в «деле» или в крайнем случае в зоне действенного ружейно-артиллерийского огня.

Георгиевский крест Александра I

Учредительница ордена Екатерина II возложила на себя орден Св. Георгия I степени 26 ноября 1769 г. «по статусу», как первый Гроссмейстер ордена. Ее преемники-мужчины старались буквально соответствовать нормам утвержденного статуса. Когда в 1801 г. Орденская дума предложила Александру I «возложить» на себя знаки I степени Георгиевского ордена «по статусу», тот отказался, считая, что не заслужил эту награду. Лишь вернувшись из похода 1805 г., он согласился на IV степень ордена за проявленную «личную храбрость». Хотя после Аустерлица эта мотивация

была более чем сомнительной. Свой крест Св. Георгия IV степени (диам. – 27,6 мм, золото, эмаль) Александр I получил 13 декабря 1805 г. Этой наградой он очень дорожил. До нас дошла орденская колодка Александра I, на которой было семь наград, из них – только две русские: орден Св. Георгия IV степени и медаль «В память Отечественной войны 1812 года». При этом офицерский Георгий был в колодке первым¹⁹⁸.

С. Щукин. Портрет императора Александра I с Георгиевским крестом

Еще раз следует подчеркнуть, что орден Св. Георгия I степени присваивался личным решением императора. Кроме

Екатерины II из российских императоров ордена Св. Георгия I степени был удостоен только Александр II. Однако, как и в случае с Екатериной II, это было статусное награждение накануне столетия ордена 16 ноября 1869 г.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Константина Павловича

Награждали боевым российским орденом и иностранных особ королевской крови. «Звездопад» Георгиевских крестов на иностранцев пришелся на две войны. Первой из них была война с Наполеоном в 1812–1814 гг. Из владетельных особ за эту войну получили кресты Св. Георгия I степени: наследный принц шведский Карл-Иоганн (1813 г., Денневиц) и в 1869 г. крест «догнал» деда Александра II, прусского короля Вильгельма I, получившего «Егория» 26 ноября 1869 г. «За отличие, выказанное в войну 1814 г.»

Надо заметить, что немцы не придавали большого значения ордену, столь высоко чтимому в России. Одна из мемуаристок повествует, что когда Вильгельм I получил орден Св. Георгия I степени, то он рассыпался в благодарностях перед посланцем Александра II графом Ностицем. Однако в этот же день на вечернем спектакле германский император Вильгельм I появился в мундире, на котором не было русского ордена. Заметив среди публики графа Ностица, Вильгельм немедленно отправил лакея за орденом и, прикрываясь салфеткой, прицепил его к мундиру. Император просто забыл об ордене Св. Георгия I степени¹⁹⁹.

Из «своих» великих князей за войну с Наполеоном удостоился ордена Св. Георгия II степени только цесаревич Константин Павлович, младший брат Александра I. Он получил крест за участие в «битве народов» под Лейпцигом в 1813 г.

Второй «звездопад» пришелся на Франко-прусскую войну 1870–1871 гг. В ходе этой войны на прусских и австрийских царственных особ и генералов буквально обрушился беспрецедентный поток награждений самым престижным боевым российским орденом. Так, генерал-фельдмаршал австрийской службы, эрцгерцог австрийский Альберт «за войну против французов 1870 года» 20 июня 1870 г. удостоился ордена Св. Георгия I степени. Наследный принц прусский Фридрих Вильгельм и принц Прусский Фридрих Карл в один и тот

же день, 19 июня 1870 г., с одной и той же формулировкой: «За участие в войне с французами», получили кресты Св. Георгия II степени. Несколько позже, 3 сентября 1870 г., такую же награду, но «За отличие в сражении при Сент-Приве и Мари-о-Шень и за поражение Мак-Магона при Бомоне 30-го августа 1870 года» получил наследный принц саксонский Альберт. И наконец, 27 декабря 1870 г., признанный авторитет прусской военной школы начальник прусского Генерального штаба граф Хельмут Карл фон Мольтке был удостоен Георгиевского креста II степени.

И позже иностранцев награждали Георгиевскими крестами самых высоких степеней. Так, в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. кресты Св. Георгия II степени получили князь Черноморский Николай I Миркович («За участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов») и князь Румынский Кароль I («За овладение твердынями Плевны и пленение армии Османа-Паши 28-го ноября 1877 года»), но это была «наша война» в ходе которой награждали союзников, а Франко-прусская – «чужая война».

Георгиевский крест Николая I

У императора Николая I была своя история награждения орденом Св. Георгия. После изгнания Наполеона из России начался Заграничный поход русской армии. В 1814 г. будущему Николаю I исполнилось 17 лет. Он страстно желал оказаться в бою и заработать свой Георгиевский крест. К этому времени его второй старший брат – великий князь, наследник-цесаревич, командир Гвардейского корпуса Константин Павлович – уже имел крест Св. Георгия III степени за участие в деле под Аустерлицем (1805 г.) и крест ордена Св. Георгия II степени, полученный 8 октября 1813 г. «За отличие, оказанное в сражении 4-7-го октября 1813 года при Лейпциге». Кроме этого, за участие в атаке Конной гвардии под Фер-Шампенуазом цесаревич Константин Павлович был награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

Николай Павлович страстно хотел повторить подвиги старшего брата, но окружение матери, императрицы Марии Федоровны, и воля старшего брата, императора Александра I, не допустили подобного. Когда великий князь Николай Павлович оказался во Франции, с Наполеоном было уже покончено.

Портрет Николая I с Георгиевским крестом в орденской колодке

В 1828 г. началась очередная Русско-турецкая война. Великий князь и командующий Гвардейским корпусом Михаил Павлович 8 июля 1828 г. получил из рук старшего брата и императора Николая I крест Св. Георгия II степени «За взятие крепости Браилова 7-го июня 1828 года». Таким образом, к 1828 г. император Николай I оставался единственным из четырех сыновей Павла I, не имевшим заветной награды. При этом Николай I находился в действующей армии. Он участвовал в переправе через Дунай, лично находился при осаде Браилова, Шумлы и Варны. К этому времени Николай I был уже зрелым человеком, хорошо понимавшим свое место в иерархии имперской власти. Поэтому он не допускал никаких эскапад в погоне за крестами и его визиты в район боевых действий носили исключительно инспекторский характер. И для Николая I оставалась возможность награждения Георгиевским крестом только по выслуге лет в офицерских чинах. Таким образом, свой скромный

Георгиевский крест IV степени Николай I получил в 1838 г. в связи с 25-летием своей службы в офицерских чинах. Следует отметить, что, следуя «букве» орденского Статута, Николай Павлович настоял на том, чтобы вопрос о награждении его орденом Георгия IV степени предварительно рассмотрели в Орденской думе.

Следует сказать, что Николай Павлович не был «избалован» наградами. Будучи награжденным по «статусу» почти 30 иностранными орденами, он имел всего, не считая возложенных при крещении, три отечественных ордена и медаль за участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Именно при Николае I Георгиевский крест окончательно закрепляет свой высокий статус как на официальном, так и на неофициальном уровне. В 1833 г. Статут ордена был написан подробно, с детальным описанием воинских доблестей по каждому роду войск, за которые имели право на награждение. Более детально расписали и срок службы, требуемый для награждения за выслугу лет, а также прибавилось требование участия хотя бы в одном сражении для получения Георгия IV степени за выслугу лет. Установился строго последовательный от IV к III степени порядок награждения.

К мероприятиям официального характера также можно отнести появление Георгиевских залов в императорских резиденциях двух столиц. В Петербурге в Зимнем дворце одним из главных парадных залов стал Георгиевский зал. Это название он получил по помещенному в нем мраморному барельефу «Георгий Победоносец, поражающий копьем дракона». В Большом Кремлевском дворце также оформляется Георгиевский зал, главным украшением которого стали белые мраморные доски, на которых золотом с 1849 г. были выбиты названия подразделений, удостоенных георгиевским знаком, и имена всех георгиевских кавалеров.

Георгиевский крест Александра II

В 1850 г. Николай I отправил 32-летнего сына Александра на Кавказ. Охраняла цесаревича сотня казаков Собственного конвоя Е.И.В. Как писали в отчете, «его не смогли удержать». Конечно, казаки конвоя не дали ему участвовать в кавалерийской рубке, прикрыв телами, но тем не менее своего «Георгия» цесаревич получил. Это был офицерский орден – Св. Георгия IV степени. 10 ноября 1850 г. наследника наградили им за личное мужество «в деле против кавказских горцев». В официальных справочниках это событие излагалось следующим образом: «...на пути из Воздвиженской креп. в Ачхой, между реками Рошня и Валерик, наткнулся на партию горцев. Произошла схватка, в которой наследник престола проявил выдающееся мужество и по представлению тогдашнего наместника Кавказа, кн. Воронцова, был пожалован орд. Св. Георгия 4 ст.». На фотографиях видно, что из всех своих многочисленных наград Александр II предпочитал носить именно этого «Егория».

Александр II с Георгиевским крестом в петлице

Второй сын Николая I – великий князь Константин Николаевич получил свой Георгиевский крест IV степени на год раньше старшего брата – в 1849 г., в ходе Венгерской кампании Великий князь четырежды был под огнем, в том числе в сражении под Дебречином. Кроме этого, в ходе кампании отличился подшефный ему Волынский уланский полк. За эту кампанию полк получил второй комплект серебряных Георгиевских труб, а шефа полка, великого князя Константина Николаевича, наградили орденом Св. Георгия IV степени.

В ходе Крымской войны, несмотря на ее неудачный для России характер, награждения особ императорской фамилии крестом Св. Георгия тем не менее состоялись. Для поднятия боевого духа войск в Крым командировали двух сыновей Николая I: Николая и Михаила. Они прибыли в Крым накануне Инкерманского сражения, в котором и приняли участие.

Поскольку великие князья находились под сильнейшим неприятельским огнем, было принято решение о их награждении орденами Св. Георгия IV степени.

В середине XIX в. Российская империя продолжала интенсивно расширять свои границы. Поэтому молодая поросль Романовых охотно участвовала в различных горячих «делах», зарабатывая желанные кресты. Так, 15 июня 1864 г. «За покорение Западного Кавказа» удостоился креста Св. Георгия II степени великий князь, генерал-фельдцейхмейстер, наместник Е.И.В. на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией Михаил Николаевич. За участие в Хивинском походе 23-летний полковник великий князь Николай Константинович 22 июля 1873 г. получил золотую саблю с надписью «За храбрость» и георгиевским темляком.

Когда в 1877 г. началась Русско-турецкая война, Александр II отправился на фронт. Втайне он лелеял мечту заслужить под пулями еще один белый крестик. Окружение императора эти настроения ощущало и делало все, чтобы не допустить императора под пули и шрапнель. В июле 1877 г. министр Императорского двора граф А.В. Адлерберг в очередной раз попытался убедить 59-летнего Александра II в неуместности его стремления идти вперед, к войскам передовой линии. Однако Александр II рассердился и прямо заявил о своем намерении принять личное участие в бою. Все доводы графа Адлерберга в бессмысленности подобного шага остались без последствий. В свою очередь Александр II ссылаясь на то, что во время Франко-прусской войны 1870 г. Вильгельм I лично принимал участие в бою²⁰⁰.

Во время осады Плевны Александр II несколько раз оказывался в районе действительного огня артиллерии. Под Плевной находился холм, с которого император периодически наблюдал за ходом атак. Его называли по-разному. Одни иронически «холмом завтраков», другие привычно, как в Красном Селе, «царским валиком». Не желая «терять лица», Александр II достаточно долго оставался на холме под огнем при третьем штурме Плевны. Позже Александр II рассказывал сыновьям, как он «нечаянно попал под выстрелы и две-три гранаты перелетели через него». В этом случае охрана была бессильна уберечь его от шрапнели. Но Бог миловал. Император, достаточно ответственный человек, старался не рисковать, поэтому, выждав «положенное» время, он «скоро удалился»²⁰¹.

Георгиевский крест Александра III

За крестами поехали на фронт и многочисленные великие князья. На фронте находились даже младшие сыновья царя, 20-летний великий князь Сергей Александрович и 17-летний Павел Александрович. Старшие сыновья Александра II – Александр, Владимир и Алексей – получили ответственные должности, хотя для них это была первая война, и, что самое главное, все их действия не подлежали критике, что не могло не вызвать глухого недовольства со стороны офицерства. Военный министр Д.А. Милютин, находившийся в Свите Александра II, отмечал, что «этот боевой почетный знак, так высоко ценившийся в общественном мнении, раздается теперь с такой щедростью, достается так легко, что начинает терять прежнее, высокое значение»²⁰².

Действительно, во время этой войны многих из великих князей наградили заветными белыми крестиками. Среди них были и сыновья Александра II. Так, великий князь Владимир Александрович участвовал непосредственно «в деле», проводя рекогносцировку, 10 июля 1877 г.²⁰³. Надо заметить, что великий князь Владимир Александрович был самым «обстрелянным» из великих князей, принявших участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Кроме рекогносцировки он участвовал в отражении турецких атак на деревни Кадыкиой и Красну; в отражении усиленной рекогносцировки неприятеля близ деревни Иован-Чифлика и на Трастеникских высотах; в усиленной рекогносцировке войск Ругцукского отряда; в делах у деревень Бесарбово, Кошово, Нисово, Соленик, Церковна, Констанца и Хан-Гюр-Чешме. Владимир Александрович принял участие в боях у Пирюса и Хан-Гюр-Чешме, в сражениях у Трастеника и Мечки (14 и 30 ноября 1877 г.), в общем наступлении войск Северного отряда под начальством наследника-цесаревича, преследовавших турецкую армию от р. Кара-Лом к крепости Шумле, и в рекогносцировке крепости Руцука, причем в одном из этих дел под великим князем была убита лошадь.

Поэтому великого князя Владимира Александровича «в воздаяние отлично-усердной службы за время командования XII армейским корпусом и за боевые отличия» наградили орденом св. Владимира II степени с мечами, орденом Св. Георгия III степени («за отражение нападения Сулеймана-паши 14 ноября у Батинского моста») и золотой саблей с бриллиантами и надписью: «За 14 и 30 ноября 1877 г.».

Последние награждения орденом Св. Георгия I степени членов императорской фамилии состоялись именно в ходе этой Русско-турецкой войны. 9 октября 1877 г. орденом Св. Георгия I степени был награжден великий князь, генерал от артиллерии, главнокомандующий Кавказской армии Михаил Николаевич. В орденских документах повод к награждению сформулирован следующим образом: «За разбитие наголову Кавказскими войсками, под личным предводительством Его Высочества, армии Мухтара-Паши в кровопролитном бою, 3-го Октября 1877 года, на Аладжинских высотах и принуждение большей части оной сложить оружие».

Младший брат императора Александра II – главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич (Старший) 15 июля 1877 г. был награжден Георгиевским крестом II степени «За переправу армии через Дунай у Систова». Затем, 29 ноября 1877 г., Александр IIградил его же орденом Св. Георгия I степени – «За овладение 28-го Ноября 1877 года твердынями Плевны и пленение армии Османа-Паши, упорно сопротивлявшейся, в течение пяти месяцев, доблестным усилиям, находившихся под предводительством Его Высочества войск». *Это было последнее награждение орденом Св. Георгия I степени в его истории.* Таким образом, за одну компанию великий князь Николай Николаевич (Старший) удостоился Георгиевских крестов I и II степеней.

Удостоился награды и великий князь Николай Николаевич (Младший). Великий князь состоял при генерале Драгомирове и за отличие при переправе через Дунай у Зимницы и при взятии Систовских высот был награжден орденом Св. Георгия IV степени. Затем великий князь участвовал в атаке и занятии Шипкинского перевала войсками кн. Святополк-Мирского и за отличие при этом награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

Достоинно наградили и старшего сына Александра II – наследника-цесаревича великого князя Александра Александровича. Следует отметить, что Романовы очень рано начинали свою военную службу и в 20–25 лет уже ходили в генеральских чинах. Например, будущий Александр III впервые «всерьез» выполнял служебные обязанности 1 августа 1851 г., когда ему было только 6 лет. В этот день, одетый в солдатскую форму лейб-гвардии Павловского полка, он стоял на часах у открывавшегося в Гатчине памятника императору Павлу Первому. 8 апреля 1877 г. наследник выехал из Петербурга в район боевых действий, и 22 июля 1877 г. великий князь Александр Александрович вступил в командование Руцукским отрядом, который состоял из двух корпусов общей численностью в 75 тыс. чел.

Хотя Руцукский отряд был в стороне от района главных боевых действий, но и там были атаки и контратаки, рекогносцировки и отступления. Несмотря на свое высокое положение, цесаревич Александр Александрович лично участвовал «в делах». Например, 12 октября 1877 г. он возглавил усиленную рекогносцировку неприятельского расположения. О том, что это не была простая прогулка, свидетельствует то, что во время этого «дела» погиб его двоюродный брат Сергей Максимилианович Лейхтенбергский. Внука Николая I убила пуля, попавшая прямо в лоб. Эта смерть произвела сильное впечатление и в войсках, и в стране, и на самих Романовых. И хотя Сергей Лейхтенбергский не был великим князем, тем не менее Александр II в почитание его смерти на войне приказал похоронить его в крепости, рядом с могилой его матери, великой княгини Марии Николаевны²⁰⁴.

В этом же «деле» 12 октября 1877 г. получил крещение огнем сын Александра II – великий князь Сергей Александрович. И хотя он не участвовал в штыковых атаках, но тем не менее «осколки свистали возле ушей» и передок орудия, около которого стоял великий князь, повредил взрыв неприятельской гранаты²⁰⁵.

Младший сын Александра II – 17-летний великий князь Павел Александрович, на короткое время посетил Ставку на Дунае. Однако после гибели 12 октября 1877 г. Сергея Лейхтенбергского Александр II не решился отправлять своего сына под пули. И хотя «Государю очень хотелось, чтобы и Павел Александрович участвовал в каком-нибудь деле, чтобы и ему дать Георгиевский крест», но он так и не решился рискнуть младшим сыном ради белого крестика Св. Георгия IV степени²⁰⁶.

30 ноября 1877 г. состоялось сражение у Трестеника и Мечки. Конечно, великого князя Александра Александровича окружали опытные генералы, но даже недоброжелатели признавали, что наследник достойно проявил себя в ходе боевых действий.

Александр II оценил службу старшего сына тремя боевыми наградами. 15 сентября 1877 г. Александру Александровичу пожаловали орден Св. Владимира I степени с мечами. 30 ноября 1877 г. наследник получил заветный белый крестик – орден Св. Георгия II степени. В наградных документах повод к награждению сформулирован следующим образом: «За блистательное выполнение трудной задачи удержания, в течение 5-ти месяцев, превосходящих сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ловче позиций и за отбитие, 30-го Ноября 1877 года, атаки на Мечку». Кроме этого, 26 февраля 1878 г. великий князь удостоился золотой, украшенной бриллиантами сабли с надписью «За отличное командование Руцукским отрядом»²⁰⁷.

Александр II после взятия Плевны, щедро рассыпая вокруг себя Георгиевские кресты, не обошел и себя. В ноябре 1877 г., после взятия Плевны, наградив офицеров завет-

ными крестами, он обратился «с улыбкой» к военному министру Д.А. Милютину: ««А считает ли военный министр, что и я заслужил Георгиевский темляк?» Восхищенные благодушием государя, все мы, окружавшие его, прокричали ему с неподдельным одушевлением «ура»»²⁰⁸. В результате 28 ноября 1877 г. Александр II получил Георгиевский темляк на саблю. По воспоминаниям очевидцев, Александр II обратился к своему сыну Сергею Александровичу со словами: ««Я думаю, я могу тебе надеть георгиевский темляк». Душка Папа!

«Боже мой, еще бы!» – только я мог ответить».²⁰⁹ В декабре того же года перед отъездом из Болгарии офицеры Почетного конвоя поднесли ему золотую саблю.

Награждение золотым холодным оружием вошло в обиход со времен Екатерины II. Первое награждение золотым оружием состоялось в 1774 г. С 1807 г. золотое оружие было официально приравнено к награждению Георгиевским крестом. С этого времени все награжденные золотым оружием вносились в общий орденский список. Золотое оружие, украшенное бриллиантами, жаловалось только генералам и адмиралам. В тех случаях, когда золотое оружие, украшенное бриллиантами, заменялось золотым оружием без бриллиантовых украшений, оно носилось с Георгиевским темляком и с крестом на эфесе²¹⁰.

Следует подчеркнуть, что российские императоры высоко ценили свои Георгиевские кресты. Это проявлялось во многом. На императорских орденских колодках Георгиевские кресты занимали почетное первое место. На повседневной форме, как правило, носился *только* «заработанный» и высокочтимый «Егорий».

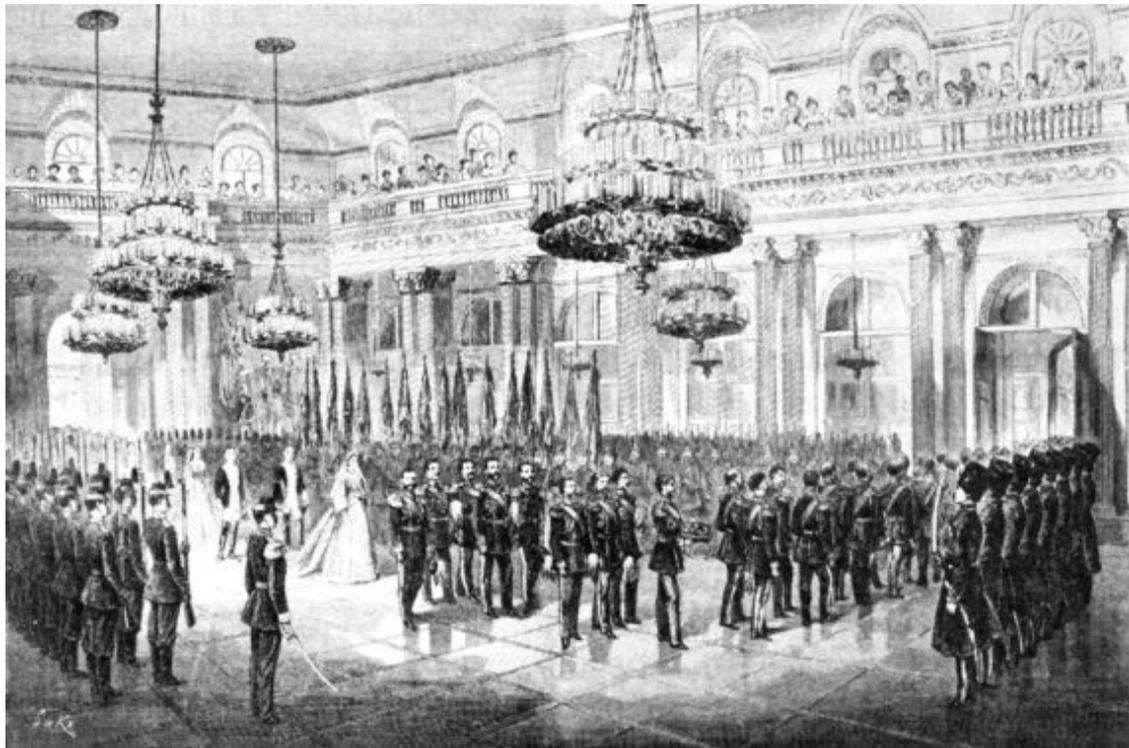
Орденский день 26 ноября

При Александре II в череду дворцовых праздников прочно вошел Высочайший прием Георгиевских кавалеров в императорских резиденциях, он проводился ежегодно 26 ноября, в день учреждения ордена Екатериной II.

В этот день в Зимний дворец собирались все кавалеры ордена Св. Георгия, бывшие в Петербурге. Офицеры и нижние чины, кавалеры солдатского «Егория». Церемониальная часть ежегодно издавала «Высочайше утвержденный порядок Торжественного выхода в Зимнем дворце, 26 ноября... года, в день Орденского праздника св. Великомученика и Победоносца Георгия», в котором детально прописывалась процедура всего действия.

Из года в год в тот день к 11.30 во дворце собирался весь придворный, политический и военный бомонд, и «все находящиеся на действительной службе и в отставке Военные и Гражданские чины, имеющие орден... или знаки отличия Военного ордена, а также военные, имеющие украшенное бриллиантами золотое оружие»²¹¹.

Кавалеры ордена собирались в парадных комнатах Первой половины Зимнего дворца. Нижние чины, имеющие знак Военного ордена, размещались в строю, под ружьем, в Гербовом и Георгиевском залах, в Портретной галерее и Пикетной комнате. Потом начиналось шествие по парадным залам членов императорской фамилии и кавалеров ордена, которое заканчивалось в Георгиевском зале. Там проходил молебен с возгласением многолетия всему Императорскому дому и Всероссийскому воинству. По окончании молебна митрополит кропил святой водой августейших особ, знамена и штандарты.

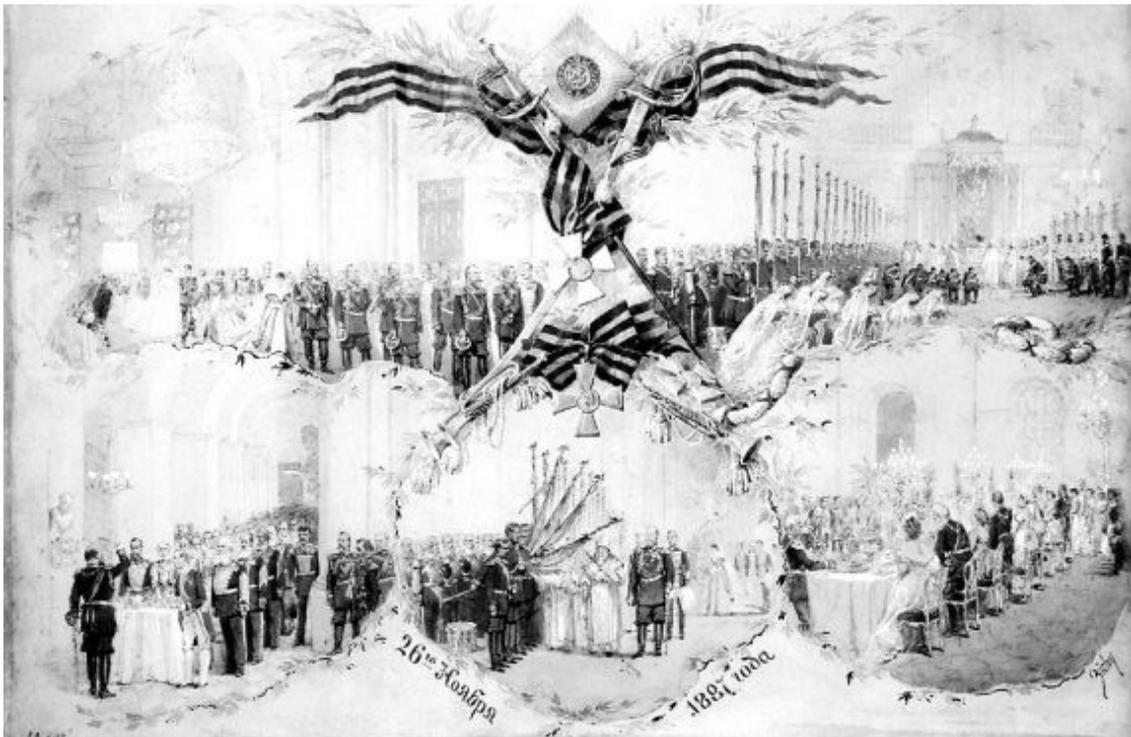

Церемониальное шествие из Гербовой в Георгиевскую залу Зимнего дворца 26 ноября 1867 г.

Следует подчеркнуть, что порядок следования при Высочайшем выходе членов императорской фамилии строго регламентировался и определялся принципом династического

старшинства. Только во время Высочайшего выхода 26 ноября этот порядок официально нарушался. Дело в том, что члены императорской семьи, имеющие орден Св. Георгия, шли в числе кавалеров этого ордена, а их место в общем порядке шествия определялось в данном случае только соответствующей орденской степенью.

Например, во время выхода 26 ноября 1884 г. великий князь Алексей Александрович шествовал вместе с кавалерами ордена. Великий князь Сергей Александрович командовал сводной полуротой Георгиевских кавалеров; великий князь Константин Константинович²¹² командовал взводом полуроты Георгиевских кавалеров; великий князь Николай Николаевич (Младший) командовал сводным взводом Георгиевских кавалеров высших степеней от кавалерии; великий князь Николай Михайлович командовал взводом полуэскадрона Георгиевских кавалеров²¹³.

М. Зичи. Торжества в Зимнем дворце 26 ноября 1884 г.

В торжественном шествии принимала участие вся мужская половина Романовых. В ноябре 1876 г. в Георгиевском параде впервые принимал участие будущий Николай II, тогда восьмилетний мальчик. Он стоял в строю в Георгиевском зале около знамени. Когда мальчик уставал, его сажали отдохнуть на барабан.

Через некоторое время после окончания торжественной церемонии (обычно в 18 часов) в Николаевском зале Зимнего дворца начинался торжественный обед для кавалеров ордена. В этот же день на первом этаже Зимнего дворца, в вестибюле перед парадной Иорданской лестницей, устраивался обед и для нижних чинов, имеющих знак отличия Военного ордена. По традиции император обязательно посещал обед нижних чинов, выпивая традиционную чарку водки. Это празднество – зримый символ героических эпизодов истории российской армии.

При Александре II неизменным атрибутом таких праздников был сахарный св. Георгий, который красовался на пирогах, подававшихся за обедом. Традиция ежегодных Георгиевских праздников сохранялась вплоть до 1916 г.

Появились и камерные дворцовые традиции, связанные с эпизодами боевой биографии императоров. Так, Александр III каждый год, начиная с ноября 1877 г. и по ноябрь 1893 г., собирал своих боевых соратников «по делу под Мечкой».

Этот бой, принесший Александру III орден Св. Георгия II степени, был памятен императору. 30 ноября 1877 г. близ деревни Мечка под Ругцуком произошел последний бой Руцукского отряда с турецкой армией Сулеймана паши, пытавшегося прорваться через русские позиции и деблокировать Ругцук. Узнав о падении Плевны и о движении русских к Балканским перевалам, турки поспешно ушли от Ругцука, чтоб не попасть в окружение.

Сначала однополчане собирались в Манеже Аничкова дворца в «походной обстановке», затем на квартире генерала В.В. Зиновьева и, наконец, в Гатчине, в особой комнате Запасной половины, где висели портреты некоторых генералов 1812 г. Для перемены один ужин устраивался на Гатчинской ферме, другой – в Приоратском замке. В этих ужинах неизменно участвовал младший брат царя, великий князь Владимир Александрович, он командовал одним из корпусов в Руцукском отряде²¹⁴.

Примечательно, что часть этих товарищеских ужинов проходила в походной палатке, в которой проходили обеды в Руцукском отряде. По свидетельству мемуариста, «почти всегда в зале ужина ставилась эта палатка; ужин проходил в ней, и сигнал к ужину подавали тот же, что к обеду во время войны»²¹⁵.

За 16 лет регулярных встреч сложился определенный ритуал празднования. Как правило, собирались к 10 часов вечера. Сначала играли в карты. Потом ужинали. Примечательно, что к ужину каждый год готовились «особые меню, которые чаще всего присылались художником Поленовым, бывшим в Руцукском отряде при цесаревиче. Государь ежегодно записывал, кто были участниками ужина и эти меню с подписями его под стеклом и в рамках развешивались по стенам. В 12 часов все переходили к закусочному столу и затем садились ужинать. Государь занимал место во главе стола. Старшие около него Ванновский и Воронцов... ужин продолжался долго, иногда до 3-х часов... Шампанское государь уже не выносил, но привык к кахетинскому и требовал, чтобы на этих ужинах непременно был «Карда-нах»»²¹⁶.

Традицию празднования в Зимнем дворце Орденского дня 26 ноября продолжил Николай II. Он ежегодно фиксировал в дневнике обстоятельства традиционного и привычного для него с детства Георгиевского праздника. В 1896 г. впервые в этой церемонии приняла участие молодая императрица Александра Федоровна.

Периодически политические события отражались на ходе сложившейся церемонии. Так, в ноябре 1904 г. Николай II отметил для себя, что Георгиевская зала была более наполнена, чем в прежние года, из-за присутствия героических команд «Варяга» и «Корейца». В ноябре 1905 г. из-за событий Первой русской революции процедура чествования Георгиевских кавалеров впервые состоялась в Большом Екатерининском дворце Царского Села. В ноябре 1906 г. царь зафиксировал, что на традиционном приеме присутствовали 763 офицера и около 200 нижних чинов.

Следует подчеркнуть, что для российских императоров ежегодные Георгиевские приемы были весьма значимы. Во-первых, это – одна из важных традиций, на которых стояла армия. Во-вторых, праздник – зримый символ единства воинской элиты российской армии, единства в подвиге, в пролитой во славу Отечества крови. В-третьих, праздник демонстрировал единство армии и императорской фамилии, поскольку вся мужская половина дома Романовых носила офицерскую форму и имела за плечами подчас серьезные боевые дела.

Во время торжественного приема императоры работали. Работа заключалась в постоянной «циркуляции» по залу и в беседах с заслуженными ветеранами и действующими офицерами. Благодаря прекрасной фамильной памяти на лица и факты Николай II имел воз-

можность поинтересоваться самыми незначительными деталями их военной биографии, что открывало императору сердца военных. Это требовало определенного профессионализма. В ноябре 1906 г. в дневнике Николай II отметил, что во время Высочайшего завтрака он разговаривал «в поте лица до 2 1/2 час.».

Поскольку число Георгиевских кавалеров после Русско-японской войны возросло, то традиционный прием начали проводить «в две очереди». Так, в 1906 г. первую очередь (763 офицера и около 200 нижних чинов) принимали 26 ноября, а 29 ноября состоялся второй прием для 1490 человек. Очень важно то, что на прием могли попасть *все*, имевшие Георгиевский крест или знак Военного ордена.

Если император 26 ноября отсутствовал в Петербурге, традиционный прием устраивался по месту его пребывания. Например, 26 ноября 1913 г., когда царская семья находилась в Ливадии в

Крым, в 11 часов на площадке перед дворцом состоялся парад. От каждой части, задействованной в охране императорской резиденции, предоставлялось по взводу. Двумя отдельными группами стояли Георгиевские кавалеры – офицеры и нижние чины. После парада для нижних отставных чинов устроили обед в палатке, а офицеров, кавалеров ордена Св. Георгия (80 чел.), пригласили на завтрак в императорскую столовую.

Подчас во время приемов Георгиевских кавалеров происходили курьезные недоразумения. Так, во время одного из обедов Георгиевских кавалеров Николай II подсел к столу подвыпивших ветеранов. Один из них, пробудившись от дремы, с удивлением спросил, почему за их столом находится молодой полковник, не имеющий белого крестика на мундире. Так что для полковника Николая Романова, как и для его предшественников, получение Георгиевского креста было одним из самых заветных желаний.

Следует отметить, что из всех российских императоров только Николай II после воцарения остался в чине полковника. Именно до этого чина он успел «дослужиться» на момент смерти Александра III 20 октября 1894 г. На следующий день после смерти Александра III камердинер приготовил для 26-летнего Николая II мундир с генеральскими эполетами. Однако царь отказался надеть этот мундир, поскольку считал некорректным жаловать самому себе генеральские эполеты. Поэтому вплоть до Февральской революции 1917 г. Николай II носил скромные полковничьи погоны.

Георгиевский крест Николая II

После вступления России в Первую мировую войну в августе 1914 г. Николай II начинает регулярно выезжать на фронты. В августе 1915 г., после трехмесячного отступления русской армии, царь принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. К этому времени полковник Романов имел только одну «заработанную» награду – орден Св. Владимира IV степени. Все остальные «награждения» носили статусный характер. Как и все мужчины из рода Романовых, он мечтал о белом Георгиевском крестике.

В начале октября 1915 г. Николай II отправился в очередную инспекционную поездку на Юго-Западный фронт. Его сопровождал цесаревич Алексей. Программа поездки – стандартная: смотры, церемониальные марши, посещение госпиталей, встречи с командным составом.

Николай II с Георгиевским крестом на гимнастике. Ставка. 1915 г.

13 октября Николай II четко отметил, что от места его пребывания до австрийских позиций «оставалось 6–7 верст». Правда, «позиций» врага он так и не увидел, поскольку «стоял туман». Это было максимальное приближение царя к передовому краю. Хотелось бы напомнить, что Петр I лично принимал участие в Полтавском сражении и неоднократно бывал под пулями. Сохранилась его простреленная треуголка. Александр I под Аустерлицем и Александр II под Плевной находились в зоне действенного артиллерийско-ружейного огня. Николай I во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. лично наблюдал за осадой крепостей и с минимальной охраной передвигался по вражеской территории. Александр III участвовал в боевых рекогносцировках во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Надо заметить, что командование Юго-Западного фронта оперативно отреагировало на «подвиг» Николая II, который оказался в зоне «действенного» огня австрийской артиллерии, на расстоянии 6–7 верст от их позиций. В результате ходатайства генерал-адъютанта Н.И. Иванова 17 октября 1915 г. цесаревич Алексей получил Георгиевскую медаль IV степени «В память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций». Император отметил в дневнике, что ему было приятно видеть радость сына.

Наверное, подсознательно он ждал награды и для себя. И надежды его не обманули. В воскресенье 25 октября 1915 г. Николай II записал в дневнике: «Незабвенный для меня день получения Георгиевского Креста 4-й степ. Утром как всегда поехали к обеду и завтракали с Георгием Михайловичем. В 2 часа принял Толю Бярятинского, приехавшего по поручению Н.И. Иванова с письменным изложением ходатайства Георгиевской думы Юго-Западного фронта о том, чтобы я возложил на себя дорогой белый крест!

Целый день после этого ходил как в чаду. Погулял с Марией и Анастасией. В 3 ¹/₂ поехали вдвоем к д. Павлу; пили чай у его постели с княг. Палей. Георгий вернулся, чтобы поздравить меня. Все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо».

Таким образом, Верховный главнокомандующий русской армией полковник Николай Александрович Романов получил желанный белый крест Георгиевского кавалера IV ст., общившись к военной элите русской армии. С этого времени отец и сын постоянно носили эти высокочтимые орденские знаки.

Николай II утвердил 10 августа 1913 г. последний Статут ордена Святого Георгия, где было не только подробнейшим образом прописано, кто и за что может получить эту боевую награду, а также Георгиевское оружие, но и впервые установлено официальное наименование «Георгиевский крест» – знак отличия Военного ордена для нижних чинов и унтер-офицеров. Медаль «За храбрость» тоже стала называться «Георгиевской». Статут 1913 г. уточнял и дополнял перечень подвигов, за которые полагалось награждение Георгиевскими орденами, крестами и медалями, упорядочил и официально закрепил сложившуюся к тому времени систему награждений как отдельных военнослужащих, так и воинских частей (кораблей). Подробно определялись также права и льготы награжденных, суммы прибавки к жалованью и пенсии. Так, каждому награжденному Георгиевским крестом полагалась ежегодная денежная выплата: за IV степень – 36 руб.; за III – 60; за II – 96 и за I степень – 120 руб. Имеющим медали выплаты устанавливались ниже: за IV степень – 12 руб.; за III – 18; за II – 24 и за I степень – 36 руб. Для 1913 г. это были весьма заметные суммы.

Награда царя и цесаревича стала главным личным «событием года», и это событие нашло отражение в личных пасхальных подарках императорской семьи. Дело в том, что начиная с Пасхи 1885 г. императрице дарилось драгоценное пасхальное яйцо «с сюрпризом» работы мастеров ювелирной фирмы Карла Фаберже. После смерти Александра III в 1894 г. мастера фирмы К. Фаберже ежегодно изготавливали по два пасхальных яйца «императорской серии»: для вдовствующей императрицы Марии Федоровны и царствующей – Александры Федоровны. На Пасху 1916 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна получила в подарок скромное так называемое «Стальное яйцо», изготовленное из полированной стали и покоящееся на четырех стальных снарядах. Внутри яйца в качестве сюрприза помещалась миниатюра, изображавшая эпизод посещения императором Николаем II передовых позиций. Миниатюру украшал Георгиевский крест, поскольку посещение боевых позиций русской армии и стало главным поводом для награждения Николая II.

«Георгиевское» пасхальное яйцо Миниатюра из «Стального» яйца

Императрица Александра Федоровна на Пасху 1916 г. также получила пасхальное яйцо, названное «Орден Св. Георгия». Пасхальное яйцо было украшено двумя Георгиевскими крестами. Традиционный «сюрприз» заключался в том, что под каждым из накладных Георгиевских крестов скрывались миниатюрные портреты Николая II и цесаревича Алексея. Это яйцо упоминается в переписке Александры Федоровны и Николая II. В телеграмме императрица писала: «Фаберже только что принес твое очаровательное яйцо, за которое благодарю 1000 раз. Миниатюрная группа чудесна, а все портреты превосходны. Алике»²¹⁷.

Награждения столь высокочтимым орденом, конечно, старались обставить самым торжественным образом. Однако в условиях войны церемонии подчас происходили очень буднично. Императоры старались по возможности сами награждать отличившихся в боях. При посещении госпиталей лично прикрепляли награду к рубашкам раненых.

Когда во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) Александр II наградил одного из младших сыновей, то произошел довольно курьезный эпизод его «двойного» награждения. Узнав о награде, счастливый Сергей Александрович отправил телеграмму матери – императрице Марии Александровне и своему воспитателю – адмиралу Д.С. Арсеньеву. Адмирал немедленно приобрел Георгиевский крест IV степени в ювелирном магазине (ордена в то время свободно продавались в ювелирных магазинах, а не изготавливались централизованно на Монетном дворе, как это делается сегодня. – И. З.). Императрица, узнав об этом, «пожелала от себя послать ему крест и послала просить меня отдать ей этот крест, ибо по позднему времени магазины были уже закрыты, и она не могла в тот же вечер к отъезду фельдъегеря достать крест».²¹⁸ В это же время (20 октября 1877 г.) отец вызвал Сергея из Руцукского отряда для награждения. Сама процедура прошла очень просто, по-семейному: «Папа вышел, крепко меня обнял и сказал: «Благодарю Бога, что Он тебя сохранил»... подошел к письменному столу и вынул что-то из красного футляра и обернулся; когда я увидел, что это был Георгий, я так и остолбенел (в наградных документах формулировка: «За мужество и храбрость, оказанные в деле против турок при рекогносцировке 12 октября 1877 г.» – И. З.). Этого я вовсе не ожидал – я не знал, что и говорить. Но многое я прочувствовал в эту минуту – меня так и обхватило. Я бросился обнимать Папа, у него на глазах и в голосе были слезы. Я не достоин такой награды, и она на меня возлагает много, много обязательств, которых дай мне Бог исполнить!.. Никогда не забуду, что я был под огнем в первый раз под командой моих обоих братьев, мой отряд принадлежал 12 корпусу... Боже мой, как я счастлив Георгием. Дай мне Бог доказать, что я его достоин!»²¹⁹.

Мальчишка был так счастлив, что даже спал «со своим Георгием, которого пришил к халату. «Папа очень смеялся, когда узнал, что я спал с Георгием... он мне говорил про смерть Сережи и прибавил: «Его смерть доказала, что и вы на равных с другими не щадите вашу жизнь. Слава Богу, что он тебя сохранил»»²²⁰.

Генерал Ю.Н. Данилов вспоминал, что его награждение орденом Св. Георгия IV степени в 1916 г. состоялось самым камерным образом. Поздно вечером, после очередного доклада Николаю II, царь пригласил генерала в свое купе и «взял с полки из-под образов лежавший там футляр. Вынув оттуда заветный для каждого военного белый эмалевый крестик, он благословил им меня и сказал при этом по моему адресу несколько теплых слов. Растроганный этой сценой я принял крест из рук царя и тут же приложил к своим губам; затем принужден был вложить крест обратно в футляр, так как на моем кителе не имелось соответственной петлички»²²¹.

Примечательно, что награжденные по традиции «проставлялись». Как могли. Когда великий князь Николай Николаевич (Ст.) в 1877 г. получил из рук старшего брата крест Св. Георгия II ст., то Свита князя качала, а вечером «праздновали Николашу, он задал ужин с шашлыком»²²².

К Георгиевским наградам кроме орденов, крестов, медалей и оружия с георгиевской символикой относились также Георгиевские знамена, штандарты, флаги и вымпелы, Георгиевские ленты на знамена и штандарты, Георгиевские трубы и рожки. Все они имели коллективный характер и вручались отличившимся в боевых действиях воинским частям и кораблям. Кроме того, практиковались Георгиевские петлицы, звезды и ленточки как детали формы одежды, которыми награждались рядовые и унтер-офицеры подразделений армии и флота за коллективные подвиги и отличия.

Таким образом, к 1917 г. российские *императоры, императрицы и цесаревичи* были кавалерами ордена Св. Георгия следующих степеней (см. табл. 1).

Таблица 1

Правящая особа	Дата и год награждения	Орденская степень	Повод к награждению
Екатерина II	26 ноября 1769 г.	Св. Георгия I степени	Как гроссмейстер Ордена
Александр I	13 декабря 1805 г.	Св. Георгия IV степени	За личную храбрость
Цесаревич Константин Павлович	1805 г.	Св. Георгия III степени	За личную храбрость в деле под Аустерлицем
Цесаревич Константин Павлович	Октябрь 1813 г.	Св. Георгия II степени	За участие в сражении под Лейпцигом
Николай I	1838 г.	Св. Георгия IV степени	За 25-летнюю выслугу в офицерских чинах

Александр II	10 ноября 1850 г.	Св. Георгия IV степени	За личное мужество «в деле против кавказских горцев»
Александр II	16 ноября 1869 г.	Св. Георгия I степени	В честь 100-летнего юбилея Ордена
Александр II	Ноябрь 1877 г.	Золотая сабля с надписью «За храбрость» с Георгиевским темляком	За взятие Плевны
Александр III	30 ноября 1877 г.	Св. Георгия II степени	За блистательное выполнение трудной задачи удержания, в течение 5-ти месяцев, превосходящих сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ловче позиций и за отбитие, 30-го Ноября 1877 года, атаки на Мечку
Цесаревич Алексей	17 октября 1915 г.	Георгиевская медаль IV степени	В память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций
Николай II	25 октября 1915 г.	Св. Георгия IV степени	В память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций

От парадно-боевых подразделений – до спецслужб Организация личной охраны российских монархов

Подробности, связанные с охраной первых лиц страны, всегда были окутаны тайной. Во все времена существовали методики и различные системы охраны, призванные сохранить жизнь «первому лицу» и его окружению. Секреты этих методик и систем не принято было разглашать ни в древности, ни сейчас. Но тем не менее некоторые крупницы информации, дошедшие до нас из архивных источников и мемуаров, позволяют, хотя бы в первом приближении, реконструировать систему охраны императорской фамилии в Российской империи.

Развитие системы охраны императорской фамилии шло на протяжении длительного периода. Конкретные формы охраны обуславливались особенностями существовавших общественно-политических отношений. Исторически первой сформировалась охрана императорской фамилии элитными армейскими частями. В имперский период это были гвардейские полки, которые размещались в непосредственной близости от царских дворцов. Гвардейские полки были расквартированы в Петербурге, Царском Селе, Петергофе и Гатчине. Хорошо известно, что именно гвардия в XVIII в. играла главную роль в дворцовых переворотах, возводя на трон и свергая императоров и императриц. В начале XIX в. формируется новая специальная элитная армейская кавалерийская часть – Собственный Его Императорского Величества Конвой (1811 г.), который использовался исключительно для сопровождения и охраны императора.

После 1825 г., с началом правления Николая I, армейская охрана императора была усилена. Наряду с гвардейцами, которые несли караулы в Зимнем дворце, и Собственным конвоем, создали Роту дворцовых гренадер (1827 г.), на начальном этапе своей истории она также охраняла первое лицо страны. Кроме этого, начали формироваться общеимперские спецслужбы в лице III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК, 1826 г.) и Отдельного корпуса жандармов (1826 г.). Эти структуры надежно защищали самодержавные основы полуфеодального государства. Фактически за все время царствования Николая I на него не было совершено ни одного покушения, вместе с тем спецслужбы внимательно отслеживали ситуацию, связанную с личной безопасностью царя.

С началом царствования Александра II ситуация кардинальным образом изменилась. Это было связано с тем, что новым фактором политической жизни России стал политический терроризм. А его важнейшей составляющей стало стремление революционеров к царубийству. Именно это явление подтолкнуло к созданию новых ведомственных структур: Дворцовой стражи (1861 г.), подведомственной Министерству Императорского двора, и Охранной стражи III Отделения СЕИВК (1866 г.). Именно на них возлагалась задача непосредственной физической защиты императора и его семьи.

Таким образом, в первой половине 1860-х гг. сложились четыре основные структуры, обеспечивавшие физическую безопасность императора и его семьи. Во-первых, это гвардейские полки. Во-вторых, элитные гвардейские части в лице Собственного Конвоя, занятого непосредственно физической охраной российских императоров. В-третьих, органы государственной безопасности и государственной охраны в лице III Отделения СЕИВК и Отдельного корпуса жандармов с общеимперской полицией. И в-четвертых, службы непосредственно ответственные за обеспечение безопасности и охраны российских императоров в лице Дворцовой полиции и Охранной стражи III Отделения СЕИВК.

В различные периоды существования этих структур их влияние менялось. Если во время николаевской России ведущую роль в системе охраны играли гвардейские части

и имперские спецслужбы, то в 1860-1870-х гг. главенствующая роль начала переходить к нарождавшимся дворцовым спецслужбам. Кроме этого, из числа гвардейских частей были созданы специальные подразделения, главной задачей которых была также физическая защита императорской фамилии. Однако наряду с этими позитивными процессами, в деле обеспечения безопасности и охраны лиц императорской фамилии вплоть до 1881 г. так и не удалось создать единого центра, который координировал бы деятельность всех этих структур. Именно многоведомственность в организации охраны Александра II и стала одной из главных причин гибели царя 1 марта 1881 г.

После трагедии 1 марта 1881 г. были сделаны серьезные выводы, и к середине 1880-х гг. в России складывается единая система охраны императорской фамилии, включавшая гвардейские части, специальные воинские формирования, общеимперские и дворцовые спецслужбы. Об эффективности подобной системы говорит то, что во время царствования Александра III политический терроризм как явление утратил свою актуальность.

В разные времена и в разных странах первых лиц всегда охраняла элита – секретные службы, как бы они ни назывались. Но дворцовые перевороты и покушения на первых лиц также были обычным делом. В середине XIX в. ситуация в деле охраны первых лиц России кардинальным образом изменилась, поскольку на смену дворцовым переворотам и покушениям пришел политический терроризм. Разница между убийством Павла I и Александра II совершенно очевидна. Тема организации охраны первых лиц Российской империи многогранна. Мы же остановимся на краткой характеристике подразделений, непосредственно обеспечивавших их охрану.

III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии

Начало формированию спецслужб Российской империи было положено 3 июня 1826 г. В этот день император Николай I подписал указ об образовании III Отделения в составе Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК). Именно эта структура стала прообразом специальных служб в области государственной безопасности Российской империи.

Формирование III Отделения непосредственным образом связано с событиями 14 декабря 1825 г., когда часть гвардейских полков вышла на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга, пытаясь привычными методами дворцовых переворотов изменить направление политического развития Российской империи.

А. Ладюрнер. Эскиз по рисунку императора Николая I. Конец 1840-х гг.

События 14 декабря 1825 г. создали реальную опасность для жизни молодого монарха Николая I. Именно в этот день вопрос личной безопасности Николая Павловича и его семьи обозначился со всей отчетливостью. Сам Николай I хладнокровно оценивал свои шансы, когда 11–12 декабря 1825 г. решил сам «брать престол». Утром 14 декабря 1825 г. Николай Павлович, одеваясь, сказал А.Х. Бенкендорфу: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете, но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг»²²³. Действительно, под контролем декабристов были значительные силы. Как один из вариантов развития событий ими рассматривалось цареубийство. Возможности для этого у них имелись. С 11 на 12 декабря 1825 г. караул в Зимнем дворце несла рота Московского полка под командованием декабриста штабс-капитана Михаила Александровича Бестужева. В ночь на 14 декабря К.Ф. Рылеев искал план Зимнего дворца, на что Александр Бестужев, усмехнувшись, сказал: «Царская фамилия не иголка, и, если удастся увлечь войска, то она, конечно, не скроется...»

Поэтому после подавления выступления бунтовщиков (позже их назовут декабристами) логичным стало обращение к Николаю I в конце января 1826 г. генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа с запиской «Об устройстве внешней полиции», в которой речь шла о создании специальной политической полиции. После ее рассмотрения, 25 июня 1826 г. Николай I подписал указ об организации Отдельного корпуса жандармов. 3 июля 1826 г. последовал еще один указ – о преобразовании Особой канцелярии Министерства внутренних дел в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Шефом Корпуса жандармов и главным начальником III Отделения СЕИВК был назначен А.Х. Бенкендорф. Создание этих структур означало переход от *политического розыска* к системе *политического контроля* в Российской империи.

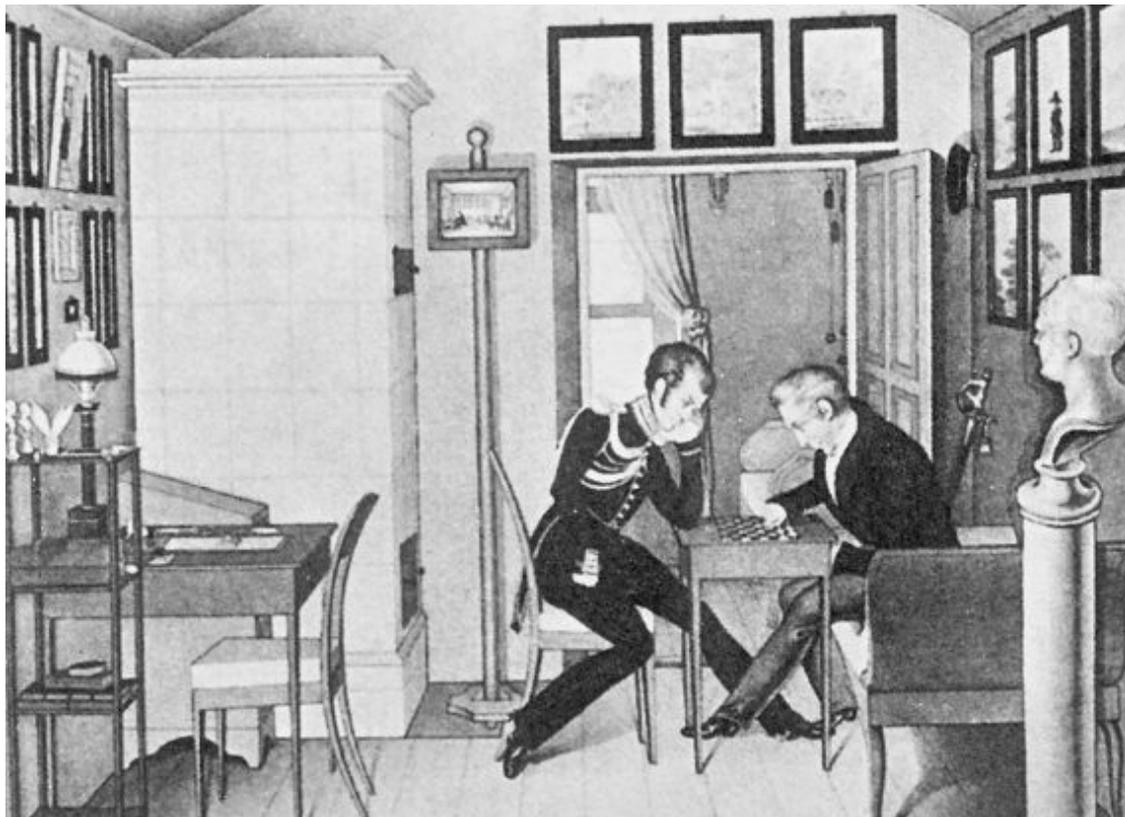
Дж. Доу. Портрет АХ. Бенкендорфа. 1822 г.

Надо подчеркнуть, что создатель и многолетний руководитель III Отделения граф А.Х. Бенкендорф был боевым генералом и делал карьеру не на дворцовых паркетах. В 1803 г. он участвовал в боевых действиях в Грузии (ордена Св. Анны и Св. Владимира IV степени), принимал участие в войнах с Францией в 1805 и 1806–1807 гг.

М.Я. фон Фок. Литография с оригинала Фридрица. 1820-е гг.

За отличие в сражении при Прейсиш-Эйлау А.Х. Бенкендорф был награжден орденом Св. Анны II степени. В Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. отличился в сражении под Рущуком (июнь 1811 г., орден Св. Георгия IV степени).

Приемная А.Х. Бенкендорфа. Конец 1820-х и.

Во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов зарекомендовал себя как лихой кавалерийский командир, отличаясь личной храбростью. За эту кампанию Бенкендорф получил ордена Св. Георгия III степени, Св. Анны I степени, Св. Владимира II степени, золотую шпагу, украшенную бриллиантами, с надписью «За храбрость». Тем не менее он не посчитал зазорным для своей чести в 1821 г. представить императору Александру I подробную записку со сведениями о «Союзе благоденствия». Император оставил записку генерала без движения, но события 1825 г. показали прозорливость Бенкендорфа.

Новое подразделение формировались не на пустом месте. До 1826 г. в структуре МВД действовала Особенная канцелярия под руководством М.Я. фон Фока. Его опыт был использован в полной мере. В записке от 14 июля 1826 г. М.Я. фон Фок предлагал разделить III Отделение на четыре экспедиции. Задачу первой экспедиции фон Фок видел в предупреждении «злоумышлений против особы государя императора». Под этим подразумевалось, что III Отделение в первую очередь обеспечивает стратегическую безопасность царя и его окружения, охраняя «безопасность престола». При этом необходимо подчеркнуть, что собственно III Отделение было структурой скорее аналитической, главной задачей которой были сбор и обобщение собранной информации. В новой структуре использовалась агентурная сеть, созданная фон Фоком. Поскольку главная опасность для трона тогда исходила из среды оппозиционного дворянства, то это были не рядовые агенты. В их число входили статский советник Нефедьев, граф Лев Соллогуб, коллежский советник Бландов, писатель и драматург Висковатов²²⁴. Особое внимание сотрудников III Отделения обращалось на армию и гвардию, поскольку именно военные на протяжении XVIII – начала XIX вв. были главными организаторами заговоров и цареубийств.

А.В. Тыранов. Портрет генерал-майора Л.В. Дубельта. 1840-е гг.

Со временем III Отделение постепенно отказалось от оперативной работы, поскольку это не входило в его задачи, да и штат его сотрудников был очень небольшим²²⁵. Общее число сотрудников III Отделения на момент его основания составляло всего 27 человек. На момент упразднения III Отделения в 1880 г. число сотрудников было ненамного больше – 58 человек²²⁶.

III Отделение неоднократно подвергалось реорганизациям. В 1839 г., после объединения должности начальника Штаба Корпуса жандармов и управляющего III Отделением в лице Л.В. Дубельта, создана единая структура, просуществовавшая вплоть до 1880 г.

Надо отметить, что кроме сбора информации и ее аналитического осмысления III Отделение своим немногочисленным штатом чиновников решало множество вопросов, которые не имели никакого отношения к вопросам государственной безопасности и государственной охраны. Поэтому, когда в 1860-х гг. резко осложнилась внутривосточная ситуация в Российской империи, перед III Отделением были поставлены новые задачи. Главная из них – борьба с революционным движением в России.

К числу мер по охране императорской фамилии в начале 1860-х гг. можно отнести то, что начальнику III Отделения и Шефу жандармов В.А. Долгорукову²²⁷ и петербургскому военному генерал-губернатору А.Л. Суворову было поручено неослабное наблюдение за всеми отправляющимися в Царское Село по железной дороге. В свою очередь, полиции Царского Села поручалось наблюдать за всеми приезжающими.

В.О. Шервуд. Портрет В.А. Долгорукого в мундире лейб-гвардии Конного полка. 1882 г.

Но это были меры, носящие традиционный характер. Время требовало новых решений. После покушения Д. Каракозова в апреле 1866 г. и отставки В.А. Долгорукова преобразованиями занялся новый министр внутренних дел Петр Андреевич Шувалов. По его инициативе жандармский корпус лишился полицейских прерогатив. Главной задачей корпуса стало «наблюдение за обществом», т. е. III Отделение фактически стало «чистой спецслужбой». Однако эти реформы имели и свои негативные последствия. Дело в том, что либеральная интеллигенция, формировавшая общественное мнение в России, с большой симпатией относилась к тираноборческим настроениям революционеров, поэтому дела арестованных революционеров «разваливались» либеральными судами.

П.А. Шувалов

Поэтому в 1871 г. III Отделению возвратили полицейские функции, позволявшие активно влиять на следственные и судебные процессы.

Немаловажным было и увеличение финансирования всех структур, боровшихся с революционным движением в России. Бюджет Охранной стражи III Отделения, непосредственно занятой охраной царя, составил 52 000 руб. в год. В июле 1866 г. выделили дополнительные ассигнования на «усиление заграничной агентуры» в размере 19 000 руб. На содержание «секретного отделения» при петербургском обер-полицмейстере выделялось 29 000 руб. в год. Эти меры дали определенные результаты. Современникам П.А. Шувалов запомнился как человек, при котором на императора не совершилось ни одного покушения.

Таким образом, в 1826 г. была создана структура, которая пользовалась в 1820-1850-х гг. значительным влиянием в обществе. Фактически III Отделение СЕИВК стало фундаментом для создания в России профессиональных спецслужб. Вместе с тем, III Отделение в силу ряда объективных причин «не успевало» за развитием революционного движения в России и в конце 1870-х – начале 1880-х гг. фактически утратило инициативу в противостоянии политическому террору народолюбцев. Именно это и стало главной причиной ликвидации III Отделения в 1880 г.

Отдельный корпус жандармов

Если III Отделение СЕИВК занималось сбором оперативной информации и ее анализом, то Отдельный корпус жандармов был создан для непосредственной оперативной работы по обеспечению государственной безопасности в границах Российской империи.

Жандармы появились в русской армии еще при Александре I. В июне 1815 г. в каждом кавалерийском полку была создана жандармская команда для борьбы с мародерами и другими воинскими преступлениями. К 1826 г. жандармов насчитывалось более 4 тыс. человек²²⁸, в 1880 г. – 6808 чел., т. е. за 55 лет штаты жандармского корпуса выросли на 60 %²²⁹. В 1826–1827 гг. подразделения жандармов свели в единую структуру – Отдельный корпус жандармов, который занимался оперативной работой. С этой целью всю империю разделили на 7 округов, в которых создавались структуры тайной полиции. Тогда же сложились жесткие требования при

комплектовании кадрового состава корпуса, сохранявшиеся вплоть до начала XX в. Для перевода в элитный корпус жандармов от армейских и гвардейских офицеров требовалось: возраст не моложе 25 лет, потомственное дворянство, окончание военного или юнкерского училища по первому разряду как правило, православное вероисповедание²³⁰, отсутствие долгов и пребывание в строю не менее 6 лет²³¹.

Обер-офицер и вахмистр Отдельного корпуса жандармов. 1897 г.

Постепенно сложилась и процедура перехода в жандармские офицеры из армии. В марте 1830 г. армейских офицеров, переходящих в Корпус жандармов, начали подвергать специальным «испытаниям». Речь еще не шла об экзаменах. Кандидаты прикомандировывались на 2–4 месяца в Штаб корпуса, где сослуживцы оценивали их «умения и способности», нравственные качества и степень образованности.

Неизвестный художник. Офицер Отдельного корпуса жандармов

Собственно «экзаменационные испытания» при зачислении в Корпус ввели позже. Сначала необходимо было выдержать предварительные экзамены при Штабе Жандармского корпуса. Затем сдавшие экзамены зачислялись в кандидатский список, и по мере появления вакансий они вызывались в Петербург на 4-месячные курсы, после которых необходимо

было еще сдать выпускной экзамен. И только затем прошедшие через это сито высочайшим указом зачислялись в Отдельный корпус жандармов. О строгом отборе в Жандармский корпус свидетельствуют следующие данные. В 1871 г. подали прошение о переводе в Корпус жандармов 142 армейских офицера, из них отобрали 21 человека. К занятиям на курсах допустили только 6 человек, т. е. только 4,2 % от числа желающих²³².

Очень важным для армейских офицеров, стремящихся перейти на службу в Отдельный корпус жандармов, было то, что для жандармских офицеров действовал особый порядок чинопроизводства, что позволяло при удаче быстро сделать карьеру. Поэтому конкуренция среди желающих попасть на эту службу была столь высока, что, по свидетельству А.И. Спиридовича, и в конце 1890-х гг. «без протекции попасть на жандармские курсы было невозможно»²³³. При этом в общественном сознании вплоть до конца 1880-х гг. жандармская служба считалась вполне достойной и не вызвала негативизма. Только тогда систематическими усилиями либеральной интеллигенции в общественном сознании начал целена-

правленно формироваться образ жандарма – «сатрапа», что, безусловно, затрудняло работу офицеров Отдельного корпуса жандармов.

Одна из главных задач III Отделения и Отдельного корпуса жандармов – обеспечение личной безопасности Николая I. Хотя самой лучшей защитой царя был он сам. Его властная харизма была такова, что Николай I один сумел поставить на колени мятежную толпу на Сенной площади во время вспышки эпидемии холеры в начале в 1831 г. в Петербурге. Адмирал А.И. Шестаков писал об этой черте характера Николая Павловича: «Смелость, которая валила на колени безумные толпы, озаряла его сиянием власти, не допуская мысли непокорности, отбросившая самое злодейство. Ничья рука не могла подняться на человека, носившего в себе убеждение неуязвимости. Страх в его глазах был для простых смертных, а не для помазанника, над которым блюла сверхъестественная охрана»²³⁴. Царь это осознавал, поэтому после перестройки Зимнего дворца в 1838–1839 гг. ночные посты у личных покоев императора, введенные еще при Александре I, были отменены распоряжением Николая Павловича²³⁵.

Как свидетельствуют современники, царь, как и его старший брат Александр I²³⁶, позволял себе одинокие прогулки по Дворцовой набережной и Летнему саду в простой шинели, раскланиваясь со встречающимися знакомыми. Подданные могли часто видеть императора без всякой охраны. Он регулярно посещал общедоступные маскарады в доме Энгельгарта. Подданные точно знали, где и когда можно встретить Николая I на улице. Например, барон М. Корф упоминает в «Записках», что если кто-либо хотел встретить императора «лицом к лицу», то «стоило только около 3 часов перед обедом пойти по Малой Морской и около 7 часов по Большой. В это время он посещал дочь свою в Мариинском дворце...»²³⁷.

Но в периоды политических кризисов у современников возникали вопросы, охраняется ли вообще священная особа императора? Так, в 1848 г., когда Европа сотрясалась конвульсиями буржуазных революций, барон Корф писал: «При уверенности в массе народа, трудно было ручаться за каждое отдельное лицо и, при всем том, не только не было усилено никаких внешних мер предосторожности, караулов и проч., не только позволялось свободно, как всегда входить во дворец и расхаживать по его залам, но и сам государь всякий день совершенно один прохаживался пешком по улицам, наследник также, а царственные дамы катались по целым часам в открытых экипажах. Разумеется, впрочем, что это не ослабляло и не должно было ослаблять тайных мер надзора»²³⁸. Можно предположить, что такое поведение членов императорской семьи связано с сознательной демонстрацией политической стабильности Российской империи. Тем не менее современники считали что «тайные меры надзора» были.

Трудно сказать, сопровождала ли царя его *негласная* охрана постоянно и каков был ее состав. Но тем не менее в воспоминаниях проскальзывают упоминания, указывающие на то, что такая негласная охрана существовала.

На улице Николай Павлович мог завязать непринужденный разговор со знакомыми ему лично людьми. Однако это могло закончиться для собеседника плачевно. Например, после разговора с актером-комиком французской труппы Берне, которого император особенно жаловал, тот попал в полицейский участок за «приставание» к императору, так как, «плохо владея русским языком, он не смог объяснить с полицейским (курсив мой. – И. З.). И только позднее, когда все выяснилось, его выпустили с извинениями»²³⁹. Можно предположить, что охрана царя, «полицейские», немедленно выясняли личности собеседников императора, если они не были ей уже известны. По воспоминаниям актрисы А.Я. Панаевой, император любил бывать в театре на сцене, но при этом «никто не ходил, *везде стояли чиновники, наблюдая*, чтобы кто-нибудь по нечаянности не выскочил на сцену... наконец, государю надоела эта гробовая тишина за кулисами и на сцене, и он отдал приказ, чтобы никогда

не стеснялись в его присутствии, и все делали бы свое дело. Надо было видеть, *как суетились чиновники*, чтобы, например, плотники, таща кулису, не задели государя, как все артистки расхаживали по сцене в надежде, что их осчастливит государь своим вниманием»²⁴⁰. Этими «чиновниками», конечно, могли быть представители театральной администрации, но можно предположить, что «чиновниками» являлись жандармские офицеры, которые отвечали за личную безопасность царя. Возможно, это были специальные чиновники «по особым поручениям» III Отделения, чьи имена впервые упомянуты в приказе от 17 апреля 1841 г. Они, вполне легально занимаясь агентурной деятельностью, могли негласно сопровождать императора.

Но, в любом случае, у них было мало работы. Из множества мемуарных свидетельств о личной охране есть только немногочисленные косвенные упоминания, поэтому о ее существовании мы можем говорить только гипотетически. Но это не означает, что за все 30 лет правления не возникало реальных угроз жизни царя. В первой половине 1830-х гг., после жесткого подавления русскими войсками восстания в Польше, эта угроза сделалась достаточно ощутимой. Ощутимой настолько, что, собираясь на маневры в Калиш в 1835 г. и предполагая возможность покушений со стороны поляков, Николай Павлович оставил для наследника нечто вроде завещания²⁴¹. В июне 1833 г. стало известно, что во Франции в Авиньоне польские повстанцы решили убить Николая I. Вскоре в Вильно арестовали Марцелия Шиманского, тайно вернувшегося из Франции, у него изъяли яд и кинжал. В 1830-х гг. в секретной переписке петергофского дворцового управления с чинами Отдельного корпуса жандармов проходили по ориентировке несколько поляков, которых рассматривали как лиц, способных совершить покушение на царя. Так, жандармы сообщали дворцовой охране приметы одного из возможных террористов: «Платер Владислав. Рост средний, волосы светло-русые, глаза голубые, нос умеренный, приятной внешности»²⁴².

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.